

WARHAMMER
40,000

SPACE WOLF

A SPACE WOLF NOVEL BY WILLIAM KING

*'Paints a bleak but compelling portrait
of life in the 41st century'*
Publishers Weekly

Annotation

Для любого мужчины, рожденного в суровом мире Фенриса, нет участи достойнее, чем доблестная гибель в битве. Но лишь для самых яростных бойцов за порогом смерти открываются врата Дома Рүсса -- обители воинственного бога Фенриса.

Юному Рагнару суждено было узнать, что мифы его народа не лгут. И хотя роль валькирий исполняют не белокурые девы на крылатых конях, а звероподобные мужчины на десантных шаттлах, обещанный пир действительно вечен, ибо это пир войны. Войны, охватившей целые галактики. У Орден Костических Волков, которому отныне посвящена жизнь Рагнара, сражается на переднем ее крае.

- [Уильям Кинг. Костический волк](#)
 - [Пролог. Атака на Геспериду](#)
 - [1. Море драконов](#)
 - [2. Храм железа](#)

- 3. Праздник грохочущих кулаков
 - 4. Последний взгляд
 - 5. Избирающий павших
 - 6. Избранные
 - 7. Охота
 - 8. Испытания
 - 9. Врата Моркаи
 - 10. Чаша Вульфена
 - 11. Дух твари
 - 12. Последнее испытание
 - 13. Посвящение
 - 14. В поле
 - 15. Во мгле
 - 16. Храм Хаоса
 - 17. Отступление с боем
 - Эпилог
-

Уильям Кинг.

Костический Волк

Пролог. Атака на Геспериду

Здания полыхали со всех сторон. Разгар неся сквозь вихрь битвы огромными шагами, выкрикивая команды своим людям:

-- Брат Хрольф -- две ракеты вон в то укрепление, прямо по ходу! Остальным -- построиться и приготовиться ворваться внутрь, как только будет снесена дверь!

Наушники донесли подтверждения. Разгар перебежал от двери, за которой укрывался, к огромной глыбе рухнувшей каменной кладки, что была метров на двадцать ближе к цели. Луч вражеского лазера расплавил бетон там, где мгновение назад ударили его каблучки, но в своих механизированных доспехах воин перемещался слишком быстро, чтобы еретики успевали прицелиться. Разгар упал на землю за глыбой и переждал мгновение.

Загрохотали тяжелые орудия. Где-то далеко слышался рев двигателей «Громого Ястреба» и серия звуковых ударов, сопровождавших снижение скорости корабля до суборбитальной. Ярко-желтые инверсионные следы пронизали свинцовые облака, и в небе показались штурмовики. С их крыльев одна за другой срывались ракеты, со свистом устремляясь к земле, чтобы поразить укрытия еретиков.

Разнар машинально проверил свое оружие — автоматизм, порожденный вековым опытом, — глубоко вздохнул, вознес молитву Императору и застыл в ожидании.

Он контролировал окружающую обстановку вплоть до мельчайших деталей. Его основное сердце билось ровно, а тело уже залечивало небольшие царапины и порезы, полученные от разрывов шрапнели. Разнар чувствовал, как затягивается неглубокая рана на лице. Его чувства были куда более острыми, нежели у человека, которым он когда-то являлся, и они постоянно снабжали мозг исчерпывающей информацией о

происходящем вокруг. Он чужд ободряющему присутствию своих боевых братьев, стеснялся запахов закаленного кератита, стазочного масла, мужчин Фенриса -- и едва различимые признаки того, что они являлись не совсем людьми. А еще к этому букету примешивались феромоны ярости, боли и хорошо контролируемого страха.

Разнар проверил свои госпехи, убедившись в том, что они не повреждены. Там, где шпаннель ударила в закаленный кератит панциря, имелись небольшие царапины. В двух местах он обнаружил вздутия краски, что говорило о микротрещинах прикосновении луча лазгана. И только в одном месте болтерный снаряд пробил приподнятый край наплечника. В общем, ничего серьезного. Сервомоторы, приводящие в движение его мощное боевое облачение, сейчас были задействованы на 75 процентов мощности -- на большинстве систем они пока работали вхолостую для экономии энергии. Встроенные в госпехи автоматические сенсоры сообщали Разнару о слабых следах загрязняющих веществ и остатках нейротоксинов в

окружающей среде -- очевидно, поднявшие
матееж еретики использовали их при
неожиданном нападении на оставшиеся
верноподданными вооруженные силы.

Хвала Рүссу, волноваться особо не о
чет. Способность его организа
перерабатывать яды здесь едва ли
понадобится. Разгар был знаком с
достаточно сильными отравляющими
веществами, которые вызывали у него
головные боли, спазмы мускулов и
головокружения, пока его тело
приспосабливалось к ним. Но яды, с
которыми он столкнулся сейчас, сильно
уступали им по эффективности. В целом
все выглядело не так уж и плохо. Но правде
говоря, он даже получал удовольствие от
происходящего. Теперь, после месяца
бездействия в своей комнате в Клыке и
недели взаперти на борту одного из
огромных имперских звездных крейсеров по
дороге на эту второстепенную войну, он
наслаждался боем. Ничего удивительного
именно для этого он был рожден, для этого
без конца тренировался. Вся его жизнь
была подготовкой к этому мгновению. В

конце концов, он являлся императорским десантником из Ордена Космических Волков. Чего еще желать от жизни? В руке у него заряженный болтер, впереди -- враги Императора. Нет в этой жизни большего наслаждения, чем исполнить свой долг и покончить с жалкими еретиками.

Стена за спиной грозила, осколки камня забарабанили по доспехам. Кто-то накрыл его убежище тяжелой ракетой или крупнокалиберным снарядом. Впрочем, это не имело значения. По своему опыту Рагнар знал, что армированный бетон сможет выдержать такой удар. Он бросил взгляд на хронометр. Прошла минута и четыре секунды с тех пор, как он отдал распоряжение брату Хрольфу. Еще две минуты понадобятся Хрольфу для выхода на рубеж атаки и десять секунд -- чтобы сделать выстрел. Этого времени более чем достаточно, чтобы остальные бойцы заняли нужную позицию. За это время еретики никак не могли бы снести его укрытие, не увеличив значительно свою огневую мощь.

Очевидно, именно эта мысль пришла

в голову и командующему силам
противника. Разнар услышал скрежет
приближающихся огромных гусениц и
понял, что они могут принадлежать лишь
вражеской машине. Императорские силы
только начали спуск с орбиты, и
Космические Волки были их передовым
отрядом. Никакая имперская
бронетехника еще не могла оказаться на
поверхности планеты. Логическое
заключение из этого факта было весьма
простым: что бы ни приближалось сюда,
оно было чужим.

Сообщение, пришедшее по внешней
связи, подтвердило эту мысль:

— Отряду Разнара. Вражеский танк
«Хищник» приближается к вашей позиции.
Нужна ли вам помощь? Прием.

Разнар размышлял не более минуты.
На этом этапе воздушное прикрытие
«Грозового Ястреба» в большей степени
требовалось в другом месте — для
поддержки войск в критический момент
высадки под дулами вражеских орудий. Ему
не хотелось лишать этой помощи своих
боевых братьев. Тем более для того,

чтобы разобратся с одним-единственным
вражеским танком.

— Это Рагнар. Ответ
отрицательный. Мы сами займемся
«Хищником». Прием.

— Сообщение получено и понято.
Император смотрит на вас. Конец связи.

Рагнар по очереди обдумал
возможные варианты действий. Он
слышал, как приближается танк, ощущал
вонь его выхлопных газов. Под гусеницами
крошился бетон. Рагнар мог потребовать,
чтобы брат Хрольф ударил по танку из
орудия огневой поддержки, но это означало
бы отмену атаки на убежище, тогда как
Хрольф уже переместился на исходную
позицию. Рагнар сомневался, что в этом
есть необходимость, когда он может
разобратся с танком и сам.

Он проверил свою аммуницию. Все было
на местах. Шприцы с лекарствами,
гранатные раздатчики, рет-комплект.
Рагнар хлопнул по раздатчику, и у него в
руке оказалась крак-граната. Пойдет. Он
выглянул из укрытия и увидел, как из-за
угла показался глиняный ствол орудия

«Хищника». Через пару мгновений в поле его зрения оказался весь танк. Это была стандартная боевая машина Императорских войск, наспех перекрашенная в кроваво-красный цвет, а на боку вместо изящной эмблемы планетарных армий был криво наклеен восьмиконечный символ Хаоса.

Вид ненавистной эмблемы вызвал у Рагнара рык ярости. Это был знак почитателей демонов, стремившихся уничтожить то, что он защищал всю свою долгую жизнь. Увидев его, Кости́ческий Волк преисполнился звериной свирепости, бывшей частью его натуры.

Он поднялся на ноги, опытным глазом определив расстояние между собой и танком: не более сотни шагов. Эта дистанция быстро сокращалась по мере того, как танк с грохотом продвигался вперед. Рагнар видел, как установленные на башне гранатометы уже повернулись, выцеливая его. Теперь его позиции угрожал удар с фланга, но Кости́ческий Волк в любом случае уже решил оставить ее.

Сервомоторы госпехов взвыли, когда

Он рванулся по открытому пространству навстречу танку. Вновь луч лазгана метнулся ему вслед, но, как и рассчитывал Разнар, стрелки были слишком ошарашены его неожиданным броском из укрытия, чтобы успеть как следует прицелиться.

Сидящие в танке явно не поверили своим глазам. Очереди трассирующих снарядов вспороли воздух над его головой. Стрелявшие не слишком-то усердствовали. Казалось, они рассчитывали, что танк разотрет противника в порошок. Разнар натеревался как можно скорее доказать врагам их ошибку. Они жестоко поплатятся за то, что недооценили одного из сыновей Лемана Рюсса.

Он мчался прямо на танк, и тот рос у него на глазах. Хотя Разнар частенько таршировал рядом с такими машинами или пристраивался у них на броне, когда его с братьями-Волками доставляли к месту очередного боя, сейчас он удивился, какой огромной выглядит эта машина. Костицкий Волк улыбнулся. Когда с

такими иштукovinaми приходится
сражаться, они всегда смотрятся
несколько по-иному.

Расстояние между ним и
«Хищником» быстро сокращалось. В
воздухе стоял гул от вибрации двигателя,
а вонь выхлопных газов становилась
невыносимой. Мерцающий луч лазгана
подобрался вплотную к его каблукам.

В последнюю секунду Разнар рванулся
вправо, так что «Хищник» оказался между
ним и вражеским бункером. Он взмахнул
рукой и забросил первую крак-гранату
между зубцами катков и гусеницей.
Предохранитель установлен на три
секунды. Куча времени, чтобы добавить
еще один заряд...

Взрывом выбило сразу несколько
траков. Катки со скрежетом
остановились -- очевидно, вышла из строя
трансмиссия. Огромный кусок гусеницы,
вырвавшись вперед, чуть не попал в
Разнара. Лишь его молниеносная реакция,
максимально обостренная напряжением
боя, позволила увернуться, мгновенно
наклонившись. Той силы, с которой неслись

сочлененные куски металла, было вполне достаточно, чтобы вчистую снести ему голову.

Лишенный одной гусеницы, «Хищник» начал медленно вращаться на месте. С одной стороны гусеница все еще двигалась и толкала танк вперед, но он уже не мог стронуться с места, и теперь ему оставалось лишь крутиться вокруг своей оси. Разгар был доволен. Поскольку башня танка уже начала поворачиваться в ту сторону, где находилось его отделение, пришло время перейти к следующему этапу плана.

Мощным прыжком он взлетел на броне «Хищника», оказавшись на крыле над гусеницей. Керамитовые подошвы глухо звякнули о металл, и тут же Разгар рванулся вперед, надеясь, что внутри танка еще никто не разобрался в происхождении. Изнутри до него долетали приглушенные команды и беспорядочные крики — похоже, так оно и было. Прекрасно! Враги так никогда и не узнают, что их поразило.

Разгар добрался до башни и увидел.

что люк закрыт. Жаль, но на иное он и не рассчитывал. В городском бою, да еще в непосредственном соприкосновении с противником ни один командир танка не станет разъезжать с открытым люком. У все же с их стороны было весьма глупо выдвинуться так далеко без поддержки пехоты. Рагнару было бы гораздо труднее исполнить задуманное на виду у солдат противника. Он подозревал, что танк припечался сюда в ответ на отчаянную мольбу о помощи из убежища. Что ж, он позаботится о том, чтобы еретики заплатили за эту ошибку.

Рагнар нагнулся и ухватился обеими руками за скобу на башне машины, а затем дернул ее, вложив в этот рывок всю силу своих могучих мускулов, подкрепленных сервомоторами силового доспеха. Ничего не произошло. Он мобилизовал все свои энергетические возможности, так что датчики зашкалило в красный цвет. Медленно, с кошмарным скрежетом крышка люка стала выворачиваться из петель. Кератит поддавался чудовищной силе Костического Волка. Рагнар чуть не

потерял равновесие, когда крышка сорвавшись с креплений, оказалась у него в руках.

Из танка дохнуло испорченными воздухом, и Рагнар узнал зловоние мутантов. Поистине эти еретики заплатили слишком высокую цену, поклявшись в верности своим темным хозяевам. Он отшвырнул крышку люка в сторону и выхватил из поясного раздатчика осколочную гранату. Бросив взгляд внутрь танка, Костицкий Волк увидел отвратительные искаженные лица мутантов, глядящие на него снизу вверх. Одно было покрыто чудовищными красными бородавками. Другое плавилось и текло, будто сделанное из свечного воска. Оба несли на себе явный отпечаток зла — силы тьмы, которым они поклонялись, изменили внешность этих людей в полном соответствии с внутренним разложением.

Один из мутантов потянулся к своему кобуре, пытаясь вытащить пистолет. По выражению отчаянной тревоги на его лице Рагнар понял — это существо уже сообразило, что сейчас произойдет.

Догадка мутанта была верна: Разнар швырнул гранату в открытый люк и отпрыгнул в сторону. В прыжке он извлек другую гранату и с безошибочной точностью закинул ее туда же. Мутанты могли поймать одну гранату и избавиться от нее, но с двумя им было уже не справиться.

Танк все еще находился между Разнаром и бункером противника. Костический Волк выхватил оружие. Тем временем в борту «Хищника» приоткрылся люк. Один из членов экипажа, поняв, что происходит, пытался выбраться наружу. Разнар пинком захлопнул люк и вновь отпрыгнул. Тут же танк сотрясли два мощных взрыва. Из башни вырвался фонтан огня и плоти. Разнар рванулся в сторону укрытия, понимая, что взрыв может привести танк в движение.

Но счастью, обитателей бункера отвлекла судьба «Хищника», пытавшегося прийти им на помощь. Как только Разнару удалось нырнуть под прикрытие той самой глыбы, за которой он скрывался раньше, сокрушительный взрыв разнес

мощную боевую машину в ключья. Очевидно, взорвалась силовая установка. Огромные куски брони разлетало во все стороны. Обломки чадили маслянистым черным дымом.

В это мгновение ушей Рагнара достиг звук другого взрыва. Он понял, что брат Хрольф поразил дверь бункера из ракетомета. Рагнар поднялся из укрытия, с удовлетворением отметив, что стальная пластовая дверь полностью снесена с петель, а фланговый отряд Костиических Волков уже выдвигается на позицию с другой стороны. На его глазах брат Снагга прополз на животе к самым бойницам бункера и забросил в дверной проем связку гранат. Взрывы и вопли боли были ему наградой.

В считанные секунды два Костиических Волка ворвались в бункер. Зазвучали выстрелы, добивавшие тех, кто еще оставался в живых.

Рагнар улыбнулся, обнажив два огромных волчьих клыка. В желтоватых собачьих глазах вспыхнуло довольное сияние. Еще одна победа на его счету. И в

этот миг он уловил слабый отблеск справа от себя -- так блестит солнце в оптическом стекле. Костический Волк инстинктивно бросился на землю, но было слишком поздно. Выпущенная снайпером бронебойная ракета уже неслась ему навстречу -- слишком быстро, чтобы ее можно было избежать. Она была нацелена точно в сердце, но разорвалась рядом, в грудной клетке -- вот и все, чего ему удалось добиться своим отчаянным прыжком. Боль пронзила все его тело, по нервным окончаниям понеслись вестники агонии. Он рухнул вперед, в раскаленную лаву тучений.

-- Не беспокойся, брат Рагнар, -- услышал он голос, донесшийся издалека. -- Мы с тобой.

«Не слишком ли поздно?» -- подумал Рагнар. Эти голоса уже звучали так, будто падали сверху на дно огромного колодца. Ему казалось, будто он и сам падает вниз, в холодный ад своего народа, навстречу приветствиям семьи и друзей, а также всех старых врагов, которых сам отправил туда.

«Странно это, -- думал Рагнар. --
Странно, что я умираю так далеко от
дома и через столько времени после того,
как ожидал умереть».

В этом странном ощущении было
что-то утешающее. Он понимал, что его
ждет. Это должно было произойти. В
конце концов, он умерал и прежде.

Легкая ясность овладела его духом.
Его память обратилась к прошлому. Душа
его потчалась назад сквозь века.
Вспоминая...

1. Море драконов

-- Все ты умрем! -- вскричал Ёрвик Гарпунер, озираясь вокруг, глаза его были полны страха. Небо Фенриса пронзила молния, осветив измученное лицо. Из-за схватившего его беспредельного ужаса Ёрвик перекричал даже рев ветра и грохот волн, бьющихся о корабль. Струи дождя, бегущие по его лицу, выглядели жутковатыми потоками слез.

-- Утолки! -- воскликнул Рагнар и отвесил перепуганному человеку пощечину. Возмущенный тем, что его ударил юнец, у которого щеки еще даже пушком не покрылись, Ёрвик потянулся за топором, моментально забыв о своем страхе. Но Рагнар лишь покачал головой, глядя на муччинку холодными серыми глазами, -- и Ёрвик затер, будто осознав, где он и что делает. Они стояли на виду у всех воинов, на носу корабля. Нападение на сына капитана не прибавит ему доверия ни в глазах богов, ни у команды. Щеки Ёрвика залила краска стыда, и Рагнар

отвернулся, чтобы не стучать его еще больше.

Юноша вскинул голову, чтобы убрать с глаз пряди глинных черных волос. Вглядываясь сквозь хлещущий ветер и соленые брызги бьющего моря, он мысленно соглашался с Ёрвиком. Им предстояло умереть, если только не случится чуда. Он плавал по морям с тех пор, как научился ходить, и никогда ему не приходилось видеть столь яростного шторма.

Зловещие мрачные тучи стремительно неслись по небу. Стояла почти ночная темнота, хотя был полдень. Юношу обдало тучей брызг, когда нос судна взрезал очередную гигантскую волну. От этого удара драконья шкура палубы загудела, как огромный барабан. Рагнар с трудом удерживал равновесие на ходившем ходуном палубном настиле. Даже сквозь демонические завывания ветра он слышал скрип связей корпуса корабля. Рано или поздно море погубит судно, понял он. Яростные волны или разобьют «Конь Рюсса» в щепки или просто сдерут

законью шкуру с его основа и пустят ко-
гну, а их оставят барахтаться на
поверхности, пока хватит сил.

Разнар поежился, и не только от
стылой влажности одежды. Для него, так
же как для всего его народа, утонуть --
значило умереть худшей из всех
возможных смертей. Опуститься в когти
морских демонов, где душа будет обречена
на вечное рабство. И не останется никакой
возможности заслужить себе место среди
Избранных -- встретить смерть с копьем
или топором в руке, снискать славной
гибели и стремительного перехода в Дом
Героев, что находится в Горах Богов.

Бросив взгляд на палубу, по которой
хлестал ливень, Разнар увидел, что
остальные воины были напуганы так же,
как и он, хотя хорошо это скрывали. Но
напряжение читалось на мертвенно-
бледных лицах, было видно в каждом взоре
голубых глаз. Под дождем их глинные
светлые волосы вытокли и свалились, что
придавало людям неоправданный и унылый
вид. Они сидели, съежившись на скамьях,
бросив бесполезные весла; толстые плащи

из драконовой кожи брошены на плечи или развеваются на ветру, словно крылья летучих мышей. Оружие каждого воина лежало рядом с ним на вытокшей палубе, бессильное против врага, угрожающего сейчас их жизни.

Ветер забывал, голодный, как стая огромных волков Асахейта. Вот корабль опять ринулся вниз по склону очередной огромной волны. Драконий зуб на носу судна прорезал вспененную воду, подобно копыту. Паруса над головой трепетали, то надуваясь, то вновь опадая, — Разнар порадовался, что они сделаны из очищенных драконьих кишок — ничто другое не выдержало бы могучих когтей шторма. А впереди выростала еще одна огромная водяная гора. Казалось, кораблю не выдержать, когда она обрушится на него.

В ярости и отчаянии Разнар выругался. Казалось, его короткая жизнь оканчивается, не успев начаться. Он не доживет даже до ритуала достижения зрелости в следующем году. У него только начал лопаться голос — и вот теперь он

был обречен на гибель в море. Юноша
заслонил рукой глаза и взгляделся в бурю,
тщетно надеясь увидеть большой корабль
своих соплеменников. Ничего не видать.
Большинство из них наверняка уже пошло
ко дну, их тела станут пищей драконов и
кракенов, а души — рабами демонов.

Юноша опять повернулся и обратил
разгневанный взгляд на чужака, который
был причиной всего происходящего.
Понятно, что если они умрут, то и он
пойдет ко дну вместе с ними, — и это
давало некое удовлетворение. Если,
конечно, он не чародей или какой-нибудь
морской демон, изменивший внешность,
который специально был послан, чтобы
привести племя Грохочущих Кулаков к
гибели. Но тому, как спокойно и
неустрашило старик стоял на залитой
водой палубе, это казалось сейчас более
чем вероятным.

В этом грубом старике было что-то
сверхъестественное. Глубокие морщины
избороздили его лоб, но он выглядел
сильным, как воин в расцвете лет, и,
несмотря на седину в волосах, держался

лучше, чем многие моряки в свое млагше
него. Рагнар понял, что это маг. Кто,
кроме мага, будет носить на плечах
шкүры огромных волков и странные
металлические доспехи, закрывающие все
тело и так не похожие на кожаные одежды
морского народа? Кто, как не чародей,
может надеть на себя все эти странные
амүлеты и талисманы? И лишь күдесник
смог бы предложить его отцу и
родственникам такое количество слитков
драгоценного железа, чтобы они
предприняли почти самоубийственный
поход по Морю Драконов в сезон штормов.

Рагнар үвидел, как чүжак поднял
руку, будто на что-то указывая. Это какая-
то чародейская үловка или он в самом деле
творит заклинание? Рагнар повернулся
посмотреть в ту сторону, и во рту у него
пересохло от страха. Вспыхнула молния, и
в ее свете юноша үвидел огромную голову,
которая появилась из волн совсем рядом с
кораблем, как если бы чүжак вызвал ее из
түчины. Над бортом выросла кошмарная
морда с частоколом зубов, каждый
размером с кинжал. Длинная шея

изогнулась, и голова стала опускаться в поисках добычи. Это был морской дракон — чудовище, огромное, как корабль, поднятое со дна морского неистовой бурей.

Прогрели злые раскаты грома, и смерть обрушила свой удар на расстоянии вытянутой руки от Рагнара. Его обдало страстным порывом ветра, когда огромные челюсти дракона сомкнулись на Ёрвике. Грозовые клыки пронзили жесткую кожу доспехов Гарпунера, словно бумагу. Затрещали кости, хлынула кровь. Визжащего человека подняло вверх, руки его судорожно толкали по воздуху, гарпунер вывал. Презрительная усмешка искривила губы Рагнара. Юноша всегда знал, что Ёрвик трус, и теперь получил этому доказательство. Он найдет свое место в холодном аду Фростхайма.

Дракон сомкнул челюсти, сглотнул, и половина Ёрвика исчезла в его глотке. Другая часть шмякнулась на палубу под ноги Рагнара. Стремительные волны смыли с нее кровь и желчь.

Воины повскакивали со своих скамей, потрясая топорами и пиками. Рагнар

понимал, что в глубине души они рады -- ведь теперь появилась возможность снискать быструю и героическую смерть в сражении с чудовищем из морских глубин. Должно быть, многим казалось, что Русс ответил на их молитвы и послал этого монстра, дабы даровать им великий удел.

Огромная голова вновь стала снижаться, и при виде ее несколько воинов застыли. Бүгмо посланное, чтобы отобрать трупов, чудище сбило одного из них с ног и перекусило пополам своими клыками. Остальные воины набросились на дракона с оружием. Топоры оказались бесполезны: они отскакивали от чешуи, как от тяжелой брони. Несколько копий глубоко вонзились в плоть дракона, но гигантская тварь обратила на них внимание не больше, чем человек -- на булавочный укол. Причиненная ими боль лишь привела монстра в еще большую ярость.

Он разинул пасть и исторг ужасающий вопль, перекрывший даже рев бующего шторма. Этот чудовищный звук заставил всех воинов затереть, бүгмо

под воздействием заклинания чародея. Разнар увидел, что монстр наполовину высунулся из воды, возвышаясь над кораблем подобно гигантской башне. Если бы он просто рухнул вперед, его невообразимая тяжесть разбила бы судно нагвое.

У Разнара что-то щелкнуло внутри. Его переполнял гнев на бурю, на богов, на эту огромную тварь, на трусливых соплеменников. Он наклонился и подобрал гарпун, который выронил Ёрвик. Ни на мгновение не задумавшись, не прицеливаясь -- иначе страх перед гигантскими челюстями, с которых еще капала кровь, сковал бы его, -- юноша метнул гарпун прямо в глаз чудовища.

Это был добрый бросок. Конье с костяным наконечником по самое древко вошло в драконово око.

Монстр поднялся над водой еще выше, пронзительно визжа от ярости и боли. Разнар подумал, что оглохнет от этого вопля. Теперь он был уверен, что утрет, что разъяренная тварь вот-вот разнесет корабль в щепки. Но тут послышался

второй звук -- прерывистый рев, несшийся с
корты судна. Юноша отважился бросить
взгляд на чужака и увидел, что это он был
источником шума.

Старик извлек из-под шкур нечто
вроде массивной железной иконы, поднял ее
вверх и направил на чужовище. Из
священного талисмана вырвалась
обжигающая струя грозно реющего
пламени. Взглянув на дракона, Рагнар
увидел на его туловище огромные зияющие
раны -- доказательство силы магии
чужака. Монстр разинул пасть, чтобы
исторгнуть очередной бешеный вопль, и
чужак поднял талисман еще выше. На небе
дракона появилась рана, и лапка его
головы будто взорвалась. Монстр
прокинулся на спину и исчез в волнах.

Чужак запрокинул назад голову и
захохотал. Раскаты его рокошущего смеха
заглушили шум бури. Рагнар ощутил
грозь сугубого страха. Юноша увидел
два огромных клыка, выступающих из-под
верхней губы чужеземца. У него был знак
Рюсса! В его жилах текла кровь богов. Это
и в самом деле был чародей или кто-то

покруче!

Пригнувшись и легко удерживая равновесие, несмотря на качку, Разнар повернулся и направился назад к штурвалу. Брызги сбегали по его лицу, будто слезы. Облизывая губы, он ощущал вкус соли. Когда он проходил мимо чужака, на корабль обрушилась огромная волна. Юноша почувствовал на себе тонны воды и забарахтался, пытаясь найти опору. Напор воды оторвал его от палубы и закрутил в водовороте. В пенном неистовстве волн он не мог разглядеть, где находится, и понял, что сейчас его снесет за борт, навстречу року.

Казалось, он избавился от драконьих челюстей лишь для того, чтобы попасть к торским демонам. Но, зарывав от ярости, юноша обуздал свой страх. И тут железные пальцы схватили его запястье. Колоссальная сила боролась с мощью водной стихии. И вода схлынула. Разнар очутился на палубе, спасенный чужеземцем, одолевшим дракона.

-- Спокойно, парень, -- изрек чародей. -- Мне не суждено умереть здесь. И тебе.

гутаю, тоже.

Сказав это, чужак повернулся и направился на нос корабля. Остановившись там, он вперил свой взор вдаль, словно какое-то божество. Преисполненный страха и странного сужерного благоговения, Рагнар направился туда, где стоял его отец. Подняв взор, он увидел в глазах отца понимание.

-- Я видел это, сын мой! -- прокричал тот сквозь шум бури. Рагнар понял, что никаких объяснений больше не нужно.

Море стало успокаиваться, будто гибель дракона разрушила пагубное заклинание. Несколько часов спустя оно уже было гладким, словно стекло, и воцарившуюся тишину нарушали лишь мерный барабанный бой командира гребцов да спокойный шелест волн о корпус судна.

Чужеземец все еще стоял на носу, будто охраняя корабль от морских демонов. Он осматривал горизонт, прикрыв глаза от солнца заскоруждой рукой, выскивая то, что мог видеть только он. В небе палило солнце -- и не та бледная маленькая сфера, что светит

житой. Сейчас это был огромный огненный шар, заливавший небо своим золотым сиянием. Глаз Рюсса был полностью открыт, наблюдая за тем, как его избранный народ переносит ужасы длинного сурового лета на Фенрисе. Остававшаяся на палубах вода парила под его пристальным взглядом.

Воины хранили молчание. Их переполнял благоговейный страх. Не было слышно болтовни и бахвальства, что было обычным делом среди переживших кошмарный шторм. Не было ни веселья, ни пения. Отец Рагнара не велел открывать бочонок с элем, чтобы отметить это событие. Казалось, вся команда охвачена глубоким почтением к чужеземцу. Но это почтение было близко к ужасу, и Рагнар прекрасно понимал почему. Они видели, как он убил дракона могуществом своих заклинаний. Своей магией он уничтожил один из кошмаров морских глубин. Своим взглядом он утирил бурю. Есть ли такое, чего он не мог бы сделать?

«И все же, — думал Рагнар, — если чужеземец настолько могуществен, то

почему ему понадобилось нанимать их корабль, чтобы добраться до места назначения? Почему он не применил магию? Несомненно, он мог использовать знание рун, чтобы вызвать воздушный корабль или крылатого волка, чтобы добраться до цели. Не было ли у этого путешествия зловещего скрытого мотива?»

Разнар попытался избавиться от этой мысли. Возможно, чародей пробудил к себе неприязнь демонов бури и не мог летать. Быть может, он не владел такими рунами. Откуда это знать Разнару? Он понятия не имел об искусстве заклинаний — так же, как и все, кого он знал, за исключением старого скальда Трохочущих Кулаков, Умогрима. А тот смотрел на чужака с суетверным благоговением и отказывался говорить с ним что-либо. Умогрим лишь сказал всем, что чужеземцу следует повиноваться.

Разнар сомневался, что даже суетверный страх, который окутывал чужеземца подобно лантии, заставил бы кого-то из его народа предпринять это

путешествие, если бы это не присоветовал
скальд. Места их назначения, остров
Повелителей Железа, весь морской народ
старался избегать все время, за
исключением весны -- сезона торговли. Но
последняя весна завершилась более
пятисот дней назад, и время торговли
давным давно прошло. Кто знал, как встретят
чужаков жители острова -- таинственные
кузнецы? Обычно они держались замкнуто
и охраняли шахты с драгоценным железом
так же, как тролль оберегает свои запасы.

«И все же, -- размышлял Рагнар, --
если бы чужеземец потребовал, чтобы его
туда доставили, даже без столь богатого
вознаграждения, разве могли бы мы
отказать ему?» Юноша сомневался в том,
что даже целая деревня столь отважных
воинов, как Грохочущие Кулаки, смогла бы
противостоять той магии, которой
владел чужак. Их оружие даже не пронзило
бы металлическую оболочку тела чародея.

В этом старике было что-то
притягивающее, и Рагнару страстно
хотелось поговорить с ним,
порасспрашивать его. Чужеземец спас

юношу и говорил с ним -- а это что-нибудь да значило. Но Разнара будто пригвоздило к палубе. Разговор с чарореем страшил его больше, чем встреча с челюстями дракона.

Он стоял так несколько минут, собирая всю свою решимость.

«Не глупи, -- сказал себе Разнар. -- Ты ведь даже не поблагодарил его за спасение».

И юноша молча двинулся вперед. С предосторожностями, будто подкрадываясь к горному козлу, он проследовал к носу судна.

-- Что там, парень? -- спросил чужеземец, не оборачиваясь, когда Разнар еще не приблизился к нему и на десяток шагов. Юноша застыл в изумлении. Вот еще одно доказательство магических способностей чужака. Разнар знал, что двигался совершенно бесшумно. Среди своих соплеменников он считался великим охотником. Тем не менее чужеземец узнал, что он там и что это именно Разнар, даже не повернув при этом головы. Юноша уверился, что чужак, должно быть, обладает чем-то вроде второго зрения.

-- Я задал тебе вопрос, мальчик, --

произнес чужеземец, поворачиваясь лицом к Рагнару. В его голосе не было раздражения, лишь спокойная властность. Он производил впечатление человека, привыкшего поступать по-своему. А еще речь его звучала несколько странно. Он говорил очень медленно, выговаривая слова по-старинному. Это напомнило Рагнару голос скальда, когда тот пересказывал эпосы о Рүссе и об Отце Всего Сущего. Юноше казалось, что этот старик ступил на палубу прямо из саги. Он походил на одного из древних героев.

— Я хотел поблагодарить вас за то, что спасли мне жизнь, ярл, — сказал Рагнар, используя самое уважительное обращение из тех, что знал. Тут он понял, что в лице старика тоже есть что-то странное. Оно было вытянутым и грубым, с крупными подвижными ноздрями. Жесткая кожа на впалых щеках усиливала его сходство с волком. «Что означают те три гвоздя у него во лбу? — подумал Рагнар. — И как они туда попали?» Он и представить не мог, как можно такое сделать, не получив заражения.

-- Время твоей смерти еще не пришло, -- изрек чародей и вновь стал пристально разглядывать горизонт.

«Как он может это знать?» -- подумал Рагнар.

-- Что вы ищете? -- спросил юноша, пораженный своей смелостью. Чужеземец некоторое время хранил молчание, и Рагнар испугался, что он не ответит. Но тут чародей указал вперед. Юноша бросилось в глаза, что его палец был одет в металл и отражал солнечный свет. Рагнар посмотрел в ту сторону, куда указывал чужеземец, и у него перехватило дыхание.

Прямо по курсу над горизонтом поднимались могучие остроконечные горы, огромные зубчатые вершины которых пронизывали облака. Склоны этих белоснежных пиков блестели, будто покрытые льдом -- от вершин и до самого моря, из которого они поднимались.

-- Стены Богов, -- сказал Рагнар, осенив себя рунным знамением Рюсса.

-- Вершины Асахейма, -- тихо произнес чужеземец и улыбнулся, обнажив огромные

клыки. -- Я впервые увидал их, должно
быть, в твоем возрасте, парень, и было
это добрых три сотни лет назад.

Разнар смотрел на него разинув рот.
Чужеземец сам признал себя
сверхъестественным существом! Никто на
Фенрисе, даже старейший из самых
старых, не жил дольше тридцати пяти
лет.

-- Я рад возможности вновь увидеть
их такими, -- сказал чужак, и это было
похоже на то, чем старики их деревни
предваряли свою предсмертную песнь. Он
покачал головой и ухмыльнулся Разнару,
вновь показав свои устрашающие клыки. --
Должно быть, становлюсь стар, раз
болтаю такое.

Юноша ничего не сказал в ответ, он
просто поглядел на старика, а затем на
далекие горы.

-- Сбегай-ка и скажи отцу, чтобы
сменил курс. Пусть возьмет право руля и
держится берега. Так мы скорее доберемся
до места назначения.

В его голосе слышалась сила
пророчества, и Разнар поверил ему.

В течение двух следующих дней они плыли вдоль побережья Асахейма. Это были два дня спокойного моря, холодных ветров и безтолвия, нарушаемого лишь грохотом огромных глыб льда, падающих с гор и уплывающих вдаль.

Конечно, к северу от них был именно Асахейм — место, где появлялись гигантские айсберги; стылая земля, откуда приплывали ледяные горы. Наверху парили могучие морские орлы, а порой люди замечали фонтаны косаток, поднимавшиеся из холодных чистых вод. Они проходили мимо устьев больших фиордов, мест поразительной красоты, и видели иногда каменные дома людей следников, громоздящиеся высоко на его склонах. Тогда они гребли побыстрее, ибо люди из фиордов были известны своей свирепостью. Поговаривали, что в их жилах течет кровь троллей, и ходили слухи, что они пожирают своих пленников, а не обращают в рабство. В свете такой возможности даже когти морских демонов казались более привлекательными.

Все то время, что они шли вдоль

побережья, чужеземец не оставлял своего поста на носу корабля. На закате он стоял там, в угасающих лучах Глаза Рюсса. На рассвете, когда заступала дневная вахта, он опять был там. Рагнар поговорил с ночной вахтой и вовсе не удивился, когда ему сказали, что чужак не спал совсем. Если он и чувствовал усталость, то совсем не было заметно. Глаза его оставались такими же ясными и яркими, как в день схватки с драконом. Не представляя себе, почему старик все время на чеку, Рагнар просто был рад этому. Молоша чувствовал, что, пока чужеземец на посту, их не затронет никакая беда.

И вот земля вновь осталась за кормой, и они оказались в открытом море. Погода оставалась благоприятной. Чужеземец принялся к ветру и заявил, что море будет спокойным, пока они не достигнут места назначения. Будто боясь послушаться его, море подчинилось.

Через два дня плавания они увидели впереди дым и ночное небо озарили огни. В суетливом страхе люди молились Рюссу, но не надеялись, что тот услышит их. Они

знали, что входят во владения огненных великанов, где Рүсс и Отец Всего Сущего не имели большой власти.

На следующий день, когда они приблизились к острову, Рагнар увидел, что те объаты пламенем. Их вершины пылали. Жаркая оранжевая слюна огненных великанов сбегала по черным склонам, онашипела и парила, касаясь воды. Рев великанов, лишенных свободы, заставляло острова сотрясаться.

Исполненный тревоги, Рагнар приблизился к чародею. Юноша успокоился, увидев, что старик не проявляет никакого страха, излучая спокойное довольство и легкую печаль — словно человек, наслаждающийся путешествием и не стремящийся его завершить.

— Говорят, на этих островах находятся в заключении Горз и Сла Нахеш, — произнес Рагнар, повторив то, что услышал от скальда по завершении весенней торговли. Несмотря на свой страх, он был возбужден. Никогда еще он не заплывал с отцом так далеко. — Говорят, Рүсс посадил их туда, когда мир был еще

молог.

-- Это зловещие имена, парень, --
сказал чародей. -- Тебе не следует
потинать их.

-- Почему? -- спросил юноша, на сей раз
не уstraшенный чужеземцем. Его
любопытство пересилило благоговение.
Кудесник посмотрел на него и улыбнулся.
Он вовсе не казался раздраженным этим
вопросом.

-- Это имена великих злодеев,
рожденных в миллионах миль отсюда и
многого тысячелетий назад. Русс не лишал
их свободы. Этого не смог сделать никто.
Даже сам Император -- Отец Всего
Сущего -- в дни его славы.

Разнар не удивился их возрасту. В
конце концов, Русс сражался с демонами на
заре истории, до того, как изгнал свой
народ из Асахейта. Но юноша был поражен,
услышав, что они рождены в миллионах
миль отсюда. Такое расстояние он не мог
себе представить.

-- Я думал, они -- дети богини
драконов Скриннейр от ее брака с темным
богом Хорусом.

-- А это -- еще одно имя, которое тебе не следует произносить, парень. Убо ты не представляешь себе его истинного значения.

-- А вы скажете мне, что оно означает?

-- Нет, парень, не скажу. Если тебе суждено узнать такие вещи, ты выяснишь их достаточно скоро.

-- А как это?

-- Умерев и родившись вновь.

-- Именно так вы обрели свою великую мудрость? -- спросил Рагнар, неприятно удивленный ответом чужеземца и не удержавшись от доли сарказма. К его изумлению, чужак лишь засмеялся.

-- В тебе есть мужество, юноша, и ты не ошибаешься. -- Он отвернулся от Рагнара и устремил взор в море. Перед ним поднимались темные тучи, а море было в маслянистых черных пятнах. К западу от судна затряслась гора, и из ее верхушки вырвался огромный язык пламени.

-- Огненная Гора сегодня сердится, -- произнес чародей. -- Это плохой знак.

2. Храм железа

-- Уменем Рүсса, ты когда-нибудь видел что-либо подобное? -- спросил Улли. В его словах ясно слышался страх. Разнар посмотрел на своего брата-волка и покачал головой. Он был вынужден признать, что не видел.

Гавань была обширной и странной -- огромная расселина в черных утесах, которая вела к исполинскому озеру, окруженному черными берегами. Здесь хватало места для тысячи кораблей одновременно, и при этом она бы не переполнилась. Разнар знал, что в период торговли так оно и было. Люди приезжали из заокеанских далей выторговать топоры, наконечники копий и всевозможные металлические товары.

Но внимание юноши было приковано вовсе не к грандиозным размерам гавани. Дело было в зданиях, которые ее окружали. Самое маленькое из них по размерам вдвое превышало огромный глиняный дом у него на родине -- самое большое сооружение,

которое Рагнару привелось увидеть за всю свою жизнь. Еще более странным было то, что все они оказались выстроены из камня.

Юноша пожегся от одной мысли о жизни в каменном доме. Это просто невообразимо. А что если случится сильное землетрясение и разрушит их? Ведь лавина падающих камней превратит всех, кто находится внутри, в кровавое месиво! Эти огромные законченные сооружения были смертельными ловушками. Всем известно, что единственный разумный способ возвести дом — это построить здание, подобное дракону: кораблю, из шкуры дракона на каркасе из его костей. Для священных сооружений можно еще применить драгоценное дерево, хотя оно грозило пожаром, если во время землетрясения перевернется масляный фонарь. Рагнару видел, как это случалось. Все видели. Острова Фенриса нестабильны и были таковыми еще до того, как Русс привел сюда свой избранный народ.

Строить из камня — безумие, но здешние жители делали это. И не просто

укладывая камень на камень, подобно тому, как возводили плотины. Нет, эти здания складывались из огромных глыб обработанного камня, превращенных в идеальные кубы и уложенных так, чтобы цепляться друг за друга. Судя по толстому слою сажи, покрывающему каждый дом, по черному мху на их стенах, эти сооружения были очень древними. Они выглядели старыми, потрепанными непогодой, как и большинство древних камней с рунами в великом кольце на вершине Грозовой горы. А ведь скальд заверял, что камни стоят там с незапамятных времен.

Здесь имелось не одно огромное здание, их были сотни, некоторые -- здоровенные, как холмы. В крышах отдельных домов торчали массивные дымовые трубы, изрыгавшие черный дым и гигантские языки пламени.

-- Они укротили огненную стихию, -- сказал Улли. -- Они тут великие волшебники.

Это поистине так, подумал Рагнар. Несомненно, эти люди не боялись и огня. Они, должно быть, могущественные

чародеи, раз не боятся ни землетрясений, ни пожаров. И как только они построили эти исполинские здания? Они, что же, применяли магию, чтобы уложить эти глыбы? Или заставили пленных демонов -- своих рабов -- выполнить всю эту работу? Могущество и мастерство, видное во всем, внушали благоговейный трепет.

Тем не менее Разнару вряд ли захотелось бы тут жить. Воздух здесь грязный и раздражающий, с такой же вонью, что неслась с сыромятен в его родных краях, только куда сильнее и в тысячу раз хуже. Хлопья сажи подобно черным снежинкам плавали в воздухе и оседали на волосах и одежде. Вода в бухте тоже была странного цвета, кое-где -- черная и густая на вид, в других местах -- красная или зеленая от сбросов, извергаемых черными трубами, которыеотовсюду сбегали в гавань.

-- О, мощи Рүсса, -- выдохнул Улли. -- Взгляни-ка сюда!

Его палец указывал на совершенно поразительную вещь. Это была башня из железа -- одного из самых драгоценных

металлов. Она поднималась прямо из воды. Присмотревшись к ней, юноша увидел, что это очень странное сооружение. Оно не было цельным, а напоминало решетку из металлических брусьев, каркас, вокруг которого будет возведено здание. Но вокруг не было натянуто драконьей шкуры. Остров был открыт стихиям, и можно было видеть сложные механизмы, которые он заключал в себе.

Там были огромные зубчатые колеса и большие металлические руки, которые ритмично поднимались и опускались. Это напоминало на пульсацию большого сердца. Черная вязкая жидкость выплескивалась из труб на верхушке башни и спускалась по длинным трубам в деревянные чаны вокруг основания. Вокруг суетились маленькие фигурки, постоянно перемещая чаны и опустошая их ведрами. Это было одновременно самое странное, самое впечатляющее и самое загадочное сооружение, которое когда-либо видел Рагнар.

— Почему эти люди не боятся землетрясений? — спросил Рагнар Улли —

скорее для выражения любопытства, чем в ожидании ответа.

— У них нет в этом нужды, парень, — прозвучал сзади голос чародея. — Эти острова стабильны и были такими веками. Такими они и останутся еще много веков.

Разнар был потрясен. Это было удивительно: земля, которая не сотрясалась и не дрожала постоянно, подобно животному на привязи! Место, где можно было не бояться, что земля разверзнется и поглотит тебя. Прибежище от величайшего и самого обычного из всех несчастий, что причиняли страдания народу Русса. Неужели обитатели этих островов и в самом деле так осчастливлены?

И другая мысль, естественная для любого из его воинственных соплеменников, поразила его.

— Тогда почему никто не отнял эти острова у их обитателей? Любое племя поубивало бы всех, чтобы завладеть таким безопасным убежищем. Как удалось этим людям так долго остаться

непокоренными?

— Ты скоро увидишь, парень, совсем скоро.— Чужеземец покачал головой, будто старательно сдерживая веселье.

— Говорите, зачем пришли, чужеземцы, или приготовьтесь умереть! — Голос островитянина был грубым и гортанным, в нем звучала угроза. Он усиливался металлическим рупором, который человек держал в руке, и делал его еще более безжизненным.

Разнар в изумлении глядел на корабли, которые отчалили от берега и шли навстречу. Внезапно он очень испугался. Поистине это были суда великой магии. У них не имелось парусов, а корпуса были сделаны из железа. Как это получалось, что они не шли камнем на дно? И что толкало их вперед? Укрощенный огонь? Возможно — ведь из трубы на корме корабля шел дым. Это казалось страшным унижением для торских демонов, но со всей очевидностью работало. Быть может, между ними достигнуто некое странное соглашение...

Прежде чем отец Разнара успел

ответить на вопрос островитян, чародей вышел вперед и простер руки в приветствии.

— Это я, Ранек Угущий по Льдам. Они привезли меня сюда по моей просьбе. Я хотел бы поговорить с Повелителем Железа.

Это сообщение повлекло за собой вспышку активности на палубе железного корабля. Несколько человек собрались вместе, чтобы посоветоваться, прежде чем говоривший вновь поднял свой рупор:

— Говорят, Ранек мертв. А ты не торской ли дух, поднявшийся из вод?

Этот вопрос нагнал страху на палубы «Коня Русса». Рагнар слышал, как люди заерзали на своих гребных скамьях. Гүлкий стех чародея прокатился над водами:

— Неужели я выгляжу как дух? Неужели я говорю как дух? Думаешь, когда я приложусь ногой к твоей заднице за эту дерзость, ты почувствуешь ногу духа?

В ответ на палубе железного корабля раздался стех.

— Тогда выходи на берег, Волчий Жрец, добро пожаловать. Приводи своих

спутников, и ты будешь пировать.

Странный корабль совершил маневр, который показался Рагнару сверхъестественным. Не разворачиваясь, он изменил направление хода и двинулся обратно, в сторону берега, сохраняя в поле зрения драконов корабль. Барабанный бой командира гребцов оживил «Конь Рюсса», и судно направилось к причалу.

Рагнар следовал за Волчьим Жрецом -- если таков был его титул -- по улицам, не вполне уверенный, зачем он это делает. Тем не менее юноша твердо решил сопровождать волшебника и задавать вопросы, ибо не знал, появится ли у него такая возможность еще раз в жизни. Остальные члены экипажа коротали время в портовой таверне либо рассыпались по улицам. Рагнар остался наедине с чародеем.

Они шли по улицам, мощенным булыжником, через лабиринт покрытых сажей стен и тесных переулков. Воздух был зловонным, полным дыма и резких химических запахов. Люди тоже были чужими и новыми для него, они говорили

на диалекте, которого Разнар не понимал. Многие казались маленькими, согбенными и недокормленными. Они были одеты в туники и штаны темно-серого и коричневого цветов и не имели при себе никакого оружия. Многие собирали мусор на улицах, спешили, переноса грузы и выполняя поручения. Даже здесь, на этих островах, богатых металлом, люди жили в нужде.

Правители острова были немногочисленны и выглядели состоятельными. Все они носили металлические доспехи и стальные сабли в ножнах из драконьей шкуры. Они были высокими, хорошо сложенными, темнокожими и кареглазыми. Проходя мимо, они кивали чарогею со сдержанной вежливостью, и он отвечал тем же.

— Почему ты следуешь за мной, мальчик? — спросил Волчий Жрец.

— Потому что хочу задать вам вопросы.

Старик покачал головой, но при этом улыбнулся, обнажив свои устрашающие клыки.

-- Вопросы, вопросы -- как всегда в твоем возрасте, да? Спрашивай!

-- Зачем вы приехали сюда? Или, на самом деле, почему вы заплатили нам, чтобы мы привезли вас сюда? Вы что, не могли использовать свою магию?

-- У меня нет магии, мальчик. В том смысле, что ты имеешь в виду.

-- Но ваш талистан, то, как вы убили дракона, -- это...

-- Это не было магией. То, что ты называешь «талистаном», было оружием, подобно топору или копью, только более сложным.

-- Оружием?

-- Оружием.

-- Тогда вы не волшебник?

-- Упаси меня Русс, нет! Я знаю тех, кого ты назвал бы волшебниками, мальчик, и я не поменялся бы с ними местами за все железо на этих островах.

-- Почему?

-- Они несут ужасное бремя.

Разгар утолк. Казалось очевидным, что старик больше ничего не скажет. Юноша был совершенно уверен в том, что

железный талистан Ранека являл собой могущественную магию, что бы Волчий Жрец ни говорил. Они долго шли по улицам, мимо открытых лавок. Заглядывая внутрь, Рагнар видел, что это мастерские, — в них были кузнечные горны, их озарял свет докрасна раскаленного металла. Слыша звон молота по наковальне, юноша понимал, что именно здесь создаются товары Повелителей Железа.

— Вы не ответили на мой первый вопрос, — сказал Рагнар, пораженный своей стелостью.

— Не уверен, что смогу ответить так, чтобы ты понял. И кстати, почему я вообще должен тебе отвечать?

— А почему бы и нет?

Гулкий стех старика отдался эхом в переулке. Рагнар увидел, что все прохожие повернулись взглянуть на них. Затем, сосенив себя знаком молота, они отвернулись.

— Тебя нелегко обескуражить, да, парень?

— Да.

-- Честный ответ. Я выполнял задание. Произошел несчастный случай. Мое судно было уничтожено. Нужно было вернуться сюда и вступить в связь с моими... собратьями. Чтобы быстро преодолеть такое огромное расстояние, мне понадобился корабль твоего отца, и он будет вознагражден за свою помощь.

-- Что это было за задание?

-- Не могу тебе этого сказать, -- произнес Ранек тоном, не допускающим возражений.

-- Это было ради богов?

-- Ради моих богов.

-- Разве боги не огни и те же? Все на островах почитают Руща и Отца Всего Сущего.

-- Я -- тоже, но по-другому.

-- Как это?

-- Однажды, парень, ты сможешь узнать это.

-- Но не сегодня?

-- Нет. Не сегодня.

Они вышли на огромную площадь на вершине холма. Она была окружена грандиозными зданиями -- такими

широкими, что они казались приземистыми, хотя превышали рост человека раз в десять. Стены были покрыты странными узорами. На каждом из крупных каменных блоков были вытесаны сцепленные друг с другом зубчатые колеса. Металлические трубы входили в каменную кладку и выходили из нее, подобно скоплению огромных червей, пронизывающих землю. Стены покрывала сажа, сточные трубы в прошлом не раз протекали, и все стены под ними были покрыты большими пятнами цвет ржавчины. Изнутри доносились звуки работающих огромных механизмов, лязг и грохот, будто там великаны яростно стучали по огромным наковальням. Запах дыма и раскаленного металла ударил Разнарү в ноздри. «Неужели огни я по всей этой огромной толпе обращаю внимание на шум и страд?» -- подумал он.

Они прошли через площадь к самому грандиозному из исполинских сооружений.

-- Это Храм Железа, -- тихо произнес Ранек, Волчий Жрец. -- И здесь пока расходятся наши пути.

Разнар поднял взгляд на колоссальное здание. Это была приземистая крепость, рядом с которой все окружающие строения казались мелкими. Стреловидные щели смотрели со стен, словно глаза голодного зверя. На самом верху здания находился большой металлический цветок, размером с драконов корабль. Разнар и представить себе не мог его назначения.

Огромные окованные металлом двери преграждали путь в начале наклонного въезда. По его истертой поверхности Разнар понял, что за сотни лет здесь прошло множество ног. Над сводчатым проходом были высечены странные руны, совершенно не похожие ни на что, виденное юношей раньше. Вход охраняли двое караульных, вооруженные гарпунатами с металлическими наконечниками. Казалось, они сами сделаны из металла. Железные доспехи покрывали этих людей, словно вторая кожа. Головы их были защищены металлическими шлемами, а на их левых руках висели стальные щиты, инкрустированные такими же рунами, что были над входом.

-- Они из вашего рода? -- спросил юноша Ранека. Голова старика быстро повернулась и склонилась к Рагнару. Чародей впился своим пронизательным взглядом в глаза юноши. Находясь так близко от него, Рагнар внезапно осознал, каким огромным был Волчий Жрец. Среди своего народа юноша считался высоким и хорошо сложенным, но в сравнении с Ранеком он выглядел ребенком. Рагнар не доставал чародею и до плеча, тот был бы значительно крупнее его даже без странных доспехов, которые облекали его тело.

-- Нет, парень, Повелители Железа в родстве только сами с собой. Ни на каких островах Великого океана нет никого, похожего на них. Это особый народ.

-- Не понимаю, -- пробормотал Рагнар. -- Со всем этим металлом и со всей этой... магией, почему они не взяли власть над всем миром. Они ведь наверняка смогли бы завоевать его?

-- Повелители Железа хотят иметь власть только над металлом и огнем. Завоевания -- это не их путь. Они

спражаются, только защищаясь. Это — часть Древнего Договора.

— Договора?

— Довольно вопросов, парень. Я должен идти.

— Надеюсь, когда-нибудь мы вновь встретимся, ярл, — серьезно сказал Рагнар. Старик обернулся и посмотрел на него сверху вниз. У него был странный взгляд.

— Ты нравишься мне, парень, поэтому я дам тебе совет. Молись, чтобы мы больше никогда не встречались. Убо день, когда мы встретимся, будет для тебя роковым.

Тон, которым это было сказано, заставил Рагнара похолодеть. Это прозвучало как пророчество.

— Что это значит? Вы убьете меня?

— Ты все узнаешь, если это случится, — ответил Ранек, отвернулся и зашагал дальше.

Рагнар глядел, как старик поднимается по наклонной поверхности. При его приближении огромные двери бесшумно распахнулись. Старика приветствовал сгорбленный человек в

черных одеяниях, лицо которого было скрыто металлической маской. Юноша смотрел, как они исчезают в сумраке. Ошеломленный, он еще долго стоял не двигаясь.

Через некоторое время послышался приглушенный скрежет. Огромный цветок на крыше здания начал двигаться, поворачиваясь к далекому Асахейму. Разгар в изумлении увидел, как разворачиваются его металлические лепестки. В центре загорелись странно пульсирующие огни. Разгар не представлял, что означала эта магия, но был уверен, что это каким-то образом связано со старым чарореем.

Осознав, что остался один на колоссальной площади, юноша ощутил какую-то тревогу. Он повернулся назад и почти бегом бросился к докам.

В ушах Разгара гремел бой барабана, «Копье Рюсса» выходило из темных водгавани Повелителей Железа в открытое море.

Юноша глубоко вдохнул чистый свежий воздух и улыбнулся, с радостью

оставив позади зловонный и грязный город. Островитяне, может быть, и богаты, думал он, но ведут куда менее здоровый образ жизни, чем низшие из рабов.

На корме корабля лежали железные топоры и наконечники копий, тщательно завернутые в драконовы внутренности для защиты от разъядающего воздействия моря. Это было огромное богатство для племени Трохочущих Кулаков, и Рагнар радовался тому, что принял участие в столь удачном походе. Но все же что-то беспокоило его. Возможно, это было проявление счастливой судьбы, ведь старая мудрость гласит, что боги заставляют людей расплачиваться за свои дары.

Но казалось, больше никто на борту не разделял этого беспокойства. Остальные распевали радостные застольные песни, почувствовав облегчение от того, что покинули гавань и на судне нет больше Волчьего Жреца. Как бы его ни уважали и ни боготворили, присутствие этого человека подавляло всех. И теперь люди перешучивались, рассказывая друг другу байки о событиях

этого путешествия. Моряки с наслаждением ели солонину и распивали эль. Смех эхот отдавался по палубе и рождал ответную радость в душе Рагнара.

Внезапно раздался гул, подобный грому. Рагнар в страхе поднял взгляд. В небе ни тучки, и никаких признаков бури, никакой причины для этого шума. Острые глаза юноши обшаривали горизонт в поисках источника грохота. Смех вокруг прекратился, зазвучали молитвы Руссу с прошением о защите.

Вот оно! Юноша увидел это вдалеке, по направлению к Асахейму. На таком расстоянии это всего лишь черная точка. За собой она оставляла белый след, подобно метеору в ночном небе, но сейчас стоял день, и след был белой линией, начертанной на бледной голубизне неба. Прямо у него на глазах точка повернула в сторону корабля и стала увеличиваться в размерах с ужасающей скоростью.

Проклятия и молитвы звучали все громче, и люди потянулись за оружием. Рагнар не сводил глаз с летящего

предмета, гадая, что бы это могло быть. Теперь он видел у него два крыла — как у птицы, но только неподвижные. Что это за чудовище? Дракон? Виверна? Некий демон, вызванный сильной магией?

Но нет, это не казалось живым существом. Когда оно приблизилось, Рагнар увидел, что странный предмет более всего походит на один из железных кораблей, стоявших в гавани Асахейма. Голова шла кругом. Те суда не должны были плавать, а эта штуковина просто не могла летать! И тем не менее она держалась в воздухе — юноша не мог не верить собственным глазам.

Приблизившись, предмет затедел свое движение, отчасти потеряв устрашающую скорость, с которой несся по небу быстрее любой птицы. Прекратился и громоподобный шум, он стенился стенающим ревом, подобным плачу тысячи потерянных душ в преисподней.

Теперь железная штуковина летела совсем низко, и он видел, как создаваемый ею ветер волновал море, взбивая волны в пену. Казалось, она движется прямо на них.

и Рагнар подумал, не сделали ли они чего-нибудь, что разозлило бы богов. Быть может, это ужасное видение было послано, чтобы уничтожить «Копье Рюсса»?

Летающий предмет прошел почти над их головами. Глядя на него снизу, Рагнар увидел, что это некий металлический аппарат, крылатый и крестообразный, на бортах и крыльях у него было нарисовано изображение орла. В мгновение юноше показалось, что перед его взглядом протелькнули окна в передней части аппарата и глядящие из них человеческие лица, но он выбросил эту мысль из головы как кратковременное потрачение ума. Глядя вслеп летящему кораблю, он увидел языки пламени, вырывающиеся из его кормовой части, подобно дыханию дракона.

Аппарат промчался по направлению к острову Повелителей Железа, а затем остановился в воздухе. Сильные струи пламени вырвались вперед. Какое-то мгновение он парил над видимым даже отсюда Храмом Железа, и Рагнар, затаив дыхание, смотрел, не зная, чего ожидать

дальше: то ли предмет уничтожит своим огнем город, то ли сейчас произойдет какое-то странное и потрясающее чудо.

Однако ничего такого не случилось. Аппарат медленно опустился на крышу Храма Железа. Все безмолвно наблюдали, гадая, что же произойдет дальше. Никто не произносил ни слова. Рагнар слышал, как громко бьется в груди его сердце.

Спустя пять минут металлическая птица снова поднялась в воздух и с грохотом утчалась в том направлении, откуда прилетела. Пролетая над ними, она покачала крыльями, будто в знак приветствия. Внезапно Рагнар каким-то образом понял, что Ранек Волчий Жрец нашел себе новое транспортное средство, которое доставит его туда, куда он пожелает.

На «Копье Рюсса» на долгие часы воцарилось безмолвие.

3. Праздник грохочущих кулаков

Разнар нервно улыбнулся. «Это же глупо», -- сказал он сам себе. Теперь он мужчина. Он дал клятву верности духам предков на алтаре с рунами. У него -- свой топор и свой щит из драконьей шкуры, натянutoй на костяной каркас. Он даже начал отращивать черные волосы, как это полюбало члену Волчьего Братства. Теперь он мужчина. Не нужно бояться пригласить девушку на танец.

И все же он был вынужден признать, что боится сделать это. А самое главное -- совершенно не понимает почему. Этой девушке, Ане, он вроде бы даже нравится. Она ободряюще улыбалась всякий раз, как видел ее. И конечно, он знал ее все те годы, пока они были детьми. Разнар не мог понять, что же переменилось в их отношениях, но сознавал: что-то произошло. С тех пор как он вернулся с острова Повелителей Железа -- а это

произошло много лет назад, — что-то неоправдано изменилось.

Он взглянул на своих товарищей, Волчьих Братьев, вместе с которыми давал кровавую клятву, и ему трудно было удержаться от смеха. Они выглядели как мальчишки, изображающие мужчин. На губах у них все еще темнел юношеский пушок. Они изо всех сил пытались подражать повадкам взрослых мужчин, и все же это удавалось не совсем. Они походили на мальчишек, играющих в воинов, а не на самих бойцов. Но дело было даже не в этом. Все они бывали в море, все они гребли против стремительного штормового ветра и помогали в охоте на дракона и касатку. Каждый из них получал свою долю добычи. Вероятно, не слишком большую, но все же долю. По обычаям их племени, они — мужчины.

Разнар огляделся по сторонам. Была поздняя осень, стояла прекрасная погода. Наступил День Памяти, первый день из последней сотни дней года, начало короткого осеннего периода, когда на очень непродолжительное время погода будет

замечательной, а мир -- спокойным. Сияющий в небе Глаз Рүсса становился все меньше. Период землетрясений и извержений закончился. Уже совсем скоро придут снега и на мир опустится долгая зима, а Глаз станет совсем маленьким. Дыхание Рүсса охладит мир, и жизнь будет очень трудной.

Он выкинул эту мысль из головы. Не время пока думать об этом. Сейчас наступила пора празднеств, веселья и потолвок, погода хорошая, а дни -- еще длинные. Он осмотрелся. Все настроено празднично. Хижины заново покрыты свежими драконьими шкурами. Деревянные стены большого дома окрашены ярко-белым и красным. Огромный костер стоит незажженным посреди деревни. Рагнар чувствовал лютый аромат трав, который наполнит благоуханием воздух, когда зажгут костер.

Пивовары уже выкатывали большие бочки на открытый воздух. Большинство людей еще работали, но Рагнар и его грузы вернулись с кораблей, день для них был праздничным, и было совершенно

ничего делать, кроме как слоняться по деревне, нарядившись в самую лучшую одежду. Их повызоняли из домов, чтобы матери смогли навести там порядок. Отцы уже сидели в большом доме, обмениваясь рассказами о великом сражении против Беспощадных Черепов. Было слышно, как где-то вдалеке, скальп настраивает свой инструмент, а его ученики выстукивают на барабанах основные ритмы, которыми будут сопровождать его песню.

Длинный поджарый пес пересек юноше дорогу и дружелюбно скосил глаза. Рагнар протянул руку и почесал пса за ухом, ощутив тепло меха, который уже углубился в преддверии зимы. Пес лизнул руку шершавым языком и понесся дальше по улице, явно довольный всем происходящим. Внезапно Рагнар понял это ощущение. Он глубоко вдохнул солено-свежий воздух, его переполняла радость жизни, страстно захотелось забыть от наслаждения. Вместо этого он повернулся к Улли, протянул руку и шлепнул того по уху:

— Есть! Теперь ты.

Развернувшись, он бросился прочь, прежде чем Улли успел понять, что происходит. Увидев, что началась игра, остальные Волчьи Братья метнулись в рассыпную, рассыпавшись между хижинами и людьми, которые подбрасывали, в небо пищащих цыплят. Улли помчался за Разнаром, бросая ему вызовы.

Разнар резко повернулся, чуть не споткнувшись на бегу, и построил Улли рожу. Приятель рванулся к нему, вытянув вперед руки. Разнар почти подпустил его к себе, а затем вновь развернулся и бросился прочь. Свернув направо, он понесся по узкой улице, круто принял влево, чтобы избежать столкновения с бочонком, угодил ногой на скользкий участок земли и упал. Не успел юноша подняться, как Улли уже сидел на нем. Они стали бороться на земле, как извивые щенята, катясь вниз по склону. Внезапно раздался девичий визг, и оба врезались во что-то мягкое. Разнар открыл глаза и обнаружил, что смотрит в тонкое хорошенькое лицо Аны. Глядя на него, она подергала себя за косу и

улыбнулась. Разнар улыбнулся ей в ответ и почувствовал, что залился краской.

-- Чем это вы вдвоем занимаетесь? -- спросила она тихим хриловатым голосом.

-- Да ничем, -- одновременно ответили Разнар и Улли, гружно взорвавшись смехом.

Стрибьорн Беспощадный Череп стоял на носу драконова корабля, свиреповсперившись взглядом в горизонт. Отхаркнув большой ком слизи, он пренебрежительно сплюнул его в море. Он чувствовал, как у него внутри разгорается жажда сражения, и надеялся, что схватка вскоре состоится.

Прямо по курсу лежал родной остров Беспощадных Черепов, место их священного рунного камня, откуда двадцать долгих лет назад их изгнали проклятые Трохочущие Кулаки. Конечно, все случилось еще до рождения Стрибьорна, но это не имеет значения. Он подрастал, слыша рассказы о красоте острова, и чувствовал, что уже знает.

наков он. Рассказы отца создали ясный образ острова в его воображении. Это была священная земля, с которой они были изгнаны вероломством Трохочущих Кулаков много лет назад и которую сегодня, в день годовщины их древней утраты, наконец-то вернут себе.

Стрибьорна переполнял гнев на захватчиков. Он ощущал его так же остро, как любой из переживших нападение и резню в тот день, когда Трохочущие Кулаки пришли с моря, чтобы силой востребовать землю. Десять драконовых кораблей неприятеля разбили слабые силы Беспощадных Черепов, так как большая часть воинов находилась в море, преследуя стада касаток. Вернувшись домой, отважные бойцы Черепов обнаружили укрепившихся на своей земле врагов — Трохочущих Кулаков, взявших в рабство их женщин и детей. После короткой схватки на берегу Беспощадные Черепы были отброшены назад, на корабли, и ушли в море. Так начались невзгоды Долгих Поисков.

Стрибьорна разделял мучительную

горечь того ужасного плавания. Безнадежные атаки на другие поселения, бесплодные попытки найти новую родину. Он перебирал имена всех тех, кто умер от голода и жажды или в вооруженных столкновениях, как если бы все они были его мертвыми предками. Снова и снова он клялся, что отомстит за их души и ублажит их кровью Грохочущих Кулаков. Он знал, что так будет, ибо разве не предопределено это богами? Разве сам Русс не считал нужным наконец-то вознаградить непоколебимость воинов Беспощадных Черепов? Они нашли деревню Ормскрик с полумертвыми от изнурительной болезни жителями и захватили ее, перебив мужчин и обратив женщин и детей в рабство, как то велели древние традиции. А затем они обустроились на новом месте, чтобы размышлять о своей судьбе, рождать детей и восстанавливать численность своего племени. Но все эти долгие годы они не забывали о том месте, где покоился камень с рунами их предков.

Двадцать долгих лет они

планировали и готовились. Рождались сыновья. Боги улыбались. Новое поколение подросло и достигло зрелости. Но всегда Беспощадные Черена помнили о вероломстве Трохочущих Кулаков и о великих клятвах мести, данных когда-то. Стрибьорн знал, что сегодня ночью эти клятвы будут исполнены. Поистине боги улыбались, ибо не сегодня ли годовщина того дня, когда напали Трохочущие Кулаки? Это хорошее совпадение — ровно через двадцать лет после поражения Беспощадные Черена вернут себе земли предков, и именно в тот день, когда утратили их.

Стрибьорн гордился своим народом. Было бы просто забыть. Было бы слишком легко предаться утешению, которое давала их новая земля. Но не таков был нутр Беспощадных Черенов. Они знали цену клятвы и готовились отомстить. Их дети давали клятву добиваться мщения, как только достигали возраста зрелости. Когда Стрибьорн стал Волчьим Братом, он поклялся, что не успокоится, пока не будет возвращен камень с рунатами и его

рука не оросит священную землю родины
предков терзкой кровью Трохочущих
Кулаков.

Он погладил морщинистый лоб
широкой сильной ладонью и прикрыл глаза,
устрепив взгляд на далекий горизонт. Он
знал, что вскоре они высадятся на берег, и
пусть тогда Трохочущие Кулаки молятся
о спасении.

Разнар смотрел, как Верховный Ярл
Торвальд зажег огни большого маяка.
Горящий факел прикоснулся к
пропитанному маслом дереву, и языки
пламени подпрыгнули высоко, как
танцующие демоны. Ароматы серой албры
и трав понеслись по улицам. От жара
пламени лицо юноши зарумянилось. Он
огляделся по сторонам и увидел, что вся
деревня собралась вокруг костра и
наблюдает за вождем, исполняющим
праздничный обряд.

Торвальд размахивал топором.
Сначала -- на север, в сторону Асахейма и
Великой Горы Богов, затем -- на юг, к
морю, в знак неповиновения демонам.

обитающим в нем. Он поднял оружие высоко над головой, держа его обеими руками и повернувшись лицом к садящемуся солнцу. Ярл испустил могучий рык, и к нему присоединилась вся толпа, громкими голосами распевая имя Рүсса в надежде вымолить благосклонность бога на следующий год. Они делали это ежегодно с тех пор, как Рүсс улыбнулся им и даровал победу.

Закончив церемонию, вождь вернулся к своим воинам. Прихрамывая, в свет костра вышел старый скальд Умогрим и жестом призвал к тишине. Ученики последовали за ним со своими инструментами и принялись негромко отбивать ритм.

Умогрим поднял свою арфу и взял несколько аккордов. Его пальцы нежно перебирали струны, а он стоял неподвижно — очевидно, собираясь с мыслями. На его тонких бескровных губах играла улыбка. Пламя костра, высветив каждую складку его морщинистого лица, превратило глаза певца в глубокие щеры. Седина его длинной бороды блестела в мерцающем

свете. Толпа, затаив дыхание, ожидала.

Ночь вокруг была безмолвна. Разнар огляделся и поймал взгляд Аны. Оказалось, что она смотрела на него, ибо глаза их встретились, и она робко отвела взор, опустив взгляд dolu.

Умогрил начал петь. Его голос был тихим и в то же время удивительно звучным, слова, казалось, плавно текли по ритму барабанного боя. Он словно открыл в себе большой родник памяти, и тот начал тихо, но неумолимо изливаться наружу.

Он пел «Деяния Грохочущих Кулаков» — сагу их предков, которая была начата в незапамятные времена, сотни поколений назад, и с тех пор дополнялась каждым скальдом. Делом жизни Умогрила было запомнить эту песнь, дополнить ее и передать ученикам, которые в свое время передадут ее другим. Древняя мудрость гласила, что если ярл являлся сердцем народа, то скальд был его памятью. Именно в такие мгновения Разнар понимал истинность этой поговорки.

Конечно, ни в эту, ни в любую другую ночь времени на всю песнь не хватило бы.

поэтому Улогрим ограничился
отрывками. Он рассказывал о древнейших
временах, когда люди плавали между
звездами на кораблях, созданных богатыми.
Он пел о Рүссе, который пришел к людям и
научил их выживать в мрачные времена,
когда сотрясался мир и явилось древнее
зло. Он рассказал о времени выбора, когда
Рүсс отобрал десять тысяч лучших воинов
из всех племен. Они отправились
сражаться в войне богов, и больше их
никогда никто не увидел.

Он пел о древних войнах и о
грандиозных деяниях Грохочущих Кулаков.
О том, как Бирак убил великого дракона
Транлинга и потребовал себе железную
шкатулку и руку духа грома Майя. О том,
как великий мореплаватель Найэл
проплыл вокруг света на своем могучем
корабле «Ветровой Волк». О той ночи,
когда пришли тролли и изгнали
Грохочущих Кулаков с земли предков.

Скальд обновил песнь историей о том,
как отец Рагнара и его моряки нашли
этот остров, которым владели жестокие
и грубые Беспощадные Черена, и

захватили его в день кровавого
противостояния. В этом месте
некоторые из присутствующих
разразились одобрительными возгласами,
другие же глядели в огонь, словно
вспоминая павших товарищей и жестокую
битву прошлого.

После нескольких долгих часов
история наконец-то дошла до настоящего
времени. Сердце Рагнара исполнилось
гордостью, когда Умогрим поведал об их
плавании с Волчьим Жрецом Ранеком к
острову Повелителей Железа и о том, как
Рагнар поразил дракона в глаз, прежде
чем тот был уничтожен магией старого
чародея.

Он знал теперь, что его имя будет
жить всегда. Убо пока будет
существовать его племя, имя Рагнара
будет вспоминаться скальдом и его
учениками -- а может быть, о нем даже
будут петь в священные дни и другие
праздники. Даже после того, как он уйдет
в дом павших, его имя будет жить. Рагнар
огляделся и увидел гордость на лице Аны.

Он был так взволнован, что почти не

обратил внимания на последнюю часть песни.

«Как хорошо, что Грохочущие Кулаки зажгли маяк, чтобы вести нас», — думал Стрибьорн, глядя на большой мерцающий костер на горизонте. Он ярко светился, и его отражение на волнах, казалось, усиливало этот свет.

Сначала Стрибьорн подумал, что этот маяк был неким предупреждающим знаком, что приближение Беспощадных Черепов замечено. Но никаких признаков подготовки к военным действиям видно не было. На берегу не собрались воины, и корабли не вышли навстречу захватчикам. Конечно, все были напряжены, но до сих пор ничего не произошло.

Стрибьорн заподозрил, что это может быть какой-то ловушкой, еще одним доказательством вероломства и коварства Грохочущих Кулаков. Затем среди гребцов прошел слух, что Грохочущие Кулаки, скорее всего, отмечают юбилей своей бесславной победы и радуются учиненной ими предательской

бойне. Что ж, скоро они узнают, какой
должна быть настоящая битва. Ярл
приказал высадиться в бухте Жестокого
Убийцы, вне видимости от деревни.
Оттуда останется лишь короткий бросок
— а за ним последует быстрая и
окончательная месть.

Стрибьорн ощутил, что его
охватывает гнев, волна которого
захлестнула сородичей.

Именем Рюсса, как дорого заплатят
за все эти Грохочущие Кулаки.

Вскоре пение было окончено,
наступило время пир и танцев. Ярл и его
телохранитель повели всех в большой зал.
Там стояли столы, ломившиеся от
жареных цыплят и свежеепеченного
хлеба. На настилах возвышались горы
сыров. В чашах блестели озера меда, а в
воздухе тек аромат эля. Пивовары уже
наполняли ил большие чаши, и роза
передавались из рук в руки.

Улли улыбнулся гругү и передал
кожаную кружку. Рагнар опрокинул в рот
горький напиток, как делали это старые

воины. Это не слабое питье для мальчиков, а крепкий праздничный напиток для настоящих бойцов. От пузырьков он почти, шипел, а его горечь удивила Рагнара. Однако он постарался не опозориться, в несколько глотков поглотив содержимое кружки под восхищенные аплодисменты товарищей.

Перед собой Рагнар увидел отца, прижавшего к губам огромный рог, содержимое которого непреклонно переливалось в его рот под громкий обратный отсчет старших воинов — от десяти до одного. Напиток был поглощен, когда прозвучало пять. Это был хороший результат. Когда рог наполнился вновь и был передан следующему, отсчет начался с пяти, но этот воин оказался не чета отцу Рагнара — он осушил рог уже после того, как счет закончился. Ступившись, воин передал рог следующему товарищу.

Рагнар прошел к столу, предназначенным для Волчьих Братьев, и стал угощаться цыплятами и хлебом. Теплое мясо было изумительно вкусным. Жир стекал по его подбородку, и юноша

стирал его кусками хлеба, которые затем отправлял в рот. Эль улегся в желудке, и теперь молодой воин чувствовал себя прекрасно, хотя и был немного огурманенным непривычной крепостью напитка.

Улли издал долгий вой, завершившийся отрыжкой. Он выразительно посмотрел на Рагнара, а затем перевел взгляд туда, где за столом сидели незатумженные девчушки. Рагнар улыбнулся и кивнул, больше уже не волнуясь. Вскоре наступит время танцев.

Бесшумно двигаясь, Стрибьорн и его Волчьи Братья приблизились к деревне Трохочущих Кулаков. Он был поражен — эти дурни оказались настолько уверены в себе, что даже не выставили часового. Они жили тут сладкой жизнью, пользуясь всеми благами земли предков Стрибьорна. Что ж, подумал он, скоро враги заплатят за свою ошибку.

Он знал, что повсюду вокруг деревни воины Беспощадных Черепов занимают позиции для атаки. Скоро бывалые воины

проскользнут за частокол и захватят ворота. А затем Стрибьорн и его парни обрушатся на своих одурманенных врагов подобно волкам, налетающим на скот в загоне.

Теперь их ничто уже не остановит.

-- Загадай желание, -- сказала Ана,правляя свое платье. Рагнар перестал застегивать свою туннику и посмотрел в том направлении, которое указала девушка. Над головой он увидел свет в небе. Сначала Рагнар, как и Ана, подумал, что это падающая звезда, но потом заметил хвост огня, который следовал за ней. Это напомнило ему о чем-то еще. В это мгновение, одурманенный элем и недавними объятиями с девушкой, он был не вполне уверен, что же именно.

Вдалеке залаяла собака, как бы в ответ на падение метеора.

Он перекатился по земле, схватил девушку и, притянув к себе, стал ее целовать. Сначала она изгибалась, сопротивлялась, а затем опустилась к нему на землю. Он подумал, что никогда

еще не был так счастлив, как в этот миг, но мысль о снижающихся языках пламени не шла у него из головы.

Наконец Рагнар вспомнил, где видел подобное зрелище. Оно изливалось из небесного корабля, что прилетел за Волчьим Жрецом Ранеком на остров Повелителей Железа.

«Что бы это значило?» — лениво спросил он себя, пока вообще не перестал о чем-либо думать, охваченный страстью. Он даже не обратил внимания, когда начались крики.

Стрибьорн, крепко держа топор в руке, промчался через открытые ворота. Его Волчьи Братья бежали рядом, глаза их горели в предвкушении битвы, рты раскрыты. Внезапно Стрибьорн ощутил слабость. Он знал, что это пройдет: такое чувство всегда охватывало его перед встречей с опасностью. Это было своего рода знаком того, что его тело подготовилось к этой встрече. Внезапно он ощутил, как ускоряется его дыхание, быстрее стучит сердце, становится

тпрудно удерживать топор, потому что
взмокли ладоны.

Вместе с товарищами он ворвался в
деревню. Впереди слышались звуки музыки
и танцев.

Неожиданно прямо перед ними
возникли люди. Это были не Беспощадные
Черена. Все чувства Стрибьорна уже
натянулись, как тетива лука, и ему не
требовалось никакого вызова. Он нанес удар
топором. Раздүлся ужасный хлюпающий
звук, когда лезвие вошло в плоть.
Вытащив топор, Стрибьорн рубанул снова,
почувствовав, как теплая кровь брызнула
из тела человека, упавшего у него ног. Он
устретился вперед навстречу другим
врагам. Странно, но музыка продолжала
играть. Где-то вдали залаяла собака.
Бүгто оповещаая о нападении, над головой
раздался грохот, похожий на гром.

— Что это было? — спросила Ана, на
лице которой появился страх.

Разнар отстранился от нее и
взглянул вверх.

— Не знаю, — ответил он и внезапно

понял, что не прав. Он раньше слышал такой громоподобный звук, когда небесный корабль впервые приблизился к ним в море. Было ли это каким-то предзнаменованием? А это что за шум? Бүгто большая грака разгорелась у глинного гота.

Он поднялся на ноги. Ана встала рядом. Держа ее за руку, Рагнар стал пробираться между хижинами на звуки граки. То, что он увидел, оказалось гораздо хуже того, что юноша ожидал. Между празднующими носились чужаки: огромные, сильные и темноволосые. У них были грубые черты лица и крупные челюсти. Они походили на троллей, и Рагнар сразу узнал их по песням скальда. Они бүгто появились из его песни. Это были Беспощадные Черена.

На мгновение сүеверный страх сковал молодого война. Неужели они вернулись из могил за душами своих завоевателей? Наверное, это темная магия. Могли мертвые подняться, чтобы отомстить живым?

Наблюдая за происходящим, он увидел.

как юноша с жестоким лицом в одеянии Волчьего Брата ударил топором отца Улли. Тот, все еще одурманенный элем, выглядел удивленным, когда схватился за живот, пытаясь удержаться от вываливающейся внутренности.

— На нас напали! — воскликнул Рагнар, толкая Ану назад, в тень. — Это набег.

В глубине души он знал, что это не просто набег. Судя по количеству убитых и воинов и по крикам сражающихся, это было полномасштабное вторжение, имевшее целью поработить или уничтожить весь его народ. Он выругался, осознав, что нападение произошло в наихудшее время, когда все воины были пьяны или танцевали. И это было по их вине. Им нужно было выставить часовых. Им следовало быть наготове, но они не были готовы. Долгие годы мира внушили Грохочущим Кулакам ложное чувство безопасности, которого не должно быть ни у одного человека на Фенрисе. И теперь они расплачиваются за это.

Гнев и отчаяние боролись в душе Рагнара. Он долго стоял, застыв на месте,

понимая, что все бесполезно. Больше половины жителей деревни уже были мертвы или умирали, сокрушенные, словно гниющая драконова кость, этими жуткими захватчиками. Нападающие были в полной готовности, прекрасно оснащены и собраны в боевые порядки, они сражались, подчиняясь целенаправленной дисциплине. Трохочущие Кулаки были безоружны, дезорганизованы, сбиты с толку и мало на что способны -- кроме как лечь под нож, словно забиваемые цыплята.

Внезапно Рагнар понял, что на плечах Трохочущих Кулаков обрушился их рок.

4. Последний взгляд

-- Назар! -- воскликнул Рагнар, толкая Ану в ближайшую хижину. Он понимал, что это не очень хорошее убежище, так как вскоре захватчики могут поджечь все хижины. И все же ему нужно было время, чтобы подумать, и он не сомневался, что здесь внутри должно быть оружие получше, чем кинжал, который висел у него на поясе. Не совсем понимая смысл происходящего, Ана уперлась. Но Рагнар был сильнее и резким толчком пихнул ее внутри другой рукой закрыв девушке рот.

-- Бегу себя тихо, если ценишь свою жизнь! -- сказал он ей и увидел, как ужас понимания в глазах девушки быстро сменился твердой решимостью.

Она -- истинная дочь своего народа.

Вопли и боевые призывы наполняли ночь, лишь слегка приглушенные стенами из драконьей шкуры. Внутри было сумрачно. Рагнар неистово рылся в вещах, пока не нашел топор и щит. Он быстро пристегнул щит к руке и поднял оружие.

Сеперь он чувствовал себя увереннее, но по-прежнему не знал, что делать дальше. Все, что он увидел, неизгладимо отпечаталось в его памяти.

Он вспомнил выражение ужаса на лице отца Улли. Он вспомнил старого Хорзгума, лежащего в грязи с напрочь слесенной макушкой черепа и вытекающими мозгами. Он вспомнил ужасную пульсирующую рану в груди пивовара Ранальда. Все, на что он тогда не обратил внимания, теперь всплывало в памяти. Слезы покатились по щекам юноши. Он не ожидал такого. Не о таких сражениях пел скальд. Это была жестокая резня безоружных людей беспощадным врагом.

И все же где-то в глубине он понимал, что это было сражением. Мертвые, умирающие и ужасные раны были всегда. Племена Фенриса редко вели бой честно. И такие сражения всегда заканчивались для кого-то кошмарными смертями. Оставался вопрос: что же делать ему?

Сидеть, съевшись в этой хижине, словно побитая собака, или же выйти

нарүжү и встретить смерть как
мужчина? Он понимал, что выбор невелик.
Скорее всего, он умрет -- но в любом случае
духов предков лучше встретить с ранами
на груди и оружием, сжатым холодеющей
рукой.

И тем не менее что-то не давало
Разнару сделать то, что он должен был
исполнить. Его взгляд упал на испуганную
девушку, стоящую в углу: глаза ее были
сухими, лицо -- бледным. Она вытерла
слезы краем рукава и попыталась
улыбнуться. Вышла ужасная гримаса, и
юноша почувствовал, что его сердце вот-
вот разорвется.

Как изменилась его жизнь в считанные
минуты. Менее часа назад он был
совершенно счастлив. Он и Ана были
вместе. Казалось, между ними все решено,
как это принято в их деревне. Они
поженились бы, завели детей, стали бы
жить вместе. Теперь это будущее исчезло,
как сухой хворост в пламени костра. Не
осталось ничего, кроме крови, праха и,
может быть, бесславной жизни раба. Если
его пощадят. Он знал, что не вынесет

этого.

Что же ему делать? Он не мог оставаться здесь. Остаться -- значит подвергнуть риску не только себя, но и девушку. Скорее всего, ей оставят жизнь, чтобы она стала женой или рабыней кого-то из Беспощадных Черепов. Так устроен мир. Эта мысль причинила ему боль сильнее, чем он ожидал. Но, по крайней мере, она будет жить.

И все же он не мог уйти. То же чувство, что влекло его к девушке раньше, теперь не давало юноше покинуть ее. Разгар подошел к ней, положил подбородок на ее плечо, протянул руку и прикоснулся к ее лицу, проведя пальцем по его линиям, стараясь запомнить их, чтобы унести с собой в ад, если это понадобится. Из всего, что случилось с ним в этой жизни, она -- самое лучшее. Его сердце разрывалось, он понимал, что впереди не будет ничего, что их жизни кончились, едва успевают начаться.

Разгар притянул ее к себе для последнего поцелуя. Их губы надолго встретились, а затем он оттолкнул Ану.

-- Прощай, -- тихо сказал он. -- Это было бы здорово.

-- Прощай, -- ответила она, не пытаясь, как истинное гитя своего народа, удержать его.

Юноша вышел в полыхающую ночь, в стонущий хаос и безумие. На него тут же бросился огромный воин с высоко поднятым топором.

Стрибьорн шел сквозь ночь, непрерывно убивая. Он ликующе ревел, зная, что настал час мести его народа. Вкус крови был сладок. Ему нравилось убивать. Ему нравилось ощущение власти, которое давало убийство. Ему нравилось состязание силы против силы, человека против человека.

И все же эти Грохочущие Кулаки -- слабые противники, едва ли достойные клинков Беспощадных Черепов. Они пьяны, плохо вооружены и, кажется, даже не понимают, что происходит. «Как же удалось изгнать его воинственный народ с родной земли?» -- недоумевал воин.

В краткой передышке между

схватками ему пришло в голову: а может, это наказание за жизнь на ЭТИХ островах? Неужели именно от хорошей жизни его предки в свое время размякли так же, как сейчас — Трохочущие Кулаки? Не утратил ли однажды его народ свой разум воинов так же, как эти бараны? Об этом стоит сказать отцу, понял Стрибьорн. Это никогда не должно повториться. Это кончится, когда он станет вождем.

Разнар отчаянно парировал удар нападавшего. Его рука онемела, хотя и поглотила часть силы удара. Юноша сделал вынаг, целясь в голову противника, но тот, в свою очередь, отбил его атаку.

Тогда молодой воин нанес удар кулаком левой рукой понав в голову противника. Тот пошатнулся, утратив равновесие, и Разнар разнес его череп топором.

Он огляделся. Его дом полыхал. Большой дом тоже горел. Вокруг царил безумие. Призрачные фигуры рубились и падали в сумраке. Это был крошечный ад.

Женщины бежали сквозь ночь, унося детей. Собаки хватали ноги захватчиков. Какой-то цыпленок пронзительно пищал и хлопал горящими крыльями.

«Где же отец? — подумал Рагнар. — Скорее всего, в большом доме, помогает сплотить воинов. Если он еще жив...»

Юноша отчаянно гнал от себя эту мысль, но она засела в нем, как нож: к исходу ночи не только отец, но и все воины, которых он знал, да и он сам, скорее всего, будут мертвы.

Им оставалось только сражаться, пусть это и не принесет победы. Все чувства Рагнара теперь предельно обострились. Он бросился к большому дому, все еще надеясь, несмотря ни на что, найти живыми отца и остальных.

В небе еще раз прокатился странный вой, и Стрибьорн осознал, что над полем боя нависла огромная крылатая тень. Он поднял взгляд и увидел ее горящий кометный хвост, пронесшийся низко над головой. На мгновение сеча прекратилась, все воины в благоговейном страхе и

изумлении посмотрели на это чудесное явление.

-- Избирающие Павших! -- крикнул кто-то. Стрибьорн не разобрал, кто это -- Беспощадный Череп или Грохочущий Кулак. Он знал лишь, что, кто бы это ни сказал, он прав. Дрожь пробежала по его телу. Здесь посланцы богов! Они судят сражающихся. Сейчас, именно в это мгновение они смотрят вниз своими горящими взглядами, чтобы решить, достоин ли тут кто-нибудь присоединиться к великим воинам в Доме Героев. Возможно, этой ночью кто-то возродится к жизни на легендарной горе, где Избранные Богаты обитают в бессмертной славе.

Стрибьорн знал, что выбраны будут лишь храбрейшие из храбрых и свирепейшие из свирепых. Только самые отважные достойны бессмертия. Имена Избранных будут жить вечно, распеваемые скальдами в героических песнях. В его сердце вспыхнуло честолюбие.

Он понял, что должен сделать. Среди этих побитых собак следует найти врага.

достойного его стали. Он должен отыскать того, кто сможет сражаться наравных, и вызвать его на поединок. Избирающие Павших появлялись не в каждом сражении -- быть может, такой возможности не представится уже никогда, и никогда за всю жизнь ему не придется ощутить присутствие этих таинственных существ.

Он огляделся. Те же мысли, казалось, посетили каждого воина, независимо от племени. Беспощадные Черепатогвинулись от своих противников, давая им возможность подобрать лучшее оружие. Стрибьорн с волнением ожидал, что же будет дальше.

В возникшем затишье Разнар посмотрел вверх и увидел проходивший над головой небесный корабль. Казалось, целую вечность назад он наблюдал за ним с палубы «Коня Рюсса», хотя на самом деле прошло лишь две сотни дней. Быть может, это не тот корабль. Возможно, их существует больше чем один. Кто, кроме богов, мог знать это?

Постепенно в его сознании заискрилась мысль о том, что здесь должны присутствовать Избирающие. Они могут наблюдать за ним в этот миг. Судить о том, достоин ли он войти в Дом Рюсса. Странно, но эта мысль воодушевила его, придав смысл творившейся вокруг жестокости. Внезапно происходящее перестало быть просто битвой за выживание, превратившись в испытание чести и достоинства. Конечно, все сражения таковы, но лишь в немногих действительно присутствуют посланцы богов. И сейчас случилась именно такая битва. Человек мог прямо отсюда шагнуть в легенду.

Здоровенный воин, с которым он обменивался ударами секунду назад, теперь пристально смотрел на него, и что-то похожее на понимание появилось в его жестоких серых глазах. Они разошлись. Разгар отступил назад, к остальным своим сородичам, собравшимся вокруг пылающего большого дома. Беспощадный Череп удалился к рядам своих.

Разгар остотрелся. Улли был здесь.

Отец — тоже, с облегчением увидел Рагнар. Ярл Торвальд еще держался, хотя на голове его кровоточила рваная рана. На глазах у Рагнара вождь оторвал рукав от своей туники и перевязал голову. Они обменивались тоскливыми взглядами. Все понимали, что скоро погибнут. Все знали, что это только вопрос времени.

При виде собравшихся вместе Беспощадных Черепов стало ясно, что сейчас они превосходили соплеменников Рагнара по меньшей мере в пять раз. Многие из воинов Трохочущих Кулаков пали в первоначальной смятении. Им ни за что не победить, даже если бы они сражались гораздо лучше, чем их враги. А если судить по тому, с какой свирепостью набросились на них Беспощадные Черепы, это не тот случай. В бою один на один силы их были равны — или они даже проигрывали нападавшим, был вынужден с неохотой признать Рагнар.

И тем не менее появление небесного корабля вызвало перемены в самом духе сражения. Это было очевидно. Беспощадные Черепы сейчас сдерживались.

Они, так же как и Трохочущие Күлаки, хотели произвести впечатление на наблюдателей с небес. Они прекратили резню и стали искать достойных противников. В сердце Рагнара вспыхнула искра гнева.

Теперь они готовились сражаться благородно. Зная, что на них смотрят боги, они соглашались дать своим врагам честный бой. Но несколько минут назад они отнюдь не собирались проявлять благородство. Это было нечестно, не соответствовало представлениям о подлинном достоинстве.

В глубине души Рагнар улыбнулся своей наивности. Что за смысл в протесте против нечестности происходящего? Боги вынесут суждение своим обычным, непостижимым образом, и их не обдурить. Он надеялся на это.

И с чего ему возмущаться? Беспощадные Черена сейчас дают ему возможность умереть достойной смертью, пусть даже они -- подлые лицетеры. Но по крайней мере Трохочущие Күлаки заберут некоторое число врагов с собой во трак.

Но мере того как все осознали смысл происходящего, несколько воинов Трохочущих Кулаков сбегали в горящий пол и вернулись оттуда с кучей оружия и щитов. Беспощадные Черепы были вполне готовы дозволить это и дать своим врагам возможность подготовиться к битве.

В воздухе повисло напряжение. Оно было физически ощутимо, будто само присутствие Выбирающих создавало особую атмосферу. Воины разминались, нанося оружием удары в воздух. Командиры Беспощадных Черепов собрались вместе, с чем-то споря меж собой, — без сомнения, они обсуждали, как произвести лучшее впечатление на Русса.

Ну а Трохочущие Кулаки этого не обсуждают, подумалось Разнару. Их долг ясен: подороже продать свою жизнь, сражаться достойно до самой смерти. Много выбора нет.

Откуда-то донеслись звуки рыданий. Плачущий голос был похож на голос Ранальда Однозубого. Это удивило Разнара, ибо он знал Ранальда всю жизнь.

и тот всегда был уравновешенным человеком, невозмутимым даже в самую сильную бурю или перед самой могучей касаткой. Но всем отзывал, он хорошо проявил себя во всех набегах и сражениях, где принимал участие. Однажды он даже схватился один на один с Ночным Троллем из Гонта и вышел из этого боя победителем.

Почему же у него сдали нервы сейчас? Ведь из всех присутствующих воинов именно ему обеспечена благосклонность Избирающих. Его отвага неоднократно подвергалась испытаниям. Возможно ли, чтобы человек обладал лишь ограниченным запасом мужества на всю жизнь, а израсходовав его, терял свое бесстрашие? Или это присутствие Избирающих привело его в уныние? Неужели осознание того, что на тебя смотрят глаза богов, может так странно подействовать на человека?

Или, быть может, сыграло роль осознание того, что это конец -- чувство, посетившее сейчас каждого воина Трохочущих Кулаков. Все понимали, что

приговор вынесен и вот-вот они узнают свою окончательную судьбу. Одно дело — вступить в схватку с врагом, встретиться с бурей или любой другой опасностью, зная, что можешь выжить в силу удачи, по милости богов или же применив свою силу и мастерство. Совсем другое — твердо знать, что твоя жизнь скоро будет окончена.

Разнар внимательно взгляделся в свою душу и обнаружил там страх. Но он не был всепоглощающим. Юноша был взволнован и странно возбужден, но не перепуган. Более того, в нем бурлили гнев и жажда мести. Беспощадным Черепам за их вероломство, которые делали страх мелким и незначительным. Он ощущал в себе растущую ярость. Ему не терпелось схлестнуться с врагами, отчаянно хотелось начать убивать.

И он был вынужден признать, что желание получить милость богов не имело с этим ничего общего. Разнар был уверен, что с радостью спустится в ад, если сможет захватить с собой хоть одного Беспощадного Черепы, и что его жизнь

пройдет не напрасно, если он утащит сразу двоих. Он понимал, что жизнь его кончена и терять более нечего. Все, что у него сейчас есть, -- возможность дорого продать ее.

Так странно, что в течение одного вечера человек может столько раз измениться. Рагнар попытался вспомнить лицо Аны -- лицо, которое он так старался запомнить какие-то минуты назад, и обнаружил, что сейчас у него не осталось никакого отчетливого воспоминания. Жаль, холодно подумал Рагнар. Было бы здорово взять с собой в загробную жизнь воспоминание о чем-то прекрасном.

Грохочущие Кулаки закончили вооружаться и стояли наготове. Беспощадные Черепы уже отобрали своих воинов. Они глядели друг на друга через тени, мечущиеся по горящей площади. Долго тянулось время, когда враги со страхом и ненавистью пожирали друг друга взглядами. Затем все взоры обратились к огромному человеку, возникшему среди пляшущих теней. Это был исполин, одетый в металлические

доспехи, с наброшенной на плечи большой волчьей шкурой.

Потрясенный Рагнар узнал его. Это был Волчий Жрец, которого они отвезли на остров Повелителей Железа несколько коротких сотен дней назад. Внезапно Рагнара обуял страх: он вспомнил последние слова Волчьего Жреца. Конечно же, вот он — день рока! Выходит, Ранек не только чародей, но и провидец.

Теперь все застыли, ожидая, не вмешается ли Волчий Жрец в грядущую схватку. Но тот ничего не предпринимал, лишь оглядев присутствующих своими горящими глазами. В этот миг Рагнар совершенно ясно увидал, что в Ранеке есть что-то нечеловеческое — или, возможно, сверхчеловеческое. Что бы с ним ни случилось, это отделило его от людей и обратило во что-то чудовищное.

В этом человеке не было страха. Он стоял на поле битвы, уверенный в своей неуязвимости, будто наблюдая за ссорой детей, а не находясь между взрослыми вооруженными воинами, готовыми броситься друг на друга. Ранек словно

знал, что оружие не сможет причинить ему вред, что он сумеет без особых усилий уничтожить тех, кто покусится на его жизнь. Вспоминая, как он поступил с драконом, Рагнар не сомневался в этом.

И тут юношу осенила другая мысль. Ранек прибыл на небесном корабле. Он не просто чародей. Он — один из тех, кто выбирает Навших, представитель самих богов. Та же мысль, казалось, поразила всех присутствующих, когда они смотрели, как играют отблески пламени на сияющих доспехах Волчьего Жреца. Благоговейный страх охватил всех. Они понимали, что перед ними — нечто сверхъестественное.

Ужасный старец внимательно наблюдал за воинами, словно ожидая, когда же они начнут схватку. Рагнар подумал, что его присутствие навело ужас на всех бойцов. Предоставленные сами себе, они вдруг заколебались, не решаясь начать сражение. Но старик сделал знак, будто приказывая продолжать. Два войска зарычали, будто волки, готовые прыгнуть друг на друга, и рванулись в бой.

Стрибьорн ощутил, как по его телу пробежала нервная дрожь, когда из тени выступил облаченный в доспехи старец. В глубине души он понимал, что это -- один из Избирающих, существо, которое могло даровать ему бессмертие и вечность непрерывной битвы, если пожелает того. Его фигура в доспехах притягивала взгляды, как магнит -- железные опилки. В этом Избирающем чувствовался дух устрашающего могущества, который наполнил Стрибьорна завистью и жаждой. Ему хотелось разделить это могущество, чтобы стоять среди битвы с такой же уверенностью. Ему хотелось обладать чем-то таким же великолепным. Он понимал, что в сравнении с этим человеком величайший из воинов Беспощадных Черенов выглядит всего лишь глупым мальчишкой. Чем бы ни обладал этот старик, Стрибьорн хотел это иметь. Но для этого надо было предстать героем в предстоящей битве -- или по крайней мере погибнуть, стреляя к этому. Конечно, если такая возможность представится. Увы, Стрибьорн не попал в

первую шеренгу воинов, которыми
предстояло сражаться в поединке с
Грохочущими Кулаками.

Он окинул площадь взглядом, пытаясь
прикинуть, сколько врагов осталось, и
увидел одного из Грохочущих Кулаков —
юношу примерно его возраста, который
пристально смотрел на старика. По лицу
молодого воина было видно, что он узнал
жреца. Разве это возможно, чтобы человек
знал Избирающего? Нет. Этого быть не
может. Должно быть, предсмертное
безумие овладело мальчишкой! Но
Стрибьорн постарался запомнить его
лицо. Воина внезапно охватила
безотчетная неприязнь именно к этому
врагу, и он стал пылко молиться, чтобы
парень выжил в первой схватке и чтобы
сам Стрибьорн смог убить его.

По сигналу старика Беспощадные
Черепя бросились в атаку.

Разгар уклонился от удара городского
воина. взмахнул своим топором и всадил
его противнику в грудь. Кости брызнули
осколками, хлынула кровь, показались

внутренности. Юноша развернулся как раз вовремя, чтобы уклониться от оружия другого Беспощадного Черена, и тут с ужасом почувствовал, что не может двигаться.

Утирающий воин дотянулся до Рагнара из лужи собственной крови и схватил его за ногу. Казалось, он полон решимости увлечь за собой своего убийцу. Для Рагнара, пригвожденного на месте, это внезапно оказалось реальным. Второй Беспощадный Черен ринулся на него, и юноша с трудом парировал удар щитом. Это единственное, что он смог сделать, не потеряв равновесия. Затем Рагнар провел встречный удар, заставив противника отпрыгнуть назад.

В этот краткий миг передышки юноша решился на ужасный риск. Долго в таком состоянии ему не продержаться. Ему необходимо вырваться. Он на мгновение перевел взгляд со своего невредимого противника на того, кто повис на его ноге, а затем ударил топором по кисти вцепившейся руки.

Острое лезвие легко прошло сквозь

плоть, кость и сухожилия. Горячая кровь обогрела ногу Рагнара. Утирающий испустил безумный вопль, а сам Рагнар едва успел отпрыгнуть от бросившегося на него воина. Когда тот пролетел мимо, Рагнар всадил топор ему в шею сзади. Лезвие перебило позвоночник, и голова наполовину слетела с обрубка шеи. Еще не понимая, что уже мертв, человек сделал еще несколько шагов и, лишь споткнувшись о безрукого утирающего, рухнул на залитую кровью землю. Рагнар выпрямился и рванулся вперед, рубанув топором влево, а затем вправо. Его первый удар пришелся затешикавшимся воину в висок и разрубил голову. Второй удар был отбит маленьким приземистым Черепом. С невероятной скоростью они с Рагнаром обменялись серией ударов. Волна боли взметнулась по руке юноши, когда острие вражеского копья глубоко вонзилось в нее. Но ответный удар Рагнара отправил врага головой вперед в ад. Рагнар пораился тому, как здорово сражается. Казалось, все происходило медленно и неторопливо. Он даже не подозревал в себе

столь совершенной координации и быстроты движений. Разум юноши был кристально ясен и холоден, словно горный поток, питающийся снегами. Он ощущал себя сильным, быстрым и почти не чувствовал боли от ран. Конечно, он слышал от старших воинов, что иногда так бывает, и знал, что расплата за отсутствие усталости придет позже. Но сейчас, в эти мгновения, юноша чувствовал себя непобедимым.

Быстро окинув взглядом поле битвы, он понял, насколько обманчивым было это чувство. Ордэ Беспощадных Черепов казалась бесконечной. Когда падал один, тут же вперед выскакивал другой, рвущийся в битву. Грохочущие Кулаки рубились на славу, но больше половины из них уже погибло. Остатриваясь по сторонам, Рагнар увидел на земле тело отца. Его невидящие глаза смотрели в небо, руки все еще сжимали топор, двое мертвых Беспощадных Черепов лежали у его ног.

Ужас сжат сердце юноши. Этот человек растил его в одиночку с тех пор,

как утерла мать. Сколько Рагнар помнил себя, отец всегда был рядом, как оплот неукротимой силы. Было просто невозможно представить его мертвым.

Срубая врагов как солому, Рагнар пробился к тому месту, где лежал отец. Юный Трохочущий Кулак припал к телу отца и коснулся его лба. Он был уже холодным. Допронувшись до его горла, Рагнар не уловил пульса. Горе переполнило его, и на мгновение парализовало его.

К нему неся Беспощадный Череп. Рагнар СПОКОЙНО смотрел, как приближается враг. Горе его застыло и стало холодным, как труп отца. Потребность убивать теперь застигла все другие чувства. А Беспощадный Череп двигался так медленно, что казалось, будто он с трудом пробирается сквозь патоку. Рагнар видел его до последней детали, от бородавки на тыльной стороне его левой руки до зазубрин на яркой стали клинка. Откуда-то явилась странная, неотвратимая ясность. Но тому, как человек прихрамывал, Рагнар понял, что он недавно подвернул ногу, но это

ненастного замечляет его движение. Юноша видел, как воин заносит свой топор для удара, который должен обезглавить Рагнара. Это было так, будто происходило с кем-то другим.

Затем за плечом нападавшего юноша разглядел Волчьего Жреца Ранека, наблюдавшего за ним. В глазах старика было то ли сострадание, то ли презрение — Рагнар не смог понять этого. Взгляд этих волчьих глаз было не по силе прочесть смертному. И все же этот взгляд будто снял с юноши заклятие, которое сковало его. Холодная ярость и горячая ненависть наполнили Рагнара. Слобно взорвавшись, он прыгнул вперед прямо под удар и столкнулся с нападающим.

Рагнар сделал выпад, ударив врага по уже раненой ноге и сбив его на землю. Когда тот упал, Рагнар расколол его череп, словно сухое дерево, и бросился дальше, врубаясь в шеренги Беспощадных Черепов и сея в них смерть.

Теперь он сражался как бог. Ничто не могло противостоять ему. Ненависть и

Здесь пригнали юноше небывалую скорость и свирепость. Он не знал страха. Он жил только для того, чтобы убивать, и теперь ему было все равно, жить или умереть. В неистовстве он прокладывал себе путь сквозь ряды Беспощадных Черепов, как корабль через штормовое море, разрубая все, что попадалось на пути.

Где-то посреди этого безумия удар одного из Беспощадных Черепов расколол его щит. В следующий миг Рагнар убил того, у которого хватило смелости это сделать, и подхватил выпавшее у него оружие. С топорами в обеих руках он несся вперед, как ураган смерти, убивая всех, кого мог дотянуться. Юноша потерял счет убитым после того, как уложил двадцатого. Он уже привык к выражению страха и ужаса на лицах тех, с кем сталкивался. Такое бывает, если человек встречается с демоном. Рагнару было все равно: в эти мгновения он ощущал себя демоном. Быть может, кто-то из них овладел им. Если даже и так, то он был рад этому, как принял бы что угодно, позволяющее убивать Беспощадных

Черепов как можно больше.

Некоторое время казалось, что он может в одиночку изменить ход битвы. Трохочущие Кулаки, воодушевленные успехом Рагнара, построились позади него и образовали мощный клин, который пробивался сквозь ряды врагов. Но это не могло длиться вечно. Один за другим за спиной падали сородичи, а ужасная сверхчеловеческая свирепость не избавляла от повреждений. На его теле кровоточили уже десятки мелких ран, оно постепенно немело от множества полученных ударов, и сила медленно убывала. Движения юноши замедлились, он почувствовал боль и внезапно опять стал тем, кем и был, — человеком.

Стрибьорн свалил очередного Трохочущего Кулака и попытался отыскать того юношу, которого приметил раньше. Его не было видно — должно быть, он переместился в другую часть поля боя. Жаль. Однако Стрибьорну удалось сразить воина постарше, очень похожего на того юнца. Он бился неплохо

для Грохочущего Кулака, и Стрибьорн мог гордиться собой. Теперь, когда Грохочущие Кулаки вновь обрели боевой дух, они становились вполне достойными противниками, и он убил уже пятерых. Воин был уверен, что ощутил на себе взгляд Избирающего Навших. Стрибьорн тщательно отбирал своих соперников. Все они -- воины в расцвете лет. Все -- искусные бойцы, и все пали от его топора.

Стрибьорна вновь охватила радость кровопролития. Он понял, что никогда еще не был так счастлив за свою короткую и полную ненависти жизнь. Убийство приносило ему больше наслаждения, чем меда, сон или эль. Это было слаще меда и девичьих поцелуев. Умея дело со смертью, человек обретает силу, равную могуществу богов. А может, и нет. Возможно, существует что-то слаще, чем это, известное только Избирающим и их господам. Стрибьорн надеялся вскоре это выяснить.

А теперь настало время отыскать выбранную жертву. Снова пора убивать.

На Рагнара обрушилась усталость. Он почувствовал, как затежляются его движения. Силы уходили, скорость ударов уменьшалась. Он отразил атаку воина Беспощадных Черенов и отступил, уклоняясь от второго замаха. Лезвие вражеского топора порвало его туннику и оставило на груди кровавый рубец. Дав топору противника опуститься, он обрушил свой левый топор на его оружие, переломив топорнице, а затем ударом справа отправил врага к праотцам.

Но Беспощадных Черенов было еще очень много. Казалось, что на месте каждого убитого появляется двое других. Впрочем, это не имело для Рагнара никакого значения. Он был поглощен лишь уничтожением, желая заставить врагов подороже заплатить за то, что они убили отца и украли ту жизнь, которая могла быть у него с Аной. Рагнар знал, что, когда он спустится в хладный ад, его будет приветствовать толпа врагов, отправленных им туда раньше, и радовался этому. Он сожалел лишь о том, что ему не удастся убить их всех и

удержать в себе то смертоносное
неистовство, что позволило одолеть
столь многих.

Шквал его ударов сокрушил еще двух
противников, но тут Рагнар понял, что
силы его на исходе. Эта битва спалила его,
как огонь пожирает дерево. Теперь он
былся почти бессознательно, полагаясь
только на интуицию. В его ударах уже не
было той разящей мощи, что совсем
недавно наполняла их. И внезапно Рагнар
столкнулся лицом к лицу с человеком,
который убьет его, — он почувствовал это.

Это был юноша, которого Рагнар
замечал раньше, — примерно его
возраста, круполобый, с огромной
выступающей челюстью. Он свирепо
улыбнулся, обнажив зубы, напотивавшие
жернова. В его глазах застыло выражение
кровавого безумия, которое — Рагнар
понял это — было равным его неистовству.
На мгновение они замерли, глядя в лицо
друг другу. Обоим стало ясно, что их свела
здесь судьба.

Стрибьорн взглядывался в выбранную

и жертву. Наконец-то он нашел ее. Он
отыскал этого юнца, который оставил за
собой такой след истребления. Он нашел
цель, которую давно себе выбрал,— того
самого парня, который, казалось, узнал
Узбирающего.

Он выглядел не особо примечательно,
еще один худощавый и широкоплечий
Грохочущий Кулак с необычной гривой
черных волос. Но Стрибьорн отнюдь не
собирался недооценивать противника. Он
сам видел, какой урон нанес этот юнец.
Что ж, здесь его путь закончится. Такова
судьба Стрибьорна: уничтожить этого
великого убийцу и таким образом
добиться одобрения богов. Эту встречу
предопределила судьба, он был уверен в
этом.

-- Я -- Стрибьорн, -- сказал
Беспощадный Череп. -- И я убью тебя.

-- Я -- Рагнар, -- ответил ему
Грохочущий Кулак. -- Попробуй.

Рагнар видел ненависть в глазах
противника. Он уловил его мерцающий
взгляд, который говорил о том, что

Стрибьорн сейчас ринется в атаку, и, когда враг сделал выпад, Рагнар отклонился назад.

Без сомнения, этот Беспощадный Череп был очень быстр. Рагнару с трудом удалось парировать его удар своим топором, не говоря уж о том, чтобы уйти с линии атаки. Стрибьорн тут же сбил Рагнара с ног ударом щита. Перед глазами Рагнара засверкали искры — такова была сила этого удара. Он свалился назад, на тропы, которые хлюпнули под его весом.

И тут же на него сверкающей дугой обрушился топор Беспощадного Черепана. Рагнар едва успел откатиться в сторону. Его обдало брызгами крови, когда топор вонзился в мертвое тело со звуком тясницкого секача, отрубаящего кусок говядины. Рагнар сильно ударил ногой, попытавшись сбить противника наземь, но тот подпрыгнул и вновь нанес удар. На сей раз Рагнару удалось отбить атаку своим левым топором, но он находился в неудобном положении, и сила столкновения оружия отбросила оба топора назад, ему в

грудь. Он вздрогнул от боли и почувствовал, как льется его кровь.

Стрибьорн занес топор для следующего удара. Разгар вновь перекатился через тропы и, вскочив на ноги, нырнул вперед как раз вовремя, чтобы избежать смертоносного лезвия. Но поднявшись, юноша оказался перед другим Беспощадным Черепом. Воин поднял свой топор для смертельного удара.

— Нет, оставь его! Он мой! — услышал Разгар из-за спины вопль давешнего противника.

Новый Беспощадный Череп застыл в изумлении, и юноша, воспользовавшись этой неразберихой, всадил лезвие ему прямо в ребра, а затем повернулся — как раз вовремя, чтобы отразить удар Стрибьорна. В этот раз сила столкновения была такова, что его левая рука не просто онемела. Он ощутил, как что-то хрустнуло в запястье и от локтя до плеча вспыхнула обжигающая боль. Топор вынул из его обессиленной левой руки. Толстые жестокие губы Стрибьорна искривились в ухмылке триумфа.

— Сейчас ты утреешь, Разнар Трохочущий Кулак, — прорычал он.

Разнар устехнулся в ответ и сделал вынаг оставшимся топором. Этот удар оказался быстрее, чем взмах Беспощадного Черена, и Стрибьорн не успел уклониться. Острый как бритва топор вспорол его лоб, стахнув здоровенный лоскут кожи. Кровь потекла в глаза Стрибьорну. Он затотал головой, чтобы стряхнуть ее.

Разнар отступил на шаг, чтобы полюбоваться своей работой. Он понимал, что, если проявит сейчас терпение, преимущество будет на его стороне. Кровь из раны скоро ослепит противника, и тогда можно будет неспешно покончить с ним.

Та же мысль, очевидно, пришла в голову и Стрибьорну. Беспощадный Черен издал рев животной ярости и рванулся вперед, как разъяренный зверь. Шквал его ударов ошеломил Разнара, но каким-то образом юноше удалось отступить, отделавшись несколькими царапинами. Но тут Разнар осознал, что это безнадежно: атака Стрибьорна оттесняла его назад в

огромный полукруг Беспощадных Черепов, каждый из которых с нетерпением ожидал возможности отомстить за смерть сородичей. Одновременно защититься от них и от Стрибьорна было невозможно.

Разнар тут же принял решение. Он обязательно заберет с собой во трак еще одного, последнего врага. Полностью раскрывшись, он напряг все свои силы для смертельного удара и с силой послал топор вперед. Он ощутил в этом ударе всю тяжесть смерти еще до того, как лезвие достигло цели. Он знал, что его противник обречен. Топор вонзился в грудь Стрибьорна. Хрустнули ребра, наружу полезли внутренности. Разнар почувствовал удовлетворение: он отомстил, — и тут его захлестнула волна чудовищной боли.

Ответным смертельным ударом Стрибьорн вознал свое оружие в грудную клетку Разнара, а затем со всех сторон налетели его сородичи, чтобы покончить с Трохочущим Кулаком. Раздираемый болью под градом ударов, Разнар рухнул во тьму, где, как он знал, его ждала смерть.

5. Избирающий навших

Разнар плыл по океану боли. Все тело горело. Боль раздирала его на части — прежде он и представить себе не мог, что такое возможно. Он был уверен, что такие мучения не предназначались ни одному смертному.

Значит, это ад. Совсем не такого он ожидал. Здесь не холодно, но из ощущений есть одна только боль. Где же другие — те, кого он убил? Почему их нет здесь, чтобы приветствовать его? Где судьи мертвых? Где его отец, мать и остальные сородичи?

Сквозь боль он ощутил ужасное разочарование. Его не выбрали. Он не проснулся за огромным пиршественным столом в Доме Героев высоко на Горе Вечности. Он не проявил себя достойным. Его не оценили. Эта мысль неприятно поразила его, а потом он уже ничего не осознавал.

Разнар вновь ощутил боль, но теперь она показалась более слабой. В ушах у него стоял странный шум: глухие удары и рев

могучего ветра. Постепенно до него дошло, что ухающие удары -- это стук его сердца, а ветер -- скрежет дыхания.

Затем тело будто обожгло раскаленным железом, каждая из бесчисленных ран вспыхнула безумным огнем. Ему хотелось кричать, но он не мог и рта раскрыть. Он был не в состоянии издать ни звука. Казалось, ему в кожу всаживали ледяные иглы, а раны зашивали нитью из расплавленного свинца.

Конечно же, ведь ад -- это место мучений, подумал Разнар.

Чернота. Тишина.

Теперь было холодно. Его окружал лед, сжимая своей стылой хваткой. А вот это больше похоже на то, чего он ожидал. Об этом рассказывали скальды и старые песни. Это место вечного холода, где скитаются потерянные души, пока не потускнеет и не исчезнет все, что они помнили, и тогда их видов поглотит изначальная материя Вселенной.

«Но где же остальные неприкаянные мертвецы? -- подумал он. -- Почему их не видно?»

Ответов не было.

Его носило в бескрайней необъятности целую вечность, пока сознание опять не покинуло тело.

Ему становилось теплее. Теперь тело постоянно трясло. Боль и жар казались неразличимыми. Его укутали то ли в мантию, то ли в саван. Казалось, он дрожал и одновременно ощущал страшную усталость. Все члены болели. Рагнар чувствовал себя так, словно его дух проделал большой путь и теперь совершенно лишился сил.

Однако он все еще осознавал себя. Каким-то образом существование все же продолжалось в уединенной пустоте, где он теперь пребывал. Он осознавал лишь боль, но воспоминания остались при нем, и Рагнар отдавал себе в этом отчет. За это можно было зацепиться.

Не успел он принять такое решение, как ножи вновь принялись кроить его плоть, и он вновь рухнул в долгую тьму забвения.

На него давило что-то огромное и тяжелое как гора. Рагнар задыхался.

Впервые ему не хватало воздуха. Он чувствовал свои конечности, но они казались слишком тяжелыми, чтобы двигать ими. Он ощущал веки, но не мог их поднять. Ему показалось, что где-то очень далеко кто-то звал его по имени.

«Это мертвые?» — спросил он себя, уже понимая, что нет.

Он приложил все усилия, чтобы вновь не потерять сознания. А затем попытался открыть глаза. Это было похоже на борьбу с непосильным весом. Теперь он понимал, как чувствовал себя Рүсс, противостоя чудовищной силе Элеи Срединного Мира. Казалось, что эта задача ему не по силам, но он не мог позволить себе сдаться.

Разгар сосредоточил всю свою силу воли на том, чтобы открыть глаза. Они сопротивлялись так же упорно, как могильная земля сопротивляется усилиям мертвеца. Но он не прекращал усилий, не желая сдаться. Он заставил себя продолжать борьбу.

Боль еще раз пронзила все его конечности, но он не позволил ей сбить себя с толку. Это что еще катится по

лбу? Он не знал, потому что не мог поднять руку, чтобы вытереть его. А ведь подобное движение должно быть пустяком для человека, сражавшегося в такой колоссальной битве! Увы, теперь это была самой трудной задачей из всех, что ему когда-либо приходилось выполнять.

Он заставил себя подумать об отце, матери и друзьях. Если б только открыть глаза, то он сможет взглянуть на них еще раз. Он сможет посмотреть на землю мертвых. Эта мысль страшила, но что еще оставалось делать? Теперь он здесь. Рано или поздно каждому придется столкнуться с этим, но Рагнар не трус. Он знал себя достаточно хорошо, чтобы понимать: это правда.

Почему тогда он упирается? Откуда этот незнакомый страх внизу живота? Боится ли он смотреть на неизвестное или страшится еще раз взглянуть на тех, кого любил, услышать их голоса?

Он заставил себя продолжить усилия и был вознагражден коротким проблеском света.

А затем темнота внезапно оказалась

раскола вспышкой голубого и белого сияния. Он ожидал вовсе не этого. Сбрав все силы, Рагнар постарался полностью открыть глаза -- и постепенно до него дошло, что он смотрит в небо, в точности такое же, как небо Фенриса. Поистине загробный мир оказался вовсе не таким, каким его представляли. Рагнар почувствовал себя несколько обманутым.

Виг неба словно послужил сигналом, и в мозг хлынули другие ощущения. Он почувствовал запах земли, услышал пение птиц, звук далеких волн, бьющихся о берег. Затем возник горький аромат непла, запах дыма и горько-сладкое зловоние человеческой плоти на погребальном костре.

Под ним было что-то мягкое. Он почувствовал, как под его пальцами стискивается трава, они входят в мягкую влажную землю. Он ощутил боль и странную бесчувственность, которая отдаляла его от этой боли -- как пивот отделяет пирующего от мира. Но это ощущение было тысячекратно сильнее алкогольного.

В поле его зрения показалась огромная седая голова. Холодные синие глаза, сверкавшие, подобно осколкам небосвода, смотрели в его глаза. Он узнал это старое, покрытое морщинами лицо. Оно принадлежало Ранеку, Волчьему Жрецу -- Избирающему Павших.

-- Утак, ты последовал за мной сюда, -- хотел сказать Рагнар, но слова прозвучали нераспознаваемым бульканьем.

-- Не пытайся ничего говорить, парень, -- сказал Ранек. -- Ты проделал долгий путь. Это огромное путешествие из страны мертвых назад, в страну Живых, и немногим дается возможность совершить его. Побереги силы. Они тебе понадобятся.

Он что-то произнес на языке, которого Рагнар не знал, обращаясь к кому-то, находившемуся вне поля его зрения. Юноша ощутил боль, вонзившуюся в его руку, а затем нечто холодное, как талая вода с ледника, потекло по его жилам, и сознание вновь покинуло измученное тело.

Он очнулся внезапно и на этот раз

сразу ощутил на лице солнце, а на щеках — ласковые прикосновения ветра. Теперь Рагнар чувствовал себя хорошо отдохнувшим. Боль была несильной. Он попытался сесть. Это потребовало колоссальных усилий, но ему это удалось. Он увидел, что обнажен. Инстинктивно он поднял пальцы, чтобы потрогать место на груди, куда Стрибьорн всадил ему топор. К его удивлению, там обнаружился лишь легкий след шрама, хотя нежная поверхность кожи болела от прикосновений.

Опустив взгляд, Рагнар увидел свежий розовый шрам и желтоватое пятно, похожее на старый синяк. На груди были и другие шрамы и синяки, а на спине, вне всяких сомнений, их было еще больше.

«Что это здесь происходит?» — подумал он. Повернув голову, Рагнар увидел, что лежит неподалеку от большого небесного корабля. Оглядевшись по сторонам, он увидел остатки сожженной деревни. Странно: загробный мир разительно походил на мир реальный. Лишь кое-что было не вполне верно. Там,

где должна была находиться деревянная
Грохочущих Кулаков, торчали огни
развалины. Крыша рухнувшего глиняного
дома еще дымилась. Дальше по берегу
горели погребальные костры.

Живых женщин и детей группами
загоняли на корабли, качавшиеся в волнах.

Постепенно до Рагнара дошло, что,
может быть, он пребывает в мире живых.
Он вспомнил великую битву с
Беспощадными Черепами и костры,
которые тогда полыхали. Его родная
деревня после такого сражения выглядела
бы именно так, он уверен в этом.

Ули, быть может, это какой-то
новый и неизвестный ад, вызванный
демонами лишь в его воображении.
Возможно, они захотели показать ему
последствия поражения Грохочущих
Кулаков. Несомненно, зрелище,
представшее его глазам, было для этого
достаточно скорбным.

За его спиной по песку захрустели
тяжелые шаги. Рагнар обернулся и увидел
Ранека. Старый Волчий Жрец изучал его
понимающим взглядом.

— Ты вновь среди живых, парень, — произнес он. Это не было вопросом.

— Правда? Так вы не из числа Избирающих Навших?

Рокочущий стех старика эхом отдался в валунах. Несколько человек вдалеке, будто удивившись, повернулись к нему.

— Всегда вопросы? Ты не слишком-то изменился, мальчик.

— Я не мальчик. Я добился одержаний муччины много дней назад.

— Что ж, ты отличился на поле брани, должен это тебе сказать. Ты боец, парень. Я не видел такой бойни со времен Берека, а это было... достаточно давно. .

— Так, значит, вы — Избирающий?

— Да, парень. Но не в том смысле, что ты думаешь.

— А в каком тогда смысле? Вы либо из них, либо нет.

— Однажды, если выживешь, ты поймешь. Вселенная не столь проста, как ты полагаешь. Ты выяснишь это довольно скоро.

— Если выживу? — Разгар с изумлением посмотрел туда, где на груди у него должны были зиять раны. Несомненно...

— Несомненно, ты уже был мертвым? Ты это хотел сказать? Да. Ты умер или почти умер. Сердце твое остановилось, ты потерял много крови. Тело тоже пострадало, но не слишком. Наш целитель добрался до тебя прежде, чем наступила смерть мозга, а излечить твои раны было в пределах возможностей нашей... магии.

Разгар был уверен, что перед словом «магия» Ранек произнес какое-то другое слово, но никогда прежде не слышал его, и для него оно казалось бессмысленным. Хотя что еще ожидать от чародея? Они должны говорить загадками. Тем не менее эти слова дали Разгару надежду.

— Вы можете возвращать мертвых? Тогда мой отец...

— Твоему отцу, парень, мы ничем не можем помочь, — сказал Ранек, сделав жест в сторону погребальных костров.

— Почему вы не помогли ему тогда, когда помогли мне? Вы могли бы это

сделать. -- Разнар ұстыгылса того, что
от горя его голос срывался.

-- Он не проявил себя достойным ни
нашей помощи, ни нашего интереса. А ты --
другое дело. Ты избран, парень.

-- Избран для чего?

-- Скоро узнаешь, если такова твоя
судьба.

-- Ты постоянно повторяешь эти
слова.

-- Повторяю потому, что это правда.

Улыбнувшись знакомой Разнару
тревожащей улыбкой, старик показал свои
клыки:

-- Теперь ты связан с Волками. Душой
и телом ты принадлежишь Волкам.

Разнар поднялся на ноги, слабые, как
у новорожденного ребенка. Сделав несколько
нетвердых шагов, он обнаружил, что
сильно шатается. В следующий момент
юноша потерял равновесие, и земля
бросилась ему навстречу, болезненно
ударив по лицу и рукам.

Это не остановило его.
Оттолкнувшись от земли обеими руками,
Разнар вновь поднялся на ноги. На этом

раз ему удалось сделать на несколько шагов больше, а начав было падать, он смог даже удержать равновесие. Его тошнило. В желудке бурлило. Он чувствовал себя ужасно, но в то же время ощущал колоссальное облегчение.

Он не мертв. Он среди живых. Какими бы неопостижимыми соображениями ни руководствовались Ранек и его товарищи, они каким-то образом выбрали именно его. Хотя это и не походило на все истории о героях, которые он слышал с детства, но все ж он был избран.

Они, конечно, могущественные маги. Они излечили его раны. Они вернули его из мертвых. Или нет? Не было ли это подлым колдовством, каким, по слухам, занимались морские демоны? Быть может, они овладели его душой и соединили с его трупом посредством темной магии? Не начнет ли вскоре его тело гнить и разлагаться?

Юноша обернулся и встретился взглядом с Волчьим Жрецом.

— Я мертв? — спросил Рангар. Это

был безутный вопрос, он понимал это. Но Ранек, казалось, смотрел на него с пониманием, возможно, даже с сочувствием.

-- Для людей -- да, парень. Ты -- среди убитых. Ты уедешь отсюда, чтобы никогда не возвращаться. Твоя судьба теперь -- где-то в других местах, среди бесконечных льдов и, быть может, среди звезд...

Разнару показалось, что он увидел Ану, которую заводили на один из кораблей. Внезапно он понял, что обязательно должен добратся до нее. Он двинулся к берегу, шатаясь, словно пьяный. Молоша ожидал, что Ранек попытается остановить его, но Волчий Жрец позволил ему идти.

Разнар не представлял, сколько времени он добирался до берега, но когда оказался там, дышал так тяжело, будто пробежал по песку миль двадцать. Воины Беспощадных Черепов повернулись и смотрели на него. На их лицах были написаны изумление и ужас. Все как один они сотворили Руссова знамение и продолжали подниматься на борт

кораблей.

Разнар попытался следовать за ними, но упал под ударом волны. Вода скрыла его голову и полилась в легкие. Он поднялся на ноги и стал отфыркиваться. Затем юноша попытался продолжить движение, но тут на его плечо легла могучая рука. Он быстро повернулся и сдвинул кулаком. Руку пронзила боль — казалось, что он сломал пальцы.

— Кералит не поддается нагой плоти, парень, — сказал Ранек, легко, будто щенка, поднимая юношу из воды. — Ты только разобьешь руки, если будешь продолжать это.

На кораблях застучали барабаны, весла с плеском опустились в воду, и суда стали удаляться от берега.

— Куда они направляются?

— Они возвращаются домой с новыми рабами, парень. Теперь они не станут здесь жить. Они считают, что после этой битвы остров будет населен призраками. Думаю, что твое кажущееся воскрешение лишь подкрепит эту точку зрения. Вскоре это станет священным местом. Я в этом

не сомневаюсь.

— А потом они забудут. Люди всегда забывают.

Разнар смотрел, как корабли рассекают волны, и думал, не Ана ли та маленькая фигурка, которая, казалось, машет ему с борта. Этого сейчас не узнать, и он усомнился, что ему вообще удастся когда-либо это выяснить.

Ранек опустил его на берег, и Разнар отчаянно затахал рукой в ответ, попутно размышляя над тем, что это за соленая жидкость у него в глазах — слезы или же просто морские брызги?

Разнар ковылял назад, к холму, на котором лежал небесный корабль. Он старался запомнить деревню, ибо поверил Ранеку, когда тот сказал, что юноша никогда сюда больше не вернется.

Он прошел мимо обогранной хижины, что была когда-то жилищем Улли, мимо рухнувшего глиняного дома. Улли мертв, Разнар знал это. Он, должно быть, погиб вместе со своим отцом в сражении и не был избран. Казалось невероятным, что он никогда больше не увидит Улли, но это

менно так. Друзь, с которым он играл все детство, ушел. Все они ушли.

Разнар вспомнил, как они играли здесь в пятнашки, в мяч и в сразись-с-чужовищем. Прислушиваясь, он, казалось, слышал призрачные голоса играющих детей, но, конечно же, это было бессмыслицей. Все теперь осталось в прошлом, ушло, чтобы никогда не вернуться. Все было холодным, как пепел сожженной дотла хижины.

Разнар прошел то место, где пал его отец, и выбросил из головы эту мысль. Для этого придет время потом. Сейчас ему просто не справиться с ней — она слишком велика для него. Он был уверен, что если даже позволить этой мысли просто прикоснуться к его разуму, то его поглотят ярость и гнев.

Юноша сознательно избегал того места, где стояла хижина отца — единственный дом, с которым он был знаком, не считая палубы «Коня Рюсса». Выйдя на окраину деревни, он понял, что этот поход через руины был ошибкой. Этот кошмар слишком надолго останется

в его памяти. Разгару страстно захотелось поскорей убраться отсюда. Из всех сил он побежал к небесному кораблю Избирающих. Приблизившись к кораблю, Разгар заметил лежащее на земле тело. Оно покоилось на металлических носилках и было буквально узнано прозрачными трубками. Эти трубки соединялись с металлическим устройством, которое сидело, подобно большому паук, на груди лежащего. В трубках журчала жидкость, а на устройстве пульсировали странные руны разных цветов — красного и зеленого.

Подобравшись ближе, Разгар увидел, что это Стриборн, тот Беспощадный Череп, с которым он сражался. Казалось, что Избирающие применили свою магию также и к нему, и постепенно до Разгара дошло, что это могло означать лишь одно: что Стриборн тоже избран. Разгар преисполнился ненависти и холодной ярости.

Враг, которого убил Разгар, избежал своей судьбы. Представив себе, как этот Беспощадный Череп перебил его сородичей, вспомнив ненависть на его лице в начале

их схватки, Рагнар подумал: а не
стеются ли над ним боги, пощадив его
врага так же, как пощадили его?

Не задумываясь, он нагнулся и
подобрал большой камень. Он собирался
выбить Стрибьорну мозги, а затем
расколотить странное мистическое
устройство, прильнувшее к его груди.
Рагнар не знал, сработает ли это.
Возможно, Избирающие смогут вновь
поднять его из мертвых. Быть может, их
магия настолько могущественна, что они
сумеют воскресить человека во второй
раз. Рагнар не имел об этом никакого
представления. Он вплотную приблизился
к лежащему телу Стрибьорна,
исполненный решимости убить его.

Юноша посмотрел сверху вниз на
натеченную жертву. Стрибьорн выглядел
свиренным даже во сне. Огромная челюсть и
нависший лоб делали его похожим на
первобытного дикаря. Поднимая камень,
Рагнар ощутил жуткую радость. В этот
миг ему было все равно, что могут
подумать Избирающие. Ему было
безразлично даже то, что сейчас он,

возможно, бросал вызов воле богов. Он думал только о мести. И он отомстит сейчас.

Разнара наполнило ликование, когда его рука с камнем обрушилась вниз. Он ослабился в ожидании того мгновения, когда камень ударит по голове Стрибьорна и расколется его череп. Но этого не произошло. Стальные пальцы обхватили его кисть, остановив удар. Попытки Разнара пошевелить рукой были так же тщетны, как если бы он пытался поднять гору.

— О Русс, да ты свирепый парень, — прозвучал голос Ранека. — Прямо-таки прирожденный убийца. И все же этот — не для тебя. Он также избран, и не тебе его убивать.

— Я увижу, как он умрет, — сказал Разнар, в его голосе звучала абсолютная убежденность.

— Там, куда ты направляешься, парень, ты действительно сложаешь это сделать. С другой стороны, существует такая же вероятность, что он увидит твой конец.

-- Что это значит?

-- Скоро узнаешь. А теперь иди! Забирайся в «Гротовой Ястреб»! -- Старик указал в сторону небесного корабля. Исполненный тревоги, Рагнар забрался внутрь.

Интерьер небесного корабля поразила его: ничего подобного юноша и представить себе не мог. Полы -- металлические, стены -- тоже, за исключением маленьких круглых прозрачных окошек, которые позволяли выглянуть наружу. Кресло, к которому его привязали, было изготовлено из какой-то странной, пахнущей плесенью кожи. Неизвестные руны мерцали на панелях возле его головы. Странный рев заставлял содрогаться судно, готовящееся к полету.

Рагнар поерзал в кресле. В новом одеянии, которое дал ему Волчий Жрец, он чувствовал себя странно. Оно было цельным, серого цвета и прилегало к телу, будто вторая кожа. Над сердцем был рисунок волчьей головы -- знак Рюсса. Одеяние покрывало все тело, кроме головы. Оно было сделано из ткани, какой Рагнар

никогда не видел. Она растягивалась, облекая его, и в то же время была легкой и не пропускала воздух, да к тому же еще и согревала. Рагнару казалось, что в ней он смог бы перенести снежную бурю, не заметив холода, хотя ткань была не толще, чем оболочка телячьей кишки.

Внезапно судно тряхнуло. Шум стал оглушительным, юношу вдавило в кресло. Глянув в окно, он на короткий миг ощутил тошноту, когда земля под кораблем резко углубилась. Это было так непривычно наблюдать, как остров падает вниз, когда корабль вырвался из тисков тяжести и прыгнул в небо.

Все внизу уменьшалось на глазах. Рагнар разглядел деревню, лежащую внизу, словно детская игрушка.

Постепенно набрав высоту, корабль изменил направление движения.

Взглянув еще раз на внутреннюю обстановку летящего судна, юноша заметил, что палуба накренилась. Посмотрев в окно, он увидел, что теперь они летели вперед, продолжая набирать высоту, а его родной остров исчезал вдаль.

Внизу, в море, он взглядел флот
Беспощадных Черепов, рассекающий волны,
и еще раз подумал о знакомых ему людях,
которые плывут на этих кораблях.

Затем вокруг небесного корабля
сгустилась серая тгла, и судно затряслось.
Страх вонзил свои когти в Рагнара, когда
он подумал: не демоны ли ветра
собираются утащить их? Или, быть
может, ити овладела какая-то злая сила?
Затем до него дошло, что они проходят
через облака.

Не успел он осознать это, как
воздушный корабль вынырнул в яркий
солнечный свет, и тряска прекратилась.
Рагнар видел под собой бесконечный белый
океан, в котором иногда попадались синие
островки. Он понял, что смотрит на
верхушки облаков — зрелище, которое
видели не многие смертные! На
мгновение его захлестнули изумление и
чувство благодарности.

Небесный корабль продолжал
подниматься. Рагнар все еще вжимало в
кресло. Будто огромный кулак давил на
него, угрожая расплющить. Он взглядел на

остальных и увидел, что щеки Ранека
оттопырены, словно их оттягивают назад
невидимые пальцы. Что это за новое
волшебство, подумал он, слишком
изумленный, чтобы пугаться. Чем бы это
ни было, старик не выглядел
обеспокоенным, он лишь ослабился и
показал Рагнару поднятые вверх большие
пальцы.

Рагнар глянул в окно: снаружи стало
темно, появились звезды. Над кораблем
висела исполинская полусфера -- такая
большая, что занимала большую часть
видимого пространства. В основном она
была синей и белой, но тут и там на ней
были видны пятнистые зеленые узоры.
Рагнару пришло в голову, что, возможно,
он смотрит вниз на шар планеты, и что
синий -- это море, белый -- облака, а
зеленый -- земля.

Внезапно тело юноши перестало
испытывать давящую вниз тяжесть, и он
почувствовал, что стал подниматься над
креслом. Казалось, его удерживают только
ремни. Рагнару показалось, будто он на
мгновение лишился веса; это было

странное и не лишённое приятности
ощущение. Шум корабля прекратился, и
воцарилась жуткая, почти оглушающая
тишина

Неожиданно вес вернулся. Нос
летающего корабля накренился вперёд, и
сфера планеты стала расти, пока не
заняла все поле зрения.

Корабль вновь затрясся. Выглянув в
окно, Рагнар увидел, что концы крыльев
засветились вишнево-красным, как угли в
пламени. Его охватил страх. Неужели
магические языки пламени поглотят
сейчас весь корабль? Не разгневались ли
небесные демоны? Он рискнул бросить
взгляд на Ранека. Глаза Волчьего Жреца
были закрыты, он выглядел совершенно
спокойным. Рагнар долго пытался вернуть
себе самообладание и в конце концов
просто решил не тревожиться ни о чём.
Возможно, сияющие крылья были просто
частью волшебства, которое держало
судно в воздухе. Все это стояло выше его
понимания. Но Ранек вовсе не выглядел
обеспокоенным, и, поскольку никто другой
тоже не проявлял озабоченности, Рагнар

решил не волноваться.

Шли долгие минуты, а небесное судно по-прежнему содрогалось. Это странным образом наполнило Рагнару спуск с горы на санях в разгар зимы. Затем корабль взревел еще раз. Невольно возникло ощущение, что его гвигает вперед колоссальная энергия. Но мере того, как корабль стал уменьшать скорость, Рагнара снова вдавило в кресло.

Звезды исчезли. Небо опять меняло цвет: из глубоко черного оно стало темным, затем темно-синим и, наконец, голубым. Их встретили облака, и они опять прошли сквозь туманную пустоту. Корабль внезапно накренился, словно лодка, понававшая на боковую волну, затем он выровнялся, и тут Рагнар снова увидел внизу землю.

Она была огромной: неровный ландшафт, скалы и горы, пятна снега. Линия горизонта казалась очень далекой. С горных вершин спускались колоссальные ледники, нигде не было видно никаких признаков жизни. Все казалось мертвым и враждебным, как поверхность луны.

Небесный корабль неся на гнетущей
бесконечной необъятностью, не похожей ни
на что, виденное им раньше.

-- Асахейл, -- проговорил Ранек.

«Земля богов, -- подумал Рагнар. --

Что ожидает меня здесь?"

6. Избранные

-- Все вы избраны,-- сказал Ранек, глядя со Скалы Оратора вниз на вновь прибывших. Чудовищная каменная глыба торчала как клык, часть ее верхушки была стесана, так что образовалась площадка. Передняя часть скалы, обращенная к собравшимся, тоже была обработана резцом и напонила голову рычащего волка. -- У теперь все вы думаете: зачем?

Глядя на далекие горы за Ранеком, Рагнар вздрогнул. Да, он думал об этом. Он посмотрел на остальных. По выражению их лиц он мог заключить, что все они думали об одном и том же. Их взгляды, устремленные на старого Волчьего Жреца, горели почти фанатическим огнем.

Потому Рагнара здесь было человек сорок. Как только стало светать, их собрали на плоской площадке на окраине деревни, чтобы они послушали Волчьего Жреца. Все они были в таких же странных одеяниях, какое было на Рагнаре,

на лицах и руках многих имелись синяки и шрамы. Юноша понял, что они прошли такое же лечение, как и он, и вновь вздрогнул. Воздух был холодным, из рта шел пар. Здесь, в горах, даже свет был каким-то особенным. Все казалось ярче, а воздух был неестественно разреженным и чистым. Юноше казалось, что он видит тут гораздо дальше, чем раньше на островах.

— Все вы выбраны мной или таким же Волчьим Жрецом, как я, потому что мы узрели вероятность того, что вы можете оказаться достойными присоединиться к нам. Я подчеркиваю слово «можете».

Но, во-первых, для этого вам придется от многого отучиться. Вам говорили, что вы должны умереть, чтобы присоединиться к героям Рүсса в их глинном доме. Для некоторых из вас это оказалось верным. Вы были мертвы, и мы вернули вас назад с помощью нашей магии. Других привезли сюда, пока они были еще живы. В этом нет никакой разницы. Знайте одно — никакой второй возможности у вас уже не будет. Если вы

умрете здесь, то вы умрете навсегда. Ваша душа отправится в загробный мир и присоединится к предкам. И знайте другое: если вы умрете здесь, это случится потому, что вы оказались недостойны быть среди героев.

Здесь, в этом месте, вам предоставляется возможность доказать, что вы достойны величайших героев нашего мира. У вас будет шанс показать, что вы подходите для того, чтобы находиться среди избранных Русса, присоединиться к отрядам Волков.

Пока еще вы не в состоянии понять, сколь велика эта честь и какую ответственность это может повлечь за собой однажды. Сейчас вам придется удовлетвориться моим словом. Вас предупреждают не о пустяках. Стать героем — отнюдь не простая задача. В будущем этот путь может привести вас в кошмарный трак, столкнута с самыми страшными противниками и в таких местах, которые вы пока себе и представить не можете.

Вас могут призвать, чтобы вы

встали между человечеством и его
злейшими врагами, вступили в схватку с
чудовищами, каких не в силах описать
легенда. Может статься, что вы
встанете рядом с самим Руссом в те
последние дни, когда силы зла поднимутся,
чтобы уничтожить все сущее. Все это
может произойти -- если вы докажете,
что достойны.

Мы предлагаем вам судьбу героев. У
награда за это отнюдь не безделушка.
Если вы преуспеете на этом пути, то
получите жизнь гораздо более длинную,
чем у обычного смертного, вам будет
дарована сила, равная силе полубогов из
легенд. Вы отправитесь к дальним
звездам и сразитесь в битвах, которые
станут испытанием для самого
отважного воина. У вас будет возможность
завоевать честь, славу и уважение со
стороны тех, чье уважение чего-то стоит.

Если проявите себя -- вас ждут
могущество, почет и бессмертие. Если
нет -- бесконечная смерть. Эти два пути
перед вами. С этого дня, с этой минуты
других дорог у вас нет. Вы либо победите,

либо утрате. Вы меня понимаете?

Разнар посмотрел на Волчьего Жреца. Сейчас в нем не было ни дружелюбия, ни сострадания. Это был тот чародей, которого он впервые встретил на борту «Коня Рюсса», целую жизнь назад. Старик стал огромным, он был облачен в необычайную мантию, облик его внушал безотчетное почтение. Его слова, исполненные убедительности речей пророка, глубоко врезались в сознание Разнара. Они одновременно и устрашали, и вдохновляли. Несмотря на то что юноша не понял многого из услышанного, он почувствовал значительность, которую Волчий Жрец вкладывал в свои слова, и это делало их важными для Разнара.

— Вы меня понимаете? — повторил старик.

— Да, — прозвучал дружный ответ пары десятков голосов.

— Хорошо. Теперь вы — кандидаты в Орден Костических Волков. Когда вы поймете, что это означает, то осознаете, сколь великая честь вам выпала. Сейчас я познакомлю вас с Законом. Этот человек

обучит вас тому, что вам нужно знать, и
решит, достойны вы жить или умереть.
Прислушивайтесь к его словам
внимательно, ибо они означают для вас
теперь жизнь или смерть.

Волчий Жрец указал на
новоприбывшего, который поднялся на
площадку и окинул присутствующих
взглядом ярких волчьих глаз. На лице его
изграла презрительная усмешка. Ранек
пристально рассматривал это лицо. Оно
было узким и почти изможденным. Туго-
натянутую кожу покрывало множество
шрамов, которые делали щеки похожими
на лоскутное одеяло. Седые волосы
человека были стянуты в глинный конский
хвост. В его лице сразу обращали на себя
внимание огромные глаза, здоровенный нос,
стахивающий на клинок, и тонкие
жесткие губы. Он походил на хищника в
человеческом обличье и сейчас смотрел на
собравшихся молодых-людей как волк на
стаго баранов. В его холодном взгляде не
было ничего обнадеживающего.

Завершив свое напутствие, Ранек
спрыгнул с площадки без дальнейших

формальностей и зашагал в деревню. Рагнар ответил, что Хакон не стал подниматься на скалу. Вместо этого он встал перед камнем-клыком. Огромная голова каменного волка высилась за его плечами, и непросто было сказать, кто выглядит более свирепым: высеченное изображение или человек.

— Добро пожаловать в Рүссвик, ценки! Сомневаюсь, что вы здесь выживете. Как вы слышали, я — Хакон. Я — сержант Хакон. Это мое звание. Вы будете им пользоваться. Или, клянусь Рүссом, я поотрываю вам конечности, как талыш, тучающий туху.

Рагнар взглянул на говорившего и с трудом подавил вспыхнувшую ненависть. Сержант Хакон поистине устрашал своим видом, но в этот миг Рагнар не чувствовал к нему ничего, кроме отвращения.

Хакон был высок и силен. Как и Ранек, он значительно превышал ростом и шириной плеч обычного человека — даже и без сияющих доспехов, которые сейчас облегали его тело. Как и у Ранека, во рту

у него торчали устрашающие клыки, хорошо заметные, когда он улыбался, -- а он делал это частенько, и усмешка его была жестокой. Как и Ранек, сержант носил множество маленьких талисманов, явно обладающих магическими свойствами. У него имелся огромный меч с зубчатыми краями -- таинственное оружие, совсем непохожее на то, которым Ранек уничтожил дракона. Имелось у Хакона и всякое иное снаряжение. Ни его оружие, ни амулеты не выглядели так богато, как у Волчьего Жреца, но они были похожи и явно вышли из той же кузницы.

«Интересно, где ты сейчас находишься?» -- подумал Рагнар. Оглядываясь по сторонам, он не замечал никаких признаков литейных или кузниц. Здесь имелся лишь маленький укрепленный лагерь со строениями из дерева и камня, так не похожими на хижины его родной деревни. Точнее, места, которое когда-то было его родиной, поправил себя юноша. Теперь у него нет дома, куда можно вернуться.

-- Вы можете думать, что избранны

богатами. Но это не так! Вас отобрали, чтобы вы попытались доказать, что достойны быть среди Избранных. Глядя на всех вас, жалких свиней, я сомневаюсь, что кто-либо из вас сможет сделать это. Думаю, что Волчьи Жрецы ошиблись, прислав мне этот помет тупых, бесполезных и хилых поросят. А вы что думаете по этому поводу?

Глупца, чтобы ответить на это, не нашлось. Голос Хакона был грубым и гортанным. В его тоне звучали издевка и унижение. В деревне Грохочущих Кулаков за это вызвали бы на поединок. Здесь же он мог говорить, что ему хотелось. Несмотря на отвлечение, которое испытывал Рагнар, он сомневался, что кто-нибудь из новичков сумеет противостоять Хакону. Сержант был вооружен, а они — нет, и это даже не считая магии, которую он тоже мог использовать.

— Ни у кого из вас нет мужества, да? — произнес Хакон. — Вы все бесхребетные трусы, как я и полагал. Среди вас нет ни одного мужчины.

-- Ты вооружен, а мы -- нет, -- прозвучал голос, который, к удивлению Рагнара, принадлежал Стрибьорну. Он был поражен, что Беспощадный Череп остелился заговорить, когда остальные столчали.

-- Как тебя зовут, мальчик?

-- Стрибьорн Беспощадный Череп, и я не мальчик. Я прошел ритуал посвящения в тужчины.-- Толстые, жестокие губы Стрибьорна изогнулись в злобной устешке. В его холодных глазах полыхал гнев.

-- Больше смахивает на Стрибьорна Непрошибаемый Череп. Ты что, настолько туп?

-- Нет! -- Стрибьорн сделал шаг вперед, кулаки его были сжаты. Собравшиеся кандидаты, как один, резко втянули воздух. Никто не мог поверить в безрассудство Беспощадного Череп.

-- Тогда почему ты думаешь, что мне понадобится оружие для такого дерзкого щенка, как ты?

-- А тебе не понадобится? Да, стоя там в доспехах и с клинком, ты крут. Возможно, без них крутизны поубавится.

Сержант улыбнулся, будто надеялся, что кто-нибудь скажет нечто подобное. Он зашагал вперед, пока не навис над Стрибьорном. Беспощадный Череп высок и силен, но Хакон оказался гораздо выше и массивнее. Улыбка обнажила его жуткие клыки. Рагнара охватили противоречивые чувства. Казалось, Беспощадный Череп совершил ужасную ошибку и Хакон может убить его. Рагнар не имел ничего против смерти Стрибьорна, но вот то, что его убьет не он, Грохочущему Кулаку не нравилось. Тем не менее в этот миг он ничего не мог пожелать.

Сержант вытащил меч из ножен и высоко поднял его. Стрибьорн даже не вздрогнул. Рагнар вынужден был признать, что Беспощадный Череп отважен, пусть даже и глуповат. Хакон всадил меч в землю перед Стрибьорном. Клинок торчал там, согroгаясь, и Рагнар разглядел это странное и сложное на вид оружие. По его краям размещались зубчатые лезвия, а в рукояти явно заключался сложный механизм.

— Подбери его, мальчик, — изрек

сержант. -- Используй его -- если сможешь.

Ты будешь вооружен, а я -- нет.

Какое-то мгновение Стрибьорн смотрел на Хакона. Казалось, он смущен и несколько удивлен. Затем в его глазах вспыхнули кровожадные огоньки, а толстые губы искривила жестокая ухмылка. Вытянув руку, он схватился за увесистую рукоять и потянул оружие из земли, явно предполагая поднять меч так же непринужденно, как сержант. Ничего подобного. Меч просто не двинулся с места. Стрибьорн схватился за него обеими руками. Его бицепсы и мышцы шеи вздулись, как натянутые канаты, лицо покраснело. В конце концов с невероятными усилиями он вытащил оружие из земли.

-- Слишком тяжел для тебя? -- презрительно усмехнулся Хакон. -- Быть может, тебе хотелось бы чего-нибудь полегче? У меня тут есть нож.

С бессвязным яростным ревом Стрибьорн бросился вперед, опуская меч по дуге вниз к незащищенной голове сержанта. С учетом веса самого оружия,

силы и скорости Стрибьорна у Хакона не было шансов выжить, если меч придет в соприкосновение с его головой. И казалось, это вот-вот произойдет. Меч со свистом описал дугу, а сержант не сделал никакой попытки ни отклониться, ни убрать голову в сторону. Но когда уже казалось, что его череп будет сокрушен, Хакон внезапно не оказался на прежнем месте. Он просто сделал шаг назад, и клинок просвистел там, где он был мгновение назад.

— Ты пользуешься клинком как женщина, малыш. Ты не смог бы и лучины так легко наколоть. Работай усерднее!

Стрибьорн взревел и рубанул мечом на уровне пояса. Его лицо было красным и искаженным от ярости. Беспощадный. Череп явно не выносил напастей. Разгневанный, он отложил этот факт в памяти на будущее — до того неизбежного дня, когда он получит возможность отомстить.

Хакон вновь ожидал до последнего мгновения, а затем просто подпрыгнул, убрав ноги. Клинок пронесся под ним. Сержант легко приземлился, а Стрибьорн чуть не упал от своего выпада.

- Ты неповоротлив, малыш. Я дам тебе последний шанс, если у тебя хватит мужества ит воспользоваться. Но предупреждаю, он тебе выйдет боком, если потерпишь неудачу.

На сей раз Стрибьорн целил высоко, нанося удар сбоку в голову сержанта. Хакон резко наклонился, позволив неуклюжему удару пройти над ним. Мгновение он стоял, неприятно улыбаясь, а затем ударил сам. Разгар был психологически готов к этому движению, но оно оказалось неувловимым даже для него. Сержант нанес удар кулаком, который соприкоснулся с челюстью Стрибьорна с противным чмоканьем. Беспощадный Череп рухнул назад, лишившись сознания еще до того, как приложился головой к земле. Оружие выпало из его рук. Хакон без заметного усилия подхватил падающий меч в воздухе одной рукой и удержал его на весу.

Он прикоснулся к выступу на рукояти, и с оружием произошло странное превращение. Зубцы по краям лезвия пришли в движение, быстро набрав такую скорость, что стали невидимыми. Все

новички в смятении наблюдали, как Хакон водит мечом в воздухе, ожидая, что произойдет дальше. Он что, собирается обезглавить Стрибьорна и сделать из его головы трофей? Это казалось весьма вероятным.

Грязь, прилипшая к мечу, когда его вогнали в землю, теперь брызнула во все стороны. Через несколько мгновений Хакон вновь прикоснулся к тому же выступу, и зубья с жутким скрипом остановились. Сержант привередливо осмотрел их, явно желая удостовериться в том, что они чисты, прежде чем вернуть меч в ножны. Затем он подошел к лежащему без сознания Стрибьорну и стерил его презрительным взглядом. Разгар видел, что грудь Беспощадного Черена все еще вздымалась и опускалась. Он не знал, радоваться ему или огорчаться.

— «Непрошибаемый Черен» — верно сказано, — заявил Хакон. — Мой удар проломил бы голову любому человеку, не обладающему черепом быка.

Нервное напряжение, в котором находились все кандидаты, прорвалось

грудным слухом. Разнар присоединился к хохочущим, сам поражаясь этому. Но взгляд сержанта быстро утихомирив их.

— Через несколько минут все вы будете ржать по-другому. Вы двое отнесите его вниз во второй глиняный дом, а затем — в кузницы. Остальные следуйте за мной. Пора вам должным образом оснаститься.

Новобранцы молча шагали через крошечную деревушку вслеп за сержантом Хаконом. Они перешли через ров возле деревянных стен, которые окружали это место, и вошли в открытые ворота. Стражи, вооруженные пиками, смотрели на них с деревянных наблюдательных башен по обе стороны входа.

Разнар с удивлением глядел на здания. Впервые он мог хорошенько рассмотреть их, и юноша увидел, насколько эти дома отличались от тех, среди которых он вырос. Здесь главными строительными материалами были не драконья шкура и кость, а дерево, камень и солома. Некоторые дома сделаны на бревнах — приземистые квадратные сооружения из

стволов мертвых деревьев, покрытые дерном. Другие выстроены из камней, поставленных друг на друга, — так на островах выкладывали дымбы. Эти дома также были покрыты дерном. В крышах тех и других домов имелись отверстия, которые служили дымоходами для очагов.

Немощные улицы утопали в грязи. Свиньи рылись в мусоре, куры хлопали крыльями, квохча возле птичников. Вся эта живность придавала окружающему странно домашний вид и немного напугивала Рагнара его родину. Отличием же были странные резные фигуры, стоявшие на всех перекрестках. Все они были высечены из дерева и изображали волков — вставших на дыбы, выслеживающих дичь, рычащих, прыгающих. Все сделано очень искусно и очень жизненно. Рагнар не имел никакого представления, что означали вырезанные здесь же руны, но был уверен, что они имеют магическое значение.

На улицах было много молодых мужчин, все они носили оружие и двигались со спокойной уверенностью.

которой в группе Рагнара не обладал никто. Проходя мимо, местные жители смотрели на новобранцев со смехом и выражением жалости и презрения. То и дело попадались старики, одетые как Хакон, — все остальные поглядывали на них с настороженным уважением.

Некоторые юноши из группы Рагнара глазели на каменные здания с явным изумлением. Было ясно, что они тоже родом с островов, но при этом, в отличие от него, никогда в жизни не видели острова Повелителей Железа.

Все это выглядело очень странно. Руссвик располагался в вытянутой долине вдоль темно-синего озера. Со всех сторон вздымались горы — огромные, каких Рагнару никогда не доводилось видеть. Эти громады подавляли все вокруг, и творения рук человеческих выглядели на их фоне мелкими и ничтожными. Казалось, что это место выбрано специально, чтобы новобранцы почувствовали себя жалкими. Возможно, это так и есть, осознал Рагнар. Вероятно, все распланировано так, чтобы

заставит их почувствовать собственное ничтожество.

Почему-то он понял, что так оно и есть. Само это место, речь Волчьего Жреца, поведение Хакона — все ложилось в один к одному. Избранным говорили, что пока они ничего не значат, что все свои способности еще нужно доказывать. Где-то в глубине души Рагнар чувствовал, что в нем вспыхнула искорка протеста и из нее начинает возгораться пламя. Не вполне понимая, против чего именно собирается восставать, он твердо осознал: что-нибудь да отыщется. И быть может, по ходу дела ему удастся прикончить ненавистного Стрибьорна!

Он огляделся по сторонам, пытаясь поймать чей-нибудь взгляд. Но лишь один человек ответил ему взглядом и улыбнулся. Все остальные были погружены в задумчивость. Рагнар не удивился этому. Тут есть над чем поразмышлять. Ему уже открылось так много нового — трудно поверить, что он прибыл сюда всего лишь день назад.

Часть того вечера юноша провел.

отвечая на вопросы Ранека. Все его
ответы Волчьему Жрецу были занесены в
большой том, переплетенный в кожу и
находившийся в центральном зале. Затем
люди, которых Ранек называл Железными
Жрецами, подвергли его внимательному
осмотру. Они перетаскивали над ним много
странно выглядевших амулетов и
тщательно обыскали его тело, словно в
поисках признаков мутации. Не будь все
это таким необычным, Рагнар
почувствовал бы себя оскорбленным. Среди
Грохочущих Кулаков не было мутантов.
Любого ребенка, на котором обнаруживали
признаки Хаоса, топили при рождении.

К тому времени, когда юношу
отпустили, было уже темно. Его
проводили в глинный дом, выстроенный из
бревен. Внутри пахло сосной. Когда он
появился, там стоял шумный говор.
Рагнар нашел соломенный тюфяк, улегся и
тут же заснул.

Только утром он рассмотрел своих
соседей и увидел среди них Стрибьорна.
Должно быть, он пошел в дом, когда
Рагнар уже спал. Раны, которые

Беспощадный Череп получил в схватке, были излечены магией целителя. У Рагнара тўрашки по телу побежали, когда он подумал, что провел ночь под одной крышей со своим заклятым врагом. С противником, которого однажды уже убил! В отвращении юноша сплюнул на земляной пол.

Однако времени предпринять что-либо уже не осталось, потому что пришел Волчий Жрец и увел всех прослушать свою речь и познакомиться с сержантом Хаконом. Рагнар даже не успел пообщаться ни с кем из обитателей дома. Теперь он еще больше ощущал необычность своего положения. Его окружали люди из десятка разных племен. В других обстоятельствах все они были бы его врагами — кроме разве что времени какого-нибудь большого праздника. И тем не менее ни у кого из них нет оружия и никто не выглядит враждебным. Сержант Хаконом дал всем богатую пищу для размышлений.

Затем Рагнару пришло в голову, что большинство уже знают, куда они сейчас направляются. По крайней мере те двое,

которым было приказано унести Стрибьорна, знали, куда его тащить. Рагнар понял, что большая часть молодых воинов находилась в этом лагере достаточно долго, чтобы разбираться, что к чему, и представлять, о чем говорил Хакон. Это он здесь новичок — поэтому до поры до времени лучше закрыть рот и открыть пошире глаза.

Они подошли к одному из самых больших в Руссвике деревянных домов. Хакон зашел внутрь и через несколько минут появился с грудой оружия. Он тут же начал выкликать имена. Когда вызванным сделал шаг вперед, Хакон совал ему в руки копье и кинжал и приказывал вернуться в строй.

— Рагнар Трохочущий Кулак!

Услышав свое имя, Рагнар выступил вперед. Сержант навис над ним. Пока он не приблизился, Рагнар не представлял, насколько огромен Хакон. Теперь он видел, что сержант — самый большой человек из всех, с кем он встречался, даже выше и шире в плечах, чем Ранек. Юноша также заметил, что на его доспехах имелись

небольшие механизмы -- должно быть, подобные тем, что заставляли вращаться зубья на заколдованном мече. Рагнар стал капельку больше уважать смелость Стрибьорна -- и его безрассудство.

-- На что уставился, мальчик?

-- На вас, сержант!

Удар Хакона был ослепляюще быстрым, и все же Рагнар заметил его. Он не успел отклониться достаточно сильно, но все же смог смягчить удар. Тем не менее юноша полетел назад, на землю, хотя тут же перекатился и вскочил на ноги. Ощущения были будто от удара кузнечным молотом, перед глазами так и плясали искры, но по крайней мере он не потерял сознания.

-- У тебя хорошая реакция, мальчик, -- сказал сержант, швырнув ему нож в ножнах и копье. Рагнару удалось подхватить их в воздухе и остаться на ногах. Он заметил, что остальные смотрят на него с чем-то вроде зависти -- или, может быть, уважения. Рагнар почувствовал некоторое удовлетворение.

Ножны были кожаными, со стальной

пряжкой в форме волчьей головы. Разнар был поражен. За всю свою жизнь он видел такое богатство лишь однажды -- на острове Повелителей Железа. У жителей островов драгоценная сталь использовалась лишь для клинков, наконечников стрел и инструментов. Богатый ярл мог обладать несколькими железными браслетами -- легко конвертируемыми ценностями, но это было редко.

Разнар извлек клинок из промасленных ножен и остотрел его. Качество стали было великолепным, лезвие -- острое как бритва. Головка рукоятки увенчана маленькой волчьей головой, такой же, как на пряжке ремня. Древко копья -- из лучшего дерева, стальной наконечник остр, как игла, и без малейших следов ржавчины. На древке вырезаны маленькие руны. В целом создавалось впечатление, что это оружие хорошо поработало. Внезапно перед мысленным взором Разнара предстали поколения кандигатов, которые использовали это копье до него. Трудно

сказать, обнадежило ли его это зрелище.

Хакон снова заговорил:

— Теперь это ваше оружие. Следите за ним. Оно может спасти ваши никчемные жизни. Не теряйте его и не прибегайте после этого ко мне. Затены не будет. В том маловероятном случае, если кто-то из вас здесь выживет, вы обязаны его вернуть. Если кто-либо из вас умрет, оставшиеся в живых должны принести его оружие назад. Бросьте трун воронью, если хотите, но верните оружие.

Сейчас я распределю вас по Когтям. Это будут ваши боевые подразделения. В каждой Когте все будут тренироваться вместе, есть вместе, охотиться вместе и, что вероятнее всего, умирать вместе. Когда я буду называть имена, выходите вперед.

Хакон назвал пять имен, которых Разнар не знал. Пятеро новобранцев вышли вперед и встали перед сержантом. Тот жестом велел им отойти в сторону, а затем назвал другие пять имен. Разнар подумал, что сейчас прозвучит и его имя, но этого не произошло. Затем было

названо еще пять имен, потом еще пять. Имя Рагнара так и не прозвучало. Вскоре остались только он, Стрибьорн и еще трое юношей.

— Квел Соколиный Охотник, Свей Драконово Пламя, Стрибьорн Беспощадный Череп, Рагнар Трохочущий Кулак, Хэнк Зимний Волк.

Рагнар взглянул на своих товарищей. Один был невысоким угрюмым юношей, очень широкоплечим и сильным на вид, другой — мальчиком, выглядевшим моложе всех присутствующих. Третий — высокий светловолосый парень с улыбочивым веснушчатым лицом.

Рагнар упал духом, когда осознал, что распределен в ту же группу, что и Беспощадный Череп. Он подумал было заявить протест, но одного взгляда на Хакона оказалось достаточно, чтобы понять: ничего хорошего из этого не выйдет. На самом деле, по злобной улыбке, скривившей губы сержанта, Рагнар заподозрил, что Хакон знает, что он делает, — и еще больше возненавидел его.

Тем не менее в этом имелось и свое

преимущество. Но крайней мере, до
Беспощадного Черена будет легко
добраться.

Змеиная улыбка Хакона стала еще
шире.

-- Оглянитесь,-- сказал он.-- Взгляните
на своих товарищей. Запомните лица друг
друга и знайте, что если только вы не
очень особенные ребята -- а я не думаю, что
кого-то здесь можно отнести к таковым, --
то по меньшей мере половина из вас
отправится в мир иной к тому времени,
когда придет пора покинуть это место.

По спине Рагнара побежали мурашки.
В словах сержанта прозвучал тревожный
звоночек истины.

За стенами глиняного дома завывал
ветер, а внутри стоял холод, будто в
ледяной пещере. Новобранцы лежали на
своих тюфяках и мечтали об огне. В
одном углу комнаты имелся камин, но
нигде не было видно ни полена. Члены всех
групп пришли и расположились на
тюфяках рядом друг с другом. В группе
Рагнара имелся свободный тюфяк,
предназначенный для Стрибьорна. Рагнар

лежал на спине, смотрел в потолок и думал о событиях прошедшего дня. Очередные тренировки. Очередные речи Хакона. Множество трудных упражнений. Еда: каша, репа и нечто напоминающее свиной жир.

-- Старик Хакон действительно несколько свиреп, как ты думаешь? -- прозвучал спокойный, приятный голос. Повернувшись, Грохочущий Кулак увидел веснушчатого юношу, который раньше, как заметил Рагнар, постоянно глядел по сторонам и улыбался всем. У него были вытянутые черты лица и небольшой курносый нос, который придавал своему владельцу одновременно и нахальный, и неунывающий вид. Лицо его обрамляли длинные светлые волосы. Юноша выглядел счастливым, и с учетом обстановки это отдавало безумием. Но Рагнар не мог не ответить ему улыбкой.

-- Да, -- поддержал он разговор. -- Наш сержант слегка свиреп.

-- Я -- Квел из Соколиных Охотников. -- Парень дружелюбно протянул руку, и Рагнар пожал ее.

-- Разгар из... Грохочущих Кулаков.

-- Ты как-то не слишком уверен в этом.

-- Я не уверен в том, что еще есть Грохочущие Кулаки, -- сказал Разгар бесхитростно.

-- Вот так?

-- Да.

-- Я так понимаю, что ты был избран после сражения, в котором твой клан... пострадал.

-- Да.

-- Это была великая битва?

-- Это была свирепая и жестокая битва. Не уверен, что назвал бы ее великой. Мою деревню сожгли. Мой народ предали мечу. Мою девушку...

-- Да? -- спросил Квел. Он казался полным сочувствия.

-- Не знаю.

-- Тогда лучше забудь ее, -- сказал приземистый юноша на следующем тюфяке. Он улыбнулся, словно получал удовольствие от плохих новостей. Разгар увидел, что у него большие зубы, квадратные и ровные. Нос у парня был

слотан и имел неправильную форму, а рыжеватые волосы подстрижены непривычно коротко для островитянина Рагнара. -- Ты больше никогда ее не увидишь. Ты никогда больше не увидишь тех, кого знал.

-- Нет никакой надобности так радоваться этому, -- произнес Рагнар. Обладатель хороших зубов покачал головой и сжал кулак. Но это не было жестом угрозы -- скорее жест выражал гнев.

-- Клянусь железными яйцами Рүсса, я вовсе не радуюсь этому! Я ничему этому не радуюсь. Я надеялся присоединиться к Избранным, войти в Дом Героев. А вместо этого что я получил? Проклятого сержанта Хакона и его постоянные рассуждения о том, какие мы тупицы.

-- Может, ты обсудишь этот вопрос с сержантом? -- с устешкой предложил Кьел.

-- Может быть. С другой стороны, произошедшее со Стрибьорном и с Рагнаром меня не вдохновляет. По крайней мере, лучше помолчать до тех пор, пока мы не узнаем, что отличает его от всех нас.

-- Думаешь, что-то сделало его таким? -- с интересом спросил Рагнар. -- Ты ведь...

-- Просто я слышал это в лагере. Похоже, что тех, кто выживает здесь, увозят в какой-то древний храм и воздействуют на них магией. Они превращаются либо в монстров, либо в таких людей, как Хакон и Ранек... Клянусь пометом Ледяного Медведя, я жутко голоден. Как вы думаете, когда они нас накормят?

-- Так ты считаешь, что Хакон -- человек? -- спросил четвертый член группы -- тот, что выглядел слишком юным для Избранного. Рагнар пристально посмотрел на него. У парнишки были тонкие черты лица, и он выглядел слишком утонченным и утлым, более похожим на скальда, чем на воина. -- Я имею в виду эти клыки и все остальное.

-- Он явно не призрак, -- сказал Рагнар. -- Судя по тому, как он мне сегодня врезал.

-- Я был поражен тем, что тебе почти удалось увернуться от него, -- сказал

самый молодой член группы. — Не думал, что кто-нибудь может сделать это.

— Разгар это не сделал, — заметил угрюмый.

— Он почти сделал.

— Ты кто, Свен Драконово Пламя или Хэнк Зимний Волк? — спросил Разгар.

— Хренов Свен — это я, — сказал приземистый коротышка. — И клянусь священным правым яйцом Ледяного Медведя, у тебя хорошая память.

— Я — Хэнк, — сказал самый юный и поднялся, чтобы обменяться рукопожатиями. Разгар подал ему руку. Так же сделал и Квел, лишь Свен остался лежать, закинув под голову руки и уставившись в потолок.

— Это означает, что последний из нашей хреновой маленькой компании — Стрибьорн Беспощадный Череп, — сказал Свен.

— Да. — Разгар сплюнул. Он сам пораился тому, какая злоба прозвучала в его голосе. Серые глаза Свена повернулись к нему.

— Он тебе не нравится, да, Разгар?

Почему?

-- Он был одним из тех мерзавцев, что напали на нашу деревню.

-- Это не здорово, -- сказал Кьел.

-- Он должен быть мертв. Я думал, что убил его, -- проговорил Рагнар.

-- Ну, значит, ты не очень хорошо это сделал, -- заявил Свен. -- С учетом того, что он теперь ходит на своих ногах -- по крайней мере ходил, пока старик Хакон не отправил его в страну снов.

-- Волчьи Жрецы применили свою магию, чтобы исцелить его. То же они сделали со мной, -- отметил Рагнар.

-- Думаю, они сделали это со всеми нами, -- подтвердил Кьел. Он поднял свою туннику, открыв взорам глинный шрам, который шел через всю грудь и вниз по животу. -- Вряд ли с такой раной можно выжить без магии.

-- Как ты здесь оказался? -- спросил Рагнар.

-- Было сражение, -- ответил Кьел.

-- Это само собой разумеется, -- устехнулся Свен. Кьел бросил на него раздраженный взгляд и продолжил:

-- Мы совершали вылазку на большой
ледник, искали баранов...

-- Баранов! -- фыркнул Свен. -- Хрена
ли вы собирались с ними делать,
интересно знать?

-- В наших долинах значимость
человека определяется размером его стада.

-- Готов побиться об заклад, что это
так, -- сказал Свен, и в голосе его прозвучал
непонятный намек.

-- Как бы то ни было, Волчьи Головы
напали на нас из засады, когда опустилась
ночь. Бой был острым и яростным. Должно
быть, я убил человек пять, пока один из
Волчьих Голов не всадил в меня свое копье.
Я думал, что со мной все кончено, но
затем взглянул вверх и увидел старика,
смотревшего на меня с холма. А потом
опустилась тьма. Когда я очнулся, рядом
оказался тот же старик, но я уже
находился в одном из летающих кораблей
на пути сюда. А как ты, Свен, -- что за
героическое деяние совершил ты, чтобы
стать Избранным?

-- Я убил восемь человек в поединке.

-- Восемь? Сразу?

-- Нет. Одного за душит. Они были братьями. Они убили моего дядю и отказались платить виру, поэтому я вызвал их на пир. Волчий Жрец наблюдал, как я убивал их, а потом сказал, что я избран.

-- Ты не был ранен? Ты... не умер?

-- Умерли восемь человек. Восемь взрослых мужчин и воинов. Они умерли, а я -- нет. На мне ни одной раны.

-- В самом деле, Свен, ты, должно быть, могучий воин, -- сказал Хэнк.

-- В самом деле, -- сухо сказал Рагнар.

-- Хрена ли ты мне не веришь? -- неожиданно прорычал Свен. В его глазах блеснула искра неистовства.

-- Я этого не говорил, -- ответил Рагнар. -- В конце концов, ты же здесь. Так?

-- И ты этого не забывай, -- буркнул Свен.

-- А что ты, Хэнк? -- спросил Кьел.

Юноша залился краской. Казалось, он ступился.

-- Я игрался с троллем, -- ответил он. -- И сразил его копьем. Он убил моего дядю.

всех его братьев и уже был ранен, так что это не такое уж великое дело.

— Должно быть, Волчий Жрец решил иначе.

— Он наверняка легко убил бы его, если бы я не справился.

— Почему Жрец оказался там?

— Не знаю. Может быть, наш горевший дом привлек его внимание, кто знает?

Разгар в изумлении смотрел на юношу. Он столкнулся лицом к лицу с самой смертоносной тварью на Фенрисе, убил ее после того, как та расправилась с его семьей, и рассказал об этом, словно с каким-то пустяке. Более того, он казался смущенным, ставя себе это в заслугу.

Судя по рассказам, все его новые товарищи заслуживали уважения. Даже, быть может, Беспощадный Череп.

Но залу пронесся порыв ветра, и взгляды всех новобранцев обратились к открывшейся двери. Вошел сержант Хакон, неся Стрибьорна. Тот все еще был без сознания. Сержант отыскал взглядом свободный тюфяк и бесцеремонно бросил

свою ношу на солому.

-- Лучше немного поспите,-- произнес Хакон.-- Завтра вам понадобятся все ваши силы.

Не сказав больше ни слова, он прошел по помещению и погасил лампы с горящим китовым жиром своими бронированными пальцами. Затем в полной темноте прошел к двери, без видимых затруднений находя дорогу между лежащими телами. Гролко хлопнувшая дверь оповестила о его отбытии.

В глинном зале воцарилась тишина. Рагнар долго лежал в темноте, размышляя, не взять ли нож и не перерезать ли горло Стрибьорну. В конце концов он решил, что этого делать не стоит. Рагнар хотел, чтобы его враг был в сознании, когда он будет убивать его.

-- Ты слышишь, как булькает в моем животе? -- пробормотал Свен. -- Клянусь яйцами Ледяного Медведя, я офигенно хочу жрать.

7. Охота

Разнар сделал вынаг своей деревянной дубинкой, метясь Стрибьорну в глаз. Дубинка попала в толстую нависшую бровь и отскочила. -- Глаз! Я убил его! -- крикнул юноша, отпрыгнув назад. Окружавшие их новобранцы шумно выразили свое одобрение. Разнар рискнул бросить взгляд на сержанта Хакона, чтобы понять, подтвердит ли он смертельный исход поединка.

Беспощадный Череп взревел и нанес удар своей глубиной. Ее изогнутый конец попал Разнару под ребра и словно вышиб весь воздух из его легких. Стрибьорн вложил в этот удар всю силу и вес своего могучего тела. Это была тренировка с ножами, и ударов никто не удерживал. Хакон не хотел, чтобы его подопечные привыкали драться с противниками, которые не бьют по-настоящему -- сильно и быстро. Боль заставила Разнара согнуться, его затумило. Трохочущий Кулак едва удержался на ногах, голова

кружилась. Вокруг он видел
ухмыляющиеся, глумящиеся лица других
кандидатов. Они образовали круг, чтобы
наблюдать за схваткой.

Стрибьорн с хрустом опустил глубинку
на голову Рагнара. Из глаз юного
Трохочущего Кулака посыпались искры. Он
испустил долгий стон боли и упал на
колени. Рагнар убедил, что Стрибьорн
отвел ногу назад, чтобы ударить его.

Внезапно Рагнара захлестнул
холодный гнев. Он рухнул вперед и в
последнюю секунду ухватился обеими
руками за ногу Беспощадного Черепя.
Сделав глубокий вдох, юноша рывком
прокинул Стрибьорна. Раздался громкий
треск, когда голова его противника
ударилась об один из камней, выступающих
из мягкого дерна. Рагнар позволил себе
торжествующий рык и рванулся вперед.
Подхватив свою глубинку, он прижал ее к
горлу Беспощадного Черепя и с силой
надавил, намереваясь прекратить доступ
воздуха и задушить своего врага. За спиной
завучали одобрительные возгласы толпы,
никто явно не понял его замысла.

Неожиданно холодная рука в доспехах схватила Рагнара за шею и подняла его над Стрибьорном. Рагнар сделал вынаглубинкой, но она ударила по твердому щитку Хакона и сломалась. Сержант взглянул на него сверху вниз.

— Несколько странное развлечение, не так ли? Однако вы, по крайней мере, игрались всерьез.

Он опустил Рагнара на землю и бросил взгляд на Стрибьорна. Беспощадный Череп кашлял и фыркал, глядя на Рагнара глазами, полными ненависти.

— Я победил, — выдохнул он.

— Нет, — произнес Хакон. — Твой последний удар наверняка распотрошил бы Рагнара, но если бы у него был настоящий нож вместо этого изогнутого куска дерева, то своим последним ударом он проткнул бы твой глаз и вошел бы в мозг.

Рагнар позволил себе торжествующую устешку. Холодный чистый горный воздух обрел сладкий привкус победы. Ему удалось даже забыть о боли в ребрах.

— И все же я убил бы его своим ответным ударом, — угрюмо сказал Стрибьорн.

— Возможно, — заметил сержант, — ты достаточно свиреп для этого.

Он повернулся к толпе и указал на Кьела и еще одного новобранца, которого Рагнар не узнал.

— Вы двое! Давайте! У нас нет времени, чтобы глазеть на драку слишком долго.

Рагнар бросил на Стрибьорна еще один взгляд, зная, что наверняка убил бы его, если б Хакон не вмешался.

Рагнар с трудом хватал воздух широко разинутым ртом. Горный воздух внезапно оказался для него слишком разреженным. Прохлада раннего утра пощипывала кожу. В ушах стоял грохот, то безумно колотилось его сердце. Потом градом катился по бровям и щипал глаза. Длинные черные волосы прилипли ко лбу. Ноги были словно ватные, а склон перед ним казался бесконечным.

— Давайте! — кричал сержант Хакон.

Вы можете лучше! Это всего лишь жалкий бугорок!

Кьел встал рядом с Рагнаром и ухитрился выдать из себя слабую улыбку.

— Легко ему говорить. Мы-то не такие полукозлы и полволки, — задыхаясь, проговорил он.

— Побереги дыхание для бега, — выдохнул Рагнар. — Помни: тот, кто доберется до вершины последним, должен будет повторить этот путь.

— Тогда лучше оставляю тебя позади, — сказал Кьел и рванулся вперед, быстро поднимаясь глиняными шагами по неровной тропе. Рагнар собрал остатки сил и бросился вдогонку, думая о том, что Кьел прав. У сержанта это выглядело легко. Он стартовал после них, но даже в своем тяжелом бронированном облачении легко обогнал всех кандидатов. Он достиг вершины холма, когда остальные были еще на полпути к ней, и теперь стоял там, выглядя совершенно свежим, и еще покрикивал сверху. «В чем же его секрет?» — думал Рагнар.

-- Давайте! Шевелитесь! -- кричал
Хакон.

Разнар рискнул бросить взгляд через
плечо. Далеко внизу, в долине, виднелся
Руссвик. С такой высоты он выглядел
крошечным. Они покрыли уже огромное
расстояние. Визя маленькие фигурки
своих товарищей, растянувшиеся по склону
позади него, он с удовлетворением осознал,
что по крайней мере не будет последним.
И лучше бы понадежнее закрепить это
положение.

На трясущихся ногах он усталое
поташился к следующему уступу холма.

-- Кто из вас умеет охотиться? --
спросил сержант Хакон.

Около полудюжины утомленных
голосов ответили утвердительно. Все они
устали. Всю последнюю неделю они,
казалось, только и делали, что
занимались утомительными
тренировками. Они так часто бегом
взбирались на холмы вокруг лагеря, что
Разнару казалось, он сможет сделать это
с закрытыми глазами. Они рубили деревья

и бегом поднимались на холм со свежесрубленным стволом. Тех, кто, по плнению Хакона, бежал недостаточно быстро, он заставлял делать это снова и снова, пока они не падали от изнеможения.

Они выполняли бесчисленные упражнения, пока, задыхаясь, не падали без сил на стылую землю со сведенными судорогой мышцами. Они тренировались с копьями и кинжалами. Им показывали, как сражаться топором для рубки деревьев. Они кидали копья в соломенные фигуры.

Занятия, на которых они тренировались во владении оружием, почти доставляли Рагнару удовольствие, и в них он превосходил остальных. Его всегда выбирали как лучшего в своей пятерке для схваток с лучшими из других групп. Это явно раздражало Стрибьорна и Свена, но они ничего не могли поделать. Рагнар постоянно превосходил их. Он лучше владел оружием, чем все остальные. На занятиях по борьбе они платили ему за удары, нанесенные затупленным оружием. Стрибьорн и Свен были сильными, быстрыми и жестокими.

Рагнар надеялся, что вскоре они
начнут тренироваться с настоящим
острым оружием. Тогда сможет
произойти несчастный случай, и
Стрибьорн Беспощадный Череп
отправится к своим предкам, зная, что
туда послал его Рагнар.

— Наверняка вы не слишком хорошо
разбираетесь в охоте! — произнес Хакон с
презрительной устешкой.

Новобранцы осторожно посмотрели
друг на друга. Они уже научились не
перечить сержанту. Это всегда
заканчивалось дополнительными
обязанностями или суровыми побоями,
когда уровень их подготовки не отвечал
завышенным ожиданиям Хакона.

— Что ж, если никто из вас не знает,
как надо охотиться по-настоящему,
полагаю, мы должны будем вас научить.
Это единственный ваш шанс когда-нибудь
увидеть мясо.

Маленькая группа охотников гуськом
двигалась вверх по глинной каменистой
тропе. Рагнар обернулся и окинул взглядом
путь, который они уже проделали.

Студеный ветер взметнул вверх его длинные черные волосы. Стремглав несущиеся по небу облака казались ближе к нему, чем когда-либо. Но крайней мере они белые и рваные, а не темные и тяжелые, несущие угрозу дождя. Он понюхал воздух и уловил запах сосны. Самым непривычным для него было отсутствие соленого аромата моря, с которым он не расставался всю свою жизнь.

Далеко внизу виднелся Руссвик — отсюда он выглядел крошечным сорищем среди хижин, окруженных деревянным забором и глубоким рвом. Вокруг них со всех сторон в небо вздымались могучие утесы. Разнара тяжело дышал, все остальные — тоже. Бедра его были словно ватными после продолжительного подъема по крутому склону. В коленях чувствовалась слабость, а лицо пылало. С некоторым облегчением он отметил, что все остальные выглядят не лучше.

Теперь все их скачки вверх и вниз по близлежащим холмам обретали смысл. Разнара сомневался, что кто-нибудь из них смог бы подняться на такую высоту без

отдыха, если бы их не подготовили к этому
долгими тренировками. Это немного
воодушевляло. За истекший день они
покрыли очень большое расстояние. На
рожном острове Рагнара пройти столько
по прямой было невозможно: вы просто
очутились бы в море. Здесь же они пока
увидели всего лишь крошечную часть этой
обширной земли. Она, казалось, уходила в
бесконечность. Колонны горных вершин
словно поддерживали небесный свод,
простиравшийся на огромной высоте.
Серовато-белые облака постоянно грозили
снегопадом. Холмы были покрыты
странными деревьями с иглами вместо
листьев, а землю под ними усеивали
деревянные конусы. Им рассказали, что
если эти конусы открыты, то очень
возможно, что пойдет дождь. Если они
закрыты, то погода может оставаться
хорошей. Таким необычным вещам их
тоже обучали в Руссвике. На деревьях
гнездились большие птицы. Свен уже
предлагал поискать там яйца, но
остальные хотели отойти дальше, чтобы
отыскать чего-нибудь побольше: оленя или

дикого козла, которого можно было бы принести в лагерь и показать остальным.

Козотъ Разнара впервые отправили на охоту. Это было проявлением доверия и считалось честью — самостоятельное путешествие так далеко от Руссвика стало поводом для гордости неустовых молодых воинов. Никто не смея жаловаться сержанту Хакону на то, что они обращались как с детьми. Проведя много дней в познании основ искусства выживания, они были уверены в обретенных навыках. Теперь они знали, как выжить в свирепых буранах Асахейма, как найти путь, ориентируясь только по звездам. Последнее было несложным делом для Разнара, который привык к этому, плавая по морям. Звезды здесь, в Асахейме, слегка отличались от знакомых, но созвездия были теми же. Их учили, как быстро и эффективно разжигать костры, как делать навесы из веток, чтобы хоть немного укрыться от суровой непогоды, как читать следы в дебрях. Усвоить это было вовсе нетрудно. Теперь они могли отыскать места водопоя животных и их

следы. Они знали, как ставить силки на кроликов, зайцев и других мелких животных. Те, кто никогда не умел этого, научились потрошить животных, сдирать шкуру, вспарывать брюхо и извлекать внутренности. Опять-таки, Рагнар, который всю жизнь потрошил рыбу, нашел эту премудрость несложной.

И вот теперь их, оснащенных копьями, кинжалами и щитами, отправили в дебри.

Все очень просто. Они не должны возвращаться, пока не добудут свежей еды или не потеряют воина. Казалось, подготовка будущих Волков состоит в том, что их швыряют в воду — и барахтайтесь, пока не научитесь плавать. У Рагнара сложилось впечатление, что Хакон и остальные в Руссвике считали, что там, откуда появились Избранные, таких, как они, хоть пруд пруди. Но теперь их долг — проявить себя, и Рагнар осознал, что хотя бы здесь никто не будет за ним приставать.

До определенной степени он был рад оказаться вне поля зрения Хакона. Он

радовался, что их Козоть отправили в самостоятельный поход. Юноша понимал, что до его завершения у Стрибьорна будет немало шансов стать жертвой несчастного случая. И эти шансы увеличатся, если Рагнар приложит к тому руку. Он обернулся и бросил взгляд на Беспощадного Череп, без особого удивления заметив, что Стрибьорн тоже смотрит на него. Встретив горящий взгляд врага, Рагнар слегка вздрогнул. Очень возможно, что Беспощадный Череп точно так же думает о нем.

Вздохнув, Рагнар понял, что ему придется быть очень острым и внимательным в этой глуши. Именно он мог свалиться с горной тропы или оказаться на пути лавины, если не будет предельно осторожен. Хотя сейчас за все отвечал он. Сержант Хакон решил, что он больше всех подходит на роль командира Козтя. До сих пор ни с Квелом, ни с Хэнком проблем не возникло. Ворчали только Свен и Стрибьорн.

Остановившись, Рагнар посмотрел в небо. Красное солнце начинало опускаться

на запад. Небо на горизонте стало кровавым, малиновый свет просачивался сквозь облачный полог, придавая горам и пустыне зловещий вид. Разнару представлялось весьма вероятным, что это место является прибежищем троллей или каких-либо других, еще более отвратительных и свирепых тварей. В последние дни по лагерю ходили слухи о существе, которое звалось вүльфен. Откуда пошли эти рассказы, было неясно, но если в историях о разорванных телах и вызывающих ужас смертях была хоть доля правды, вүльфена, конечно, стоило опасаться. Разнар подозревал, что жуткие слухи тоже могли быть работой Хакона.

Это наводящее ужас существо, по слухам, было получеловеком-полуволком, невероятно свирепым и почти неуязвимым для обычного оружия. Поговаривали о вүльфене-гемоне, который пробирался в Руссвик и утаскивал молодых воинов из лагеря. Никто не уверен, что дело в этом, но все знали, что несколько дней назад юноша по имени Лока исчез, неся службу часового. Он, конечно, мог просто сбежать

со своего поста, его могли тайно похитить тролли или злые колдуньи. Но почему-то упорно ходили слухи о вольфене. Хакон и другие командиры вооружились и отправились по следу, который могли различить только они со своим обостренным чутьем. Они так и не сказали, удалось ли им отыскать чего-нибудь. Но по их опущенным плечам и мрачным выражениям лиц Рагнар догадался, что поход оказался безрезультатным.

Теперь, в сгущающихся сумерках, вспоминая все эти истории, Рагнар старался не думать о том, какие монстры могли поджидать их в окружающих величественных горах. Несколько миль назад они прошли мимо пещеры. Она могла бы послужить хорошим убежищем на ночь, но все воины Когтя, не сговариваясь, молча прошли мимо нее. Никто из них не захотел повстречаться с тем, что уже могло укрыться в этой пещере. Возможно, там никого и не было, но кто знает? Не исключено, что там мог оказаться тролль, чародей, медведь или вольфен.

Даже Свен и Стрибьорн не пожелали
выяснить это.

Разнар радовался тому, что они уже
собрали хворост. Уже в наступающих
сумерках он выбрал подходящее место
чтобы разбить лагерь. Рядом на утесе
журчал небольшой ручеек, который сбегал
по берегу, усыпанному галькой, в маленькое
озерцо в гальней части поляны. Его
спокойные, черные воды казались
глубокими, как океан, и Разнар подумал,
нет ли там рыбы. Хотя этим вечером
они смогут обойтись тем, что принесли с
собой, поскольку гетнело очень быстро.
Разнар велел Кьелу и Хэнку развести
костер, пока Стрибьорн и Свен собирают
ветки, чтобы сделать временное убежище
на ночь, как их обучили в Рүссвике. Сам он
отправился вниз по ручью, чтобы набрать
воду. Ему хотелось воспользоваться этой
возможностью и немного побыть одному, а
также изучить окрестности.

Осматривая в сгущающихся сумерках
холмы, скалистые ущелья и бескрайние
леса, простирающиеся на бессчетные мили
во всех направлениях, Разнар почувствовал

уверенность в том, что, если бы не разные твари и монстры, которые, по слухам, наводняли эту суровую землю, человек мог бы быть здесь счастлив. Он даже улыбнулся при этой мысли. Здесь, на горном склоне, достаточно места для ведения хозяйства, есть вода и лес. Как утверждали остальные новобранцы, на таких холмах хорошо пасутся овцы или козы. Мужчина мог создать здесь семью и жить в мире. Быть может, даже найти в этом удовлетворение, избавиться от ненависти и вечной борьбы. Тут мысли Рагнара вернулись к Ане, и его душу наполнила хорошо знакомая печаль. Бросив взгляд назад, на Стрибьорна, возившегося на склоне, он ощутил, как грусть превращается в горькую ненависть. Рагнар заставит Беспощадного Черепана заплатить. Это единственное, в чем он уверен.

Рыча, он с яростью погрузил в ручей свой бургюк, словно это была голова Беспощадного Черепана, которую он намеревался держать под водой до тех пор, пока не иссякнет раз и навсегда поток

серебристых пузырьков. Опустив бурдюк в ледяной поток, Рагнар охнул от пронзительного холода. Студеная вода словно обожгла его до кости. В считанные секунды руки занемели. Заставив себя стерпеть боль, Рагнар поднял бурдюк и бросил сердитый взгляд на далекие вершины. Это талая вода, понял юноша, начало ручью дали горные снега. Она холоднее, чем вода из самых глубоких колодцев на островах.

Эти мысли внезапно напомнили ему о том, как он далеко от дома. А дома-то, в который можно вернуться, у него нет совсем.

Резкий стех Рагнара эхом прокатился среди густеющих теней.

Когда развели костер, навес совершенно утонул в тенях. Стрибьорн и Свен соорудили вполне приемлемое убежище из веток вечнозеленых деревьев, что возвышались на поляне. Котелок был полон пузырящейся овсянки — единственной пищи, которую они несли с собой. У каждого имелось по мешку с овсянкой и

немного соли. Выглядела она не очень
аппетитно, но вполне способна набить
желудки после того, как ее разольют по
деревянным тискам, которые они тоже
несли в своих вьюках.

Рагнар окинул взглядом поляну
вокруг костра, заглянув в лица спутников,
странно искаженные в мерцающих
отсветах пламени. Такое же воздействие
на его восприятие оказывала и
окружающая обстановка в целом. За те
дни, что они провели в Руссвике, Рагнар
привык к лагерю. Именно это место, со
всеми его трудностями и лишениями,
было теперь для него связано со вновь
обретенными товарищами. Теперь они
оказались в каком-то другом, странном
месте — и это каким-то образом изменило
их в его восприятии, превратило в
незнакомцев.

На небо выкатилась полная луна,
яркая и гостеприимная. На ее поверхности
была видна волчья морда — большое пятно
тени, напоминающее голову оскалившегося
волка. Говорили, что это сам Русс
поместил туда своего любимого волка

Серогрива наблюдать за миром до своего возвращения. Бүгто в подтверждение этой легенды, откуда-то издалека донесся ужасающий вой, в котором звучали непреодолимое одиночество и голод. Все пятеро посмотрели друг на друга.

— Это всего лишь волк, — сказал Квел, на лице которого появилась гримаса, которая, очевидно, должна была явиться собой ободряющую улыбку. Она оказалась бы гораздо убедительней, не будь лицо юноши таким бледным в лунном свете. — Я слышал их предостаточно. Они люто донимали наших овец там, в долинах.

— Готов поспорить, что не только они донимали ваших чертовых овец, — недружелюбно сказал Свен.

— Что ты имеешь в виду?

Не успел Свен ответить, как на услышанный ими вой прозвучал ответ с другой стороны долины. Долгий скорбный вопль эхом прокатился по распадку и вытеснил все остальные мысли из головы Рагнара. Казалось, это прозвучало сигналом для целого хора волков. С каждого горного пика — или это так

казалось -- огромные волки завыли на луну.

-- Стая вышла на охоту, -- заметил Кьел.

-- Да что ты говоришь? -- произнес Стрибьорн.

-- Ну за что бы, на фиг, не догадался, -- добавил Свен.

-- Хватит! -- раздраженно воскликнул Рагнар.

-- Не беспокойтесь,-- сказал Кьел. -- Волки редко нападают на вооруженных людей. Они обычно и к костру не подходят. Если только не голодны или не доведены до отчаяния.

-- Насчет них не знаю,-- заявил Свен, -- но, клянусь благословенным правым яйцом Ледяного Медведя, я уж точно голоден. Если они приблизятся, я сдеру с них шкуру и сожру!

-- Так что же тут нового? -- устехнулся Рагнар. -- Хэнк, накладывай кашу!

-- Подставляйте, что у вас там есть, -- произнес самый молодой из них, подавшись вперед и начиная накладывать кашу в протянутые тиски.

-- Во имя Рүсса, я бы отдал все за
хороший кусок рыбы, -- сказал Свен.

-- Или цыпленка, -- подхватил
Стрибьорн.

-- Или баранины, -- присоединился
Квел. Волчий вой усилился.

-- Кажется, волки с вами согласны, --
сказал Рагнар. Никто не застeyaлся.

Было поздно. Волки затихли где-то
вдали. Возможно, они нашли дpyгую
добычу, подyмал Рагнар. Или, быть
может, сейчас они молча крадутся сюда.
Из-под навеса по дpyгую сторону костра
долетел хrap. Он был громким и
свистящим -- сочетание рева кузнеца и
скрежета пилы по бревну. Этого было
достаточно, чтоб из головы Рагнара
вылетели все мысли о сне.

Юноша отшатывался по сторонам,
отвернувшись от огня, как учил их Закон.
Бесмысленно портить ночное зрение,
когда стоишь в карауле. Крепко стиснув в
руках копье, он дyмал о том, что станет
делать, если на них все-таки нападyт
волки или какие-нибудь отвратительные

чужовища из трака. Эта ночь в горах порождала у него странное зловещее ощущение — ничего подобного он никогда не испытывал у себя на родине.

Быть может, причиной тому бескрайние просторы и пустота гор — там, само собой, могло укрыться что угодно, самое безжалостное и злобное. Разнара узнал, что на его родном острове каждый мог узнать практически все об этом скалистом участке суши, где жило племя. Когда они мальчишками отправлялись в походы, то никогда не уходили далеко от деревни и раз за разом пересекали ту же землю, которую уже видели и на которой играли сотни раз. Здесь же, среди гор, можно скитаться сотню жизней и все-таки не увидеть всего. Эта мысль одновременно и устрашала, и вдохновляла Разнара.

Юноша сам поражался тому, как быстро он приспосабливался. Несмотря на странную и чуждую природу этих мест, он быстро привык к жизни в Руссвике, к лицам новых товарищей, к тренировкам и суровой дисциплине. Временами жизнь на

островах уже казалась ему сном, а все люди, которых он знал когда-то, — призраками. Неужели он и в самом деле когда-то стоял на палубе «Коня Рюсса» в бурю? Разве это он тянул из моря сети, полные рыбы, или смотрел, как загарпунивают касатку и убивают морского дракона?

Разумом он понимал, что все это случилось действительно происходило. Однако разум теперь с трудом ощущал прошлое как нечто реальное. Что он здесь делает, сидя в темноте на горном склоне и уставившись в сумрак? Он этого не представлял. Не было у него и подлинного осознания, что именно он был избран. Он просто продолжает жить, в то время как остальные умерли или угнаны в рабство.

Эта мысль вызвала неистовый всплеск жгучих чувств. Он внезапно вспомнил мертвых и умирающих, и девушку, что могла быть Аной, увозимую на корабле Беспощадных Черепов. А ведь один из тех, кто виновен в этом, безмятежно храпит в двадцати шагах. Разгару внезапно захотелось заорать от

ярости или всагнуть копье в брюхо Стрибьорну. Он почти представил себе, как делает это, почти ощутил жар удовлетворения, который охватит его, когда он наляжет всем своим весом на истертое древко и воткнет сверкающий наконечник закаленной стали в мягкую и податливую плоть. Губы юноши изогнулись в усмешке, его охватило искушение вскочить и тут же осуществить сокровенное желание, когда он услышал мягкий звук приближающихся шагов. Он машинально взял копье на изготовку, но увидал, что навдвигающаяся тень была всего-навсего Квелом.

Парнишка сел рядом с ним

-- Можешь закончить свое дежурство, -- сказал он. -- Не могу заснуть, когда те двое так громко храпят.

-- Уверен? -- спросил Рагнар. -- Ты не очень устал?

-- Быть может, если достаточно устану, смогу поспать позже.

Рагнар кивнул, но не тронулся с места. Он и сам не устал, ему хотелось поговорить. Юноша был уверен, что если

не кричать, то ни он, ни Кьел не разбудят спящих.

-- Это странное место, -- произнес он в конце концов.

-- Долина или горы?

-- Эта земля. Я никогда не видел ничего похожего. Любая из этих гор кажется больше острова, на котором я вырос.

-- Возможно, это так и есть. Или они, по меньшей мере, могут быть такими же.

-- Что ты хочешь сказать?

-- Я слышал, что острова были когда-то горами, которые поглотило море, так что теперь среди вод торчат только их верхушки.

-- Странная история.

-- Это часть старой легенды. Говорят, что до пришествия Рүсса было гораздо больше земель, и каждая из них -- такая же большая, как Асахейм. Но затем случился Потоп, дождь шел сто лет, и все земли, кроме Асахейма, ушли под воду. Говорят, морские демоны живут в развалинах затонувших городов, и каждый из них -- огромный, как остров.

- Ты веришь этому, Кьел?

- Почему бы и нет? Это может быть правдой. С другой стороны, может и не быть. Люди моего племени - не великие мореплаватели. Они живут в долинах под огромными ледниками и проводят время в сражениях и охоте.

Разнар помолчал, а затем произнес:

- Я слышал, что люди с ледников уходят на корабле за пределы видимости земли, чтобы посетить острова Повелителей Железа.

- Более или менее так. Зачем вообще кому-то уплывать за пределы видимости земли? Чтобы тебя забрали морские демоны?

- Я также слышал, что люди с ледников... ну, едят других людей.

Кьел застеснялся:

- Правда? Я всегда слышал, что это островитяне едят друг друга. На этих маленьких островах недостаточно пищи.

- Зато у нас всегда есть рыба и мясо косаток. - Разнар фыркнул. Его рассердило обвинение в каннибализме. С другой стороны, он ведь тоже заподозрил

Кьела в том же, так какое же право он имел обижаться?

В темноте он устехнулся иронии, скрытой в этих легендах. И их невежественности.

-- Однако ты был прав в отношении этой долины, -- сказал Кьел. -- У меня какое-то неприятное ощущение.

-- Что именно?

-- Не знаю. Отчего-то мурашки по коже бегают. Словно кто-то наблюдает за нами.

-- Волки?

-- Может быть. Возможно, тролли или ночные бродяги.

Рагнар вздрогнул.

-- Ты когда-нибудь видел ночных бродяг?

-- Нет, но я знал человека, который видел их однажды. Отвратительные злобные существа со светящейся шкурой. Говорят, они живут в старых местах под землей и выходят на поверхность попиравать человечиной. А еще говорят, что они поклоняются темным божествам Хаоса.

— Никогда о таком не слыхивал. Не стоит о них говорить. — Разнар сделал жест защиты от телных сил.

— Ты живешь на островах. В море нет такой грязи.

Разнар кивнул. Несмотря на угрозы, которую вызвали у него слова Квела, он потянулся и зевнул. Неожиданно он почувствовал усталость.

Разнар опустился на землю у огня и провалился в тревожный сон. Ему снилось много странного и кошмарного: слепые черви, роющиеся на дне океана и грызущие основания островов, отерзительные ночные бродяги и чудовищные волки, огромная тварь с телом человека и головой волка. Один только вид этого монстра выдернул его из мира грез в реальность, и он внезапно сел, озираясь вокруг, с еще полными видений глазами и бешено колотящимся сердцем.

Внутри у него все сжалось: юноше показалось, что с другой стороны костра стоит существо, которое только что ему приснилось. Он затотал головой, чтобы

избавиться от видения, надеясь, что оно представляет собой всего лишь остатки кошмарного сна. Но это оказалось не так. Чудовище по-прежнему торчало там, в темноте, такое же реальное, как и сам Рагнар.

На мгновение застыв, юноша внимательно рассмотрел существо. Оно не совсем походило на то, что привиделось ему во сне. У него нет волчьей головы, а тело какое-то бесформенное, с торчащими из него огромными шипами. Чудовищная голова с тяжелой челюстью и гигантскими стоячими ушами, как у летучей мыши. Глаза излучают злобный зеленоватый свет. Постепенно до Рагнара дошло, что он, скорее всего, видит тролля — существо из самых мрачных и леденящих кровь историй. К тому же это явно голодный тролль, ибо он медленно продвигается к костру.

«Где же Квел, — подумал Рагнар, — или кто там, во имя Рюсса, должен стоять на часах?» Но теперь это не имело такого уж большого значения. Он сам должен предпринять что-нибудь. Юноша

украдкой потянулся за копьем и щитом, беззвучно молясь Руссу, чтобы тролль не заметил его движений.

Сжав в руках оружие, Рагнар испустил тихий вздох облегчения и, приподнявшись, принял боевую стойку. В свете костра он увидел, что остальные все еще спят. Стрибьорн и Свен громко храпели. Кьел лежал у огня. Хэнк сидел лицом к темноте, но по тому, как лежала на груди его голова, Рагнар понял, что парнишка спит.

Он осознал, что ему придется отвлекать чудовище, пока его товарищи не приготовятся к бою. И этим придется заняться очень скоро.

«Но постой, -- прошептал ему внутренний голос, -- возможно, если обождать чуток, эта тварь может схватить Стрибьорна и отомстить за тебя!»

Губы Рагнара скривились в слабой усмешке.

«Это хорошая мысль!» -- шептал ему голос.

Нет, сказал он себе. Это не тот путь.

Ему хотелось самому убить врага, а не лишать его жизни путем предательства. И в любом случае не было никакой гарантии, что тролль возьмется именно за Стрибьорна. Он может схватить кого-нибудь другого, а Рагнар должен признать, что они быстро становились его грузьями.

Чудовище оказалось почти у самого костра, и Рагнар понял, что пришло время действовать.

— Проснитесь! — закричал он. — Проснитесь! На нас напал тролль!

Крича, он вскочил на ноги и бросился навстречу монстру. На близком расстоянии в свете костра он видел его лучше. Юноша разглядел его чешуйчатую, как у ящерицы, кожу и слизь, которая капала с нее, сверкая в лунном свете. Создавалось впечатление, что чудовище толстое, словно только что вылезло из близлежащего озера.

Расстояние между Рагнаром и монстром быстро сокращалось. Вблизи он выглядел еще огромнее и еще ужаснее. Тролль был почти вдвое выше юноши и многократно тяжелее его. Его грудь —

мускулистая, как у здорового медведя, а
руки с перепончатыми вальцами -- почти
такие же большие, как щит воина.
Каждый палец оканчивается когтем
размером с кинжал.

Чудовище разинуло пасть, усеянную
рядами гигантских острых зубов, и издало
пронзительный вопль. Рагнар сделал
выпад копьем, надеясь проткнуть один из
его глаз размером с миску, но существо
повернуло голову, и оружие юноши лишь
задело его щеку. К ужасу Рагнара, прямо
на его глазах рана монстра стала
затягиваться с отвратительным
хлюпающим звуком. Это было очень плохо.

Троль нанес ответный удар. Рагнар
пригнулся -- иначе троль просто снес бы
ему голову -- и вонзил копье в пах монстра.
Он был вознагражден злобным и очень
высоким визгом, который чуть не оглушил
его. Троль ответил еще одним могучим
ударом. Рагнар поднял свой щит, наклонив
его, чтобы хоть отчасти смягчить силу
удара. Ему это удалось, но все-таки удар
прокинул его на спину возле самого
костра. Тут же Рагнар почувствовал

запах горящих волос — это его черная грива
попала в огонь. У него кружилась голова, он
чувствовал слабость, но тем не менее
сразу же вскочил на ноги и огляделся,
чтобы понять, что же делают остальные.

Все они проснулись и похватали свое
оружие и щиты. На глазах у Рагнара Квел
размахнулся и метнул свое копье. Оно
попало прямоком в один из огромных глаз
чудовища. Сердце Рагнара подпрыгнуло.
Это был смертельный бросок. Он ожидал,
что тролль рухнет на землю и издохнет,
но не тут-то было. Вместо этого он
протянул руку и ухватился за копье.
Попытавшись извлечь его, монстр сломал
древко, и наконечник остался в глазном
яблоке. Теперь монстр устрашающе шипел
в ярости, как гигантская змея.

Стрибьорн и Свен выпрыгнули вперед
с копьями наперевес. Острые железные
лезвия вонзились в шкуру чудовища. Из ран
хлынула зеленоватая кровь, но тут же они
неестественно быстро стали
затягиваться. Тролль потянулся вперед и
схватил Свена огромной ручищей. Рагнар
увидел, как когти чудовища пронзили кожу

воина. Из всех ран закапала кровь, но Свен и виду не подал, что ему больно.

— Вот тебе, порождение ага! — воскликнул он и вонзил копьё в сухожилие ланы тролля. Тот завопил от боли и выпустил жертву. На коротком миг Рагнар испугался, что Свен попадет под чудовищную ногу тролля, но тот ухитрился быстро откатиться в сторону. Тем временем Стрибьорн прыгнул вперед и всадил копьё в грудь монстру. Пройдя между ребрами, оно глубоко засело в грудной клетке — там, где у человека находится сердце. Троль завопил еще громче, но по-прежнему держался на ногах и не падал.

«Неужели его ничего не остановит?» — подумал Рагнар. Ум начал овладевать страхом.

Тут он заметил, что из тела монстра заструился странный дым, и древко копья Стрибьорна стало растворяться. Конечно, вспомнил Рагнар, во всех слышанных им историях говорилось о том, что пищеварительные соки троллей были такими едкими, что эти

монстры могли переваривать камни.

Положение стремительно ухудшалось. Сильным ударом тролль отшвырнул Стрибьорна шагов на десять. Наверно, ему было очень больно. В обычных обстоятельствах Рагнар порадовался бы возможной гибели Беспощадного Черепя, но здесь и сейчас на счету был каждый воин. До сих пор им никак не удавалось остановить чудовище.

— Нужно использовать огонь! — крикнул Хэнк.

— Что?

— Нужно использовать огонь. Именно так я убил тролля в прошлый раз. Мне удалось завлечь его на горящий участок. Его раны не затянутся, если они нанесены огнем.

Постепенно эти слова дошли до сознания Рагнара. В них имелся смысл. Огонь всегда был лучшей защитой человека от многих ужасов тьмы, и он часто слышал историю старого Умозримана о том, как люди ярла Краки избавились от одного из монстров с помощью горящих факелов и стрел. Он наклонился, вытащил

из костра палку и махнул ею над головой, чтобы она разгорелась еще лучше. Затем Рагнар пошел на тролля. Справа от него был Хэнк, тоже с горящей палкой в руке.

Наклонившись, тролль потянулся к лежащему Свену. Тот, отчаянно пытаясь найти опору для ноги в каменистой почве, с трудом удерживал монстра на расстоянии, делая яростные выпады копьем в сторону его здорового глаза. Рагнар подбежал к троллю и махнул горящей палкой перед его мордой. Чувствуя, что повернулось к нему с могучим ревом. Его затхлое дыхание обдало Рагнара волной отвратительного зловония гниющей рыбы. Юношу чуть не вывернуло, но он собрал свою волю в кулак и бросился на тролля со своим факелом. Там, где его коснулся огонь, шкура монстра зашипела, вспыхнула и почернела. Рана не затянулась. Слава Руссу, Хэнк оказался прав!

Боковым зрением юноша уловил вспыхнувшее пламя и понял, что в схватку вступил Кьел. В каждой руке у Соколиного Охотника было по горящей ветке. Куда бы он ни наносил удары троллю, шкура того

загоралась. Теперь монстр вертелся, как загнанный зверь. Факелы сбивали его с толку, а ослепший глаз углублял положение. Хэнк издал победный клич и прыгнул вперед, чтобы ударить чудовище по морге, оставив на ней огромный черный рубец.

— Вот тебе, тварь! — крикнул он и торжествующе захохотал. Ответный вопль тролля заглушил его голос. Монстр нагнулся и схватил Хэнка. Его когти впились в тело юноши, мгновенно отхватив руку, державшую факел. Троль засунул голову Хэнка в свой похожий на гигантскую пещеру рот и откусил ее. Хлынула кровь, и крик Хэнка затих, когда монстр проглотил его голову целиком.

Пораженный Рагнар застыл на месте. Он не мог поверить, что Хэнк мертв. Только что парень был здесь, он был жив и сражался. А теперь его нет. Смерть дотянулась до него. Рагнар с ужасом осознал, что то же самое легко могло случиться и с ним. Троль, пусть и раненый, оставался чудовищем огромной силы и мог легко расправиться со всеми.

Очевидно, та же мысль ошеломила всех остальных членов Когтя, потому что все они замерли в нерешительности. Рагнар почувствовал желание развернуться и дать деру, но понял, что, если сделает это, остальные тоже обратятся в бегство и смерть Хэнка останется неотмщенной. Что еще хуже — тролль вполне мог догнать их и поубивать поодиночке.

В считанные секунды Рагнар понял, что, как он ни напуган, удирать нельзя.

— Давайте, вы, псы! — вскричал он. — Лучше погибнуть сражаясь, если мы вообще собираемся умереть.

Остальные ответили на его клич. Свен поднялся на ноги и атаковал тролля. Кьел бросился на чудовище со своим факелом, а Рагнар зашел с другой стороны. Поднявшись, Стрибьорн схватил факел и присоединился к ним. Окруженный со всех сторон ненавистными факелами, ослепленный и измученный болью от многочисленных ран, с ослепшим глазом, тролль развернулся и побежал вдоль ручья, не выпуская из огромной лапы

обезглавленный трун Хэнка. Кровь, черная в ярком лунном свете, капала в ледяную воду.

Разнар с товарищами неслись за троллем по холмистой местности, факелы в их руках разгорелись на бегу еще ярче. Это была яростная, но напрасная погоня. При всех его размерах и внешней неуклю: жести, шаги тролля были куда шире. Он подбежал к озеру и прыгнул в него, оставив за собой шлейф пены. Юноши остановились на берегу и смотрели, как он медленно погружается в воду. Наконец голова чудовища исчезла под водой.

— Думаете, он утонул? — спросил Стрибьорн.

— Нет, — ответил Квел. — Тролли могут жить под водой. Возможно, его логовище — там, внизу.

— А можем мы поплыть и убить его? — спросил Свен.

— Как? — спросил Разнар. — Факелы не будут гореть под водой.

— Но он забрал чертова Хэнка, — прорычал Свен.

— Хэнк мертв. И мы теперь ничего не

можем сделать.

И все же они стояли у воды и смотрели, пока не взошло солнце. Тролль больше не появлялся.

-- Что теперь? -- спросил Квел.

-- Вернемся в Руссвик и расскажем, что произошло, -- ответил Рагнар. Этому ему вовсе не хотелось. В конце концов, он был командиром Когтя и нес ответственность за Хэнка.

Они обменялись взглядами. Рагнар думал, что они будут обвинять его, но не увидел в их глазах ничего, кроме сочувствия. Даже в глазах Стрибьорна. Схватка с троллем, в которой они сражались все вместе, словно протянула между ними какую-то ниточку.

Рагнар отбросил эту мысль. Перелетное будет глится лишь до тех пор, пока они не доберутся до лагеря. До этого будет нужен каждый воин: кто знает, какие еще ужасы могут появиться в этих холмах? А когда они вернутся, каждый вновь будет сам за себя, решил юноша. Особенно это касается Стрибьорна. Беспощадный Череп может придержать

свое сочувствие.

— Ты уверен, что все произошло именно так? — спросил Хакон. Рагнар кивнул. Сержант оценивающе посмотрел на него.

Он заставил Рагнара еще раз повторить весь рассказ, а затем надолго замолчал. Рагнар глядел через плечо сержанта, вспоминая их путь назад в Руссвик. Эта дорога была не из легких. Все время он размышлял над судьбой Хэнка и не мог избавиться от неприятной мысли, что судьба друга легко могла стать его собственной. Хэнк просто оказался не в том месте и не в то время. С холодной уверенностью Рагнар понял, что так же легко могли схватить и его.

Взгляд, брошенный на испуганные и усталые лица его товарищей, сказал ему, что эта же мысль пришла в голову каждому.

Во время глинного перехода в лагерь однажды их поднял с привала далекий вой волков. Люди вскочили, ожидая, что сейчас будут драться и погибнут, но ничего не

произошло. Ничего, не считая того, что злобещий вой лесных тварей пробрал до мозга костей и эхом отдавался во внутренних, словно скрежещущий глас судьбы. Рагнар был уверен, что он будет звучать во всех его снах, начиная с этой ночи, и что он будет видеть тролля, волков и мертвого Хэнка, и все это в конце концов неразделимо сплетется друг с другом.

Он чувствовал себя ответственным за смерть парня, о чем так и сказал Хакону, когда сержант начал свои расспросы. Но Хакон оставался бесстрастным, не высказав ни одобрения, ни осуждения, пока не выслушал рассказ до конца. Рагнар осознавал тяжесть постигшей его неудачи, и временами ему казалось, что он опять видит юное, свежее лицо Хэнка, который смотрит на него обвиняющим взглядом. Он испытывал почти такое же сильное чувство утраты, как после гибели его деревни. Это удивило Рагнара: ведь, в конце концов, он едва успел познакомиться с Хэнком, тогда как свое племя знал всю жизнь.

Тут юноша подумал, что отчасти уже понял ответ. Среди Трохочущих Кулаков он был одним из многих, от него требовалось сражаться и умереть за свой народ. В своей Когте, здесь, в диких просторах Фенриса, он был главным. Он отвечал за судьбу Когтя, который вел за собой. Возможно, это то же самое, что быть ярлом или капитаном корабля. Он отнюдь не наслаждался своим положением. Впервые в своей жизни Рагнар заподозрил, что высокий пост и слава не всегда являются безусловным преимуществом.

— Что мы теперь станем делать? — спросил Рагнар. — Преследовать тролля?

— Зачем?

— Потому что он убил одного из наших людей.

— Если один из наших людей оказался настолько слабым, что дал убить себя, он оказал нам услугу.

— Не думаю, что это так.

— Никто не спрашивал твоего мнения.

— Разговор закончен? — спросил

Рагнар с отворачиванием. Хакон кивнул. Внезапно почувствовав себя опустошенным

и обессилевшим, юноша поднялся со стула и повернулся, чтобы уйти.

-- Разнар?

Он повернулся и, взглянув на сержанта, поразился, увидев на его суровом лице что-то вроде сочувствия.

-- Да, сержант?

-- Терять человека всегда нелегко. Поверь мне, я знаю.

Разнар кивнул и вышел из комнаты.

8. Испытания

-- Еще следы, -- сказал Рагнар, покачивая головой. Он осматривал унылый ландшафт в поисках признаков засады. Лес вокруг них казался пустым. Ниже по склону тоже спускались сосны. Скалы презграждали путь вправо. Мест для укрытия было много, но нигде ничего не шевелилось и не возникало чувства приближающейся опасности.

Рагнар вытер пот со лба и убрал с глаз волосы. Большой олень заставил их здорово погоняться за собой, и теперь они находились далеко от тропы, что вело назад, в Руссвик.

-- Это уже пятый раз на этой неделе, -- произнес Квел и үстехнулся. -- Быть может, нас выслеживают.

-- Может быть, -- ответил Рагнар. Он смотрел вниз, на тело мертвого оленя, от которого шел пар. Стрибьорн заканчивал потрошить добычу, в то время как Рагнар и Квел изучали эти новые следы. -- Будь осторожней с ножом, Беспощадный Череп, -- добавил юноша.

Стрибьорн поднял голову:

— Если думаешь, что можешь лучше, последний из Трохочущих Кулаков, почему бы тебе не обнажить кинжал и не выйти сюда? Возможно, я покажу тебе, как потрошить нечто большее, чем оленя.

Рука Рагнара опустилась на рукоять кинжала. Его захлестнула горячая волна ненависти. Кьел, увидев, что происходит, тут же оказался между ними. Свен смотрел, выжидая, что будет дальше.

— Довольно вам, — заявил Кьел. — Нас осталось четверо после смерти Хэнка. Не стоит терять еще человека. Особенно если рядом чужие и придется с боем пробиваться назад. Стрибьорн, помни, что Хакон назначил Рагнара старшим.

— Конечно, и это принесло нам много хорошего, — угрожающе проворчал Беспощадный Череп. Рагнар двинулся к нему, но Кьел оттолкнул его назад. Соколиный Охотник едва заметно покачал головой. Постепенно гнев Рагнара утих. Слова Кьела предназначались ему в той же степени, что и Стрибьорну. Это никогда не случится: командиру не следует терять

еще одного воина, да к тому же убив его. Он нашел эту мысль почти забавной, и напряжение внезапно как рукой сняло. Рагнар удовлетворился бешеной ухмылкой, адресованной Беспощадному Черепу.

Свен и Стрибьорн привязывали оленя к шесту, на котором понесут его в Руссвик. Рагнара уже не тревожил, как когда-то, вид истекающего кровью мяса. Теперь он привык к нему, уложив и выпотрошив десятки великоленных животных. Как бы то ни было, мертвый олень не доставит, или неприятностей. Проблемой были эти следы.

Кому же они принадлежат? Откуда появились? Определенно, они принадлежат кому-то как минимум человекоподобному, но, никогда не видел следов вүльфена или ночных бродяг, Рагнар шел с максимальными предосторожностями. Он мог попытаться пройти по этим следам и, возможно, попасть в засаду. Скорее всего, это оказалось бы бесполезной тратой времени. Свежий зимний снег, который несли с собой бураны, скроет эти следы прежде, чем они приведут его к цели, и

преследуемый исчезнет, как вүльфен в
ночи. Может быть, именно как вүльфен...

Однако похоже, что многие слүхи и
легенды об Асахейме были неверными.
Отгнав от себя мысли о зловых
существах, которые выслеживают
охотников, Рагнар подүмал, что эти
следы, в конце концов, могли оставить
какие-то живүщие здесь люди.

Но по крайней мере они не
принадлежали никому из обитателей
Рүссвика, это было очевидно. Значит, в
этих горах должно обитать еще какое-то
племя. Рагнару не требовалось
спрашивать себя, враждебно оно или нет.
На Фенрисе само собой разүмелось, что все
люди — соперники и враги. Так
предопределил Рүсс давным-давно, чтобы
его народ был **СИЛЬНЫМ!**

Рагнар не сомневался в том, что
люди, оставившие следы, были воинами.
Однако они вряд ли сравнятся с
кандидатами из Рүссвика во владении
орүжием. Хотя их численность тоже
немаловажна. Он достаточно овладел
искусством следопыта, чтобы прикинуть,

сколько человек было в той группе, что
прошла здесь, -- как минимум дюжина.
Оставался вопрос: следы, обнаруженные
другими охотниками из Руссвика,
принадлежали этому же отряду чужаков
или нет? Рагнар решил, что по
возвращении доложит обо всем Хакону.
Сейчас он вряд ли мог сделать еще что-
нибудь.

Рагнар устало тащился вниз по
склону, в Руссвик. Внизу он видел огни
фонарей, горевших в глиняных домах.
Огромные снопы искр вылетали из дыр
дымоходов в крыше большого дома.
Незнакомые звезды усыпали небосвод.
Воздух был полон голосов ночных птиц. Он
чуял дым горящего дерева и запахи
приближающейся ночи. Как всегда, юноше
казалось, что с угасанием света другие его
чувства обостряются. Где-то вдали завыл
волк.

Он повернулся и бросил взгляд через
плечо, чтобы убедиться, что Свен и
Стрибьорн все еще идут за ним. Ему
удалось различить в сгущающемся сумраке

их силүэты, они все так же тащили мертвого оленя. Посмотрев вперед, он увидал Квела, который разведывал путь, размашисто шагая в темноте. Он больше не собирался терять ни одного воина из своего Когтя, делая все, что от него зависело. Хотя сейчас потери казались невозможными. За те месяцы, что прошли после гибели Хэнка, его товарищи стали еще более выносливыми и неустойчивыми. Режим постоянных тренировок и упражнений укрепил их тела, сделав людей сильнее, здоровее и быстрее, чем все парни с островов, которых знал Рагнар. Сам он чувствовал, что окреп вдвое по сравнению с тем юношей, который пришел сюда, и вдобавок стал куда более сведущим в самых разных областях.

Рагнар вздохнул. За эти месяцы он узнал столь многое, что сам поражался. Он мог распознать все съедобные растения и животных на окружающих холмах. Он знал, как устраивать укрытия и разводить огонь. Он даже мог построить маленькую хижину из снега, чтобы, свернувшись калачиком, переждать в ней

пургу, которая в противном случае наверняка превратила бы его в кусок мороженого мяса. Он знал, как обрабатывать раны и обморожения. Он научился драться вруконашную и был теперь так же искусен в схватке безоружия, как Свен или Стрибьорн. Он всегда умело обращался с копьем или гарпунот -- но теперь вряд ли кто-либо из его родной деревни смог бы сравниться с ним в этом искусстве, включая и опытных гарпунеров.

Это было нелегко. Половина кандидатов уже погибла, из четырех десятков парней за время его пребывания здесь в живых оставалось лишь около двадцати. Некоторые свалились с утесов, на которых тренировались в скалолазании. Кто-то исчез во время охоты -- возможно, их утащили тролли, вүльфен или волки. Двое были убиты во время тренировочных боев с топоратами или копьями. Один был казнен сержантом Законом за какое-то преступление.

Конечно, прибывали новые рекруты -- неопытные, полные изумления и страха. Рагнар поражался своему ощущению

превосходства над этими новичками. Эти несколько месяцев, что прошли со времени его избрания, равнялись целой жизни. Теперь пропасть между ним и новичками казалась большей, чем та, что существовала между Волчьим Братом и согбенным старцем в его родной деревне. Рагнар подумал: а куда же делись те, кто был здесь, когда он прибыл сюда? Многие из них исчезли, унесенные в неизвестность небесным кораблем. Только сержант Хакон точно знал, куда они отправились, но никто не осмеливался спросить его об этом.

Все это время Рагнар как-то утудрялся сдерживать свою ненависть к Стрибьорну. Она не исчезла, а просто дожидалась благоприятного времени. У непостижимым образом, пока Стрибьорн жил и ненависть полыхала в Рагнаре холодным огнем, у него сохранялась неуловимая связь с его старой жизнью на острове. Рагнар не хотел, чтобы Стрибьорн умер, будучи частью его Когтя. Он был готов щадить Беспощадного Черена до тех пор, пока не перестанет

нести за него ответственность.

— Давайте прибавим ходу, — сказал Рагнар. — Там, в Руссвике, полно голодных ртов.

— Постарайся не съесть все прежде, чем ты туда доберется, Свен! — крикнул Кьел. Рагнар заметил, что по пути Свен запихивал в рот куски сырого мяса и жевал их, продолжая нести оленя.

— Да, ты уже сгрыз достаточно, — подхватил Рагнар.

— Ну фигу подобного, — возразил Свен и громко рыгнул.

Все дружно расхохотались и в приподнятом настроении зашагали вниз по холму навстречу мерцающим огням Руссвика.

— Говорю вам, их было больше сотни, — сказал Нильс. Это был невысокий, очень стышленный парень, командир дружка Когтя, сформированного в день прибытия Рагнара. К этому дню он уже потерял двох людей — хотя, кажется, не по своей вине. Просто не повезло. Рагнар смотрел на него с интересом, как и все остальные, поедая оленину с тушеной репой в глинном

зале. Впервые он близко увидел большую группу чужаков.

— Где ты их видел? — спросил Стрибьорн.

— Они шли через перевал Лезвие Топора. Мы были в долине над ними, смотрели вниз с деревьев. Мы уже пару часов выслеживали большого оленя и двух его самок, когда заметили их. Решили, что лучше вернуться и сообщить сержанту Хакону.

— Сотня или около того, — пробормотал Кьел. — Это много.

Разнар знал — все думают то же, что и он. С новым пополнением в Руссвике оказалось порядка сорока кандидатов, не считая Хакона и вооруженных гостей. Это был не очень хороший расклад, если дело дойдет до схватки. С другой стороны, здесь всегда имелось магическое оружие, которым были вооружены сержант и ему подобные. Сотня или тысяча — это не будет иметь значения против магии, которая могла разнести в клочья огромного морского дракона.

— Что же ответил сержант? —

спросил Рагнар.

— Он только постеялся и сказал, чтобы мы не беспокоились. Это было всего лишь зитнее переселение чужеземцев. Он объяснил, что они не причинят нам беспокойства, если мы оставим их в покое. Конечно, если они не будут слишком голодны.

Рагнар поразмыслил над услышанным. Упоминание о зитнем переселении означало, что эта группа была лишь частью какого-то более крупного племени. Вновь он ощутил свое невежество в отношении этой земли, куда принес его небесный корабль. Ему хотелось бы узнать о ней побольше.

Одно становилось все очевиднее. Чужеземцы, проходя через эту территорию, значительно сокращали на ней количество живности. Олень, которого принес Козоть Рагнара, стал первым мясом, добытым жителями лагеря в Руссвике за долгое время. Он мог оказаться и последним ввиду наступившей зимы. Запасы пищи в лагере постепенно истощались. Еще оставались мешки зерна

и немного подсохших овощей, вот и все. На сколько же их еще хватит и когда запасы будут пополнены? А еще Рагнар подумал о том, где же едят сержант Хакон и остальные Волки. Он никогда не видел, чтобы они делили пищу с кандигатами. Строго говоря, он даже никогда не видел, чтобы они ели. В этом было что-то сверхъестественное.

Он пожал плечами и оставил эту мысль. Сержант, возможно, ел там, где никто его не мог видеть. Может быть, у него был секретный запас провианта, откуда он и питался. Это тоже показалось Рагнару странным. Сержант Хакон не из тех людей, кто делает что-либо тайно. Зачем ему это? Он абсолютный господин и хозяин в этом лагере.

И все же Рагнар был обеспокоен. Зима становилась все суровей, а еды оставалось все меньше. В то же время к ним присоединились новые кандигаты. Это могло привести к беде.

-- Убей его! Убей эту свинью! -- орала толпа голодных кандигатов. В глинном

гоме вспыхнула драка: переворачивались деревянные столы, разлетались дымящиеся тиски с кашей.

Все произошло случайно -- Кьел нечаянно врезался в Микю и Вола, двух парней из Когтя Нильса, стоящих в очереди за кашей. Расплескалась тиска, заляпав стоящих едой. Их нервы, истрепанные неделями голода, суровых тренировок и жестокого обращения со стороны сержанта Хакона, наконец-то сдали. В считанные секунды оба накиннулись на Кьела. Мик прижал его к столу, а Вол колотил и пинал жертву.

Разгар выругался. И Мика, и Вола были здоровенными парнями и очень хорошими борцами. Ни Свена, ни Стрибьорна в зале еще не было. Тут ничего не поделаешь. Если никто не вмешается, то собратья из Когтя Нильса могут забить Кьела до смерти. А никто и не собирался вмешиваться. Все заняты тем, что подбадривали напавших.

Разгар бросился вперед. Он вскочил на скамью, пронесся по столу и прыгнул. Ухватив в прыжке Микю и Вола за шеи,

юноша увлек их за собой на пол. Голова Мики основательно приложилась к уютонтанному земляному полу. Разнар перекатился и вскочил на ноги, развернувшись навстречу Волу. Тот уже погнался с поразительной скоростью. Разнар сделал вынаг ногой и угодил противнику точно под подбородок. Вол рухнул спиной на стол, разбрызгав по сторонам еду.

— После этого ты не останешься на ногах! — произнес гордый новичок, перепрыгивая через стол, чтобы наброситься на Разнара.

— Ты это серьезно, мальчик? — прорычал Разнар, нанося ему мощный удар в подбородок. Другьям парня это явно не понравилось, и они тоже полезли в свару. Яростно устехаясь и выбирая себе очередного противника, Разнар спиной ощутил порыв холодного воздуха. Открылась дверь, и он услышал радостные вопли Свена и Стрибьорна, узревших разрастающуюся драку. Два могучих тела тут же врезались в атакующую Разнара толпу.

Это словно послужило сигналом к началу общей свалки. Без видимых причин в воздухе засвистели летящие во всех направлениях тиски с кашей. Скамьи тут же оказались переломанными, поскольку некоторые из участников побоища использовали их фрагменты в качестве оружия. В охватившем их бешенстве товарищ бросался на товарища, друг -- на друга. Каждый бился сам за себя.

Разнар отступил и толкнул кого-то. Он мгновенно развернулся с занесенным для удара кулаком и увидел, что это Квел. Соколиный Охотник также был готов нанести удар, но, увидев, кто перед ним, пожал плечами и глупо улыбнулся.

-- Пригнись! -- внезапно крикнул он. Разнару едва хватило времени, чтобы распластаться на полу, как у него над головой пролетел кусок разломанной скамьи. Даже не взглянув на противника, он с пола нанес ему удар ногой, попав в пах, и был вознагражден пронзительным визгом. Разнар тут же перекатился на бок, чтобы избежать соприкосновения с чьим-то телькнувшим ботинком, и

оказался под столом, временно выпав из
беседы яростной потасовки.

В зале царило безумие, его наполняли
яростный рев, дикие крики, пронзительные
вопли боли. Кровь заливала пол.
Кандидаты атаковали друг друга с
неистовством, которое устрашило бы
любого врага, каким-то непостижимым
образом они словно наслаждались этим.
Сражения и драки всегда являлись частью
культуры Фенриса, и возможно, парням
было даже полезно дать выход напряжению
таким образом. Разгара тоже охватило
всеобщее возбуждение, он полез из-под
стола и тут же схлопнул хук от Нильса.

Это был добрый удар, искры так и
посыпались из глаз. Разгар растянул губы
в устешке свирепого восторга -- противник
застыл на месте -- и тут же отправил
Нильса на пол шквалом ударов в голову, а
затем опять бросился в самую гущу
свалки, хохоча как помешанный.

-- Довольно! -- прорычал громоготовый
голос. Побойще мгновенно прекратилось.
Разгар затер, будто пригвожденный на
месте. В поле его зрения появилась

громадная фигура сержанта. Усмешка на его лице была не из приятных.

— Итак,— прогремел он,— вам больше некуда девать время, кроме как на драку? У вас настолько не нравится еда, что вы используете ее как оружие. Я не удивлен. Аса готовит такую колкватую кашу, что вы могли применить ее вместо катней для пращи. Тем не менее это расточительство. Кто затеял драку? — спросил он после паузы.

Никто не ответил. Сержант обвел взглядом зал. Его глаза встретились с глазами Рагнара. Юноша заставил себя выдержать взгляд сержанта.

— Никто, да? Полагаю, это означает, что все вы стожете пару раз взобраться на холм, чтобы избавиться от агрессивности перед сном. Но только после того, как вычистите этот свинарник.

По залу прокатился громкий ропот. Никого не порадовала мысль о том, что перед отдыхом придется тащиться на холм сквозь тьму и снег. Квел выступил вперед.

— Это был я, сержант. Я это сделал.

– Как, мальчик?

– Ну...

Заговорил Мика:

– Он врезался в меня, сержант, но я нанес первый удар.

– И что потом?

– Затем присоединился я, -- произнес Рагнар. Он ничего не сказал о том, как Мика и Вол налетели на Кбела. Не сержанту надо было наказывать за это. Он сам все понял.

– Так, значит, и ты?

– Затем полез и я, -- сказал Нильс.

– И я тоже! -- выкрикнул другой голос.

Внезапно в зале поднялся шум, когда все кандидаты стали заявлять о своей доле вины. «Можно подумать, эти идиоты рапортуют о своих заслугах в убийстве троллей», -- подумал Рагнар. Тем не менее он, как ни странно, почувствовал гордость за всех.

– Что ж, тогда все вы заслуживаете пробежки, не так ли?

– Так точно! -- дружно ответили они.

– Ну, тогда пора начинать, -- сказал сержант. -- Всем, за исключением Кбела.

Рагнара, Мику и Нильса. Они сначала наведут здесь порядок.

Хакон повернулся на каблуках и вышел из зала. Кандидаты последовали за ним в снеговик. Оставшиеся четверо смотрели друг на друга.

— Лучше взять ведра, — робко произнес Нильс, словно ожидая, что Рагнар вновь ударит его. Рагнар кивнул. Квел взглянул на него и улыбнулся.

— Спасибо, Рагнар, что пришел мне на помощь.

— Да что там, — ответил Рагнар. — Ты сделал бы то же самое для меня.

— Да. Они крепко пожали друг друга руки.

— Спасибо за синяк, Рагнар, — сказал Нильс. — Но не очень большое.

— О да, — начал, ухмыляясь Мика, — это была лучшая драка в моей жизни. Нужно будет как-нибудь повторить.

И они принялись за работу.

Пальцы Рагнара кровоточили, и это было опасно. Особенно в ситуации, когда он свисал с протерзшего выступа в доброй

сотне шагов над землей. Перед началом восхождения он обернул пальцы в оленью шкуру, чтобы защитить от мороза, но грубый материал расползся, когда он взобрался на скалу, и теперь в кожу вонзались острые края камня.

Порывы ветра срывали с юноши тунику и плащ из оленьей шкуры, который он стастирил сам, швыряли в глаза его глинную черную гриву. Сердце бешено колотилось. Капли холодного пота, казалось, замерзали на лице. Он пытался убедить себя не бояться, внушая, что здесь не о чем беспокоиться, что он переживал кое-что и похуже. Но в сложившихся обстоятельствах, когда под ногами зияла бездна, а неистовый ветер когтями впивался в тело, аргументы казались неубедительными. Несколько кандигатов уже погибли на этой скале. Только вчера Вол рухнул с нее навстречу своему року. Разнару вовсе не хотелось думать о том, кто лежал там, внизу, в течение бесконечно долгих минут со сломанной спиной и обратившимися в кровавую кашу внутренностями, чья кровь обазрала снег

вокруг, унося с собой по капле жизнь из искореженного тела. В ближайшие секунды Разнара могла постигнуть та же участь.

Он попытался за что-нибудь ухватиться, но его пальцы не могли нащупать ничего, кроме мелких острых выступов. Скала была ровная и холодная как лед. Ногами тоже не удавалось нащупать никакой опоры. Юноша понял, что начинает сползать навстречу своей смерти. Мысленным взором он уже видел это падение, почти ощущал стремительный полет сквозь пространство, торжествующий свист ветра в ушах, мучительную вспышку боли в миг встречи со стылой землей, и затем — бесконечный мрак смерти. Какая-то часть его разума почти приветствовала эту кончину.

После мук последних недель это оказалось бы почти облегчением. После той драки все стало гораздо хуже. Пища стала еще более скудной, а тренировки — еще более изнурительными. Случались и другие свары и драки. Одного из новичков нашли забитым до смерти возле глиняного

дома, и на сей раз никто не взял на себя ответственности. Сержант Хакон тоже не проводил серьезного расследования. Он заявил, что когда-нибудь правда выйдет наружу, а виновный не может скрыться навсегда.

Разнар не нашел эту мысль особенно обнадеживающей. К сожалению, он не разделял уверенности сержанта. Некоторые кандидаты больше не могли выдерживать напряжения и просто уходили в снеговик, куда глаза глядят. Их замерзшие тела находили потом неподалеку от лагеря. Как-то Свен, скривившись, высказал предположение, что эти тела могли бы послужить источником свежего мяса. Разнар надеялся, что он шутит.

Юноша покачал головой. О чем он сейчас думает? Как всегда в мгновения крайней опасности, его голова, казалось, работает с невероятной скоростью, но он использовал ее лишь затем, чтобы помечтать и вспомнить прошлое. А нужно было спасаться, и поскорее, пока пальцы не соскользнули с уступа и он не рухнул

навстречу судьбе.

Он яростно оторвал одну руку от уступа и опять почувствовал, что начинает скатываться назад. Разнаружился, бросая тело вперед, вытянув свободную руку в поисках опоры на стылом камне. Его затерзанные пальцы отказывались повиноваться, но юноша сосредоточил всю силу воли, чтобы заставить их действовать. Торжествуя, он ощутил под пальцами нечто напугивающее человеческие волосы. Должно быть, мох или лишайник, подумал он. Но торжество быстро обернулось отчаянием, когда Разнар ощутил, как мох поддался под его тяжестью. Он вытащил его с корнями. Пальцы юноши потеряли точку опоры, и он стал падать.

На короткий головокружительный миг он почувствовал, как его тело отделяется от скалы. Его спина изогнулась, и началось бесконечное падение сквозь пространство. В это мгновение он понял, что скоро утроет и никакая магия, никакое волшебство на сей раз не вернут его назад.

Затем сильные пальцы ухватили его за плечо, и его движение вниз на мгновение остановилось. Он поднял взгляд и увидел Кьела, смотрящего на него. Рагнар вознес хвалу Рүссү за то, что Кьел заметил его в трудности и вернулся. Он испытал облегчение и ощутил слабость. Тут он заметил, как напряглось лицо Соколиного Охотника, а затем почувствовал, что его рука стала выскальзывать из хватки Кьела.

«Нет», -- подумал Рагнар, сжав зубы и вновь отчаянно карабкаясь в поисках опоры, опасаясь за жизнь Кьела не в меньшей степени, чем за свою. Теперь, с той поддержкой, которую дала ему помощь Кьела, он утүдрился за что-то ухватиться и выползти на үступ.

-- Моя смерть гүляла очень близко, -- задыхаясь проговорил Рагнар через мгновение отдыха. Страх и физическое усилие превратили его голос в шипящий хрип.

-- Да, -- согласился Кьел, лицо которого все еще было мертвенно-бледным от безүмного напряжения.

— Я обязан тебе жизнью, — сказал Рагнар. Квел поднял взгляд на высившуюся перед ними часть скалы. Им предстоял еще долгий подъем. Рагнар понял, что он соразмеряет оставшиеся силы с тем восхождением, что им предстояло совершить. По выражению лица Квела было ясно, что вывод, к которому он пришел, неутешителен.

— Поблагодари меня, когда мы оба выберемся отсюда, — сказал Квел.

Они опять начали долгий подъем. Когда кандидаты наконец-то достигли вершины, руки и ноги их дрожали от усталости, дыхание со свистом вырывалось из легких. Сержант Хакон уже поджигал их. На лице его было задумчивое выражение.

— Рагнар, приходи в глиняный дом со всем твоим Когтем завтра на рассвете.

Но его тону юноша не смог сделать вывод, будет это хорошо для них или плохо.

Тусклый свет раннего утра просачивался сквозь узкие щели.

служившие окнами в большом доме. Нахлынувшим потоком горящего дерева и застарелым потом. Сержант Хакон навис над пришедшими. Стоя в его гигантской тени, Рагнар ощущал себя гномом. В глазах сержанта мерцал странный огонек, но на его каменном лице было невозможно ничего прочесть. Казалось, он рассматривает их, то ли собираясь прикончить на месте, то ли думая о чем-то еще.

— Вы хорошо справились, — наконец произнес сержант. — По крайней мере вам удалось уйти очень далеко. Все вы выжили и не опозорились. Здесь, в Руссвике, вам уже нечему учиться, и вы настолько окрепли, насколько это позволяют ваши жалкие тела.

Все взгляды были теперь прикованы к сержанту. Они слышали что-то новенькое! Эти слова намекали на изменение их статуса. Быть может, они присоединятся к другим Когтям, которые уже покинули Руссвик. Рагнар уже думал об этом. Никто из тех кандидатов никогда не возвращался. Его сердце бешено

колотилось о ребра.

— Вам дается возможность двинуться отсюда дальше, — продолжал Хакон. — Но не думайте, что это будет легко. Там, куда вы отправляетесь, жизнь в Руссвике будет восминаться как приятный маленький праздник.

Он утолк, чтобы его слова дошли до присутствующих. Услышав их от кого угодно, Рагнар счел бы эти угрозы преувеличением, но он знал, что Хакон никогда не пугает, а лишь хладнокровно констатирует факт.

— Вас могут отобрать, чтобы перевести на следующий уровень обучения. Если вы сможете пройти через Врата Моркаи.

Рагнару совершенно не понравилось, как прозвучали эти слова. В легендах его народа Моркаи — это двухголовый волк Рюсса. Он охранял врата самого нижнего ада. Бросив взгляд на своих собратьев по Когтю, Рагнар убедился, что значимость произнесенного имени произвела на всех должное впечатление.

— Как мы доберемся туда, сержант? —

спросил Кьел. Разнару было ясно, что он
изо всех сил старается, чтоб это
прозвучало весело, но в голос юноши все
равно проникли свинцовые нотки страха.

-- Скоро узнаете.

9. Врата Моркаи

Вновь Рагнар оказался в одном из больших небесных кораблей. Теперь юноша знал, что он называется «Громовай Ястреб». Но тому, как Хакон и другие говорили о «Ястребе», создавалось впечатление, что таких кораблей нетало.

Кьел, Стрибьорн, Свей и Рагнар были не единственными, кто взошел на борт летающего корабля и привязался к креслу. Он заметил, что призваны были также Мика и Нильс. Рагнар узнал еще Ларса, Хрольфа и Магнуса из своей группы кандидатов. Казалось, только они и выжили из всего набора. Никто из них не выглядел особенно веселым, и Рагнар догадывался, что все находятся под впечатлением от речи сержанта. Нильс попытался улыбаться, но выражение его лица было скорее задумчивым, нежели счастливым. Как и Рагнар, он думал о том, что ожидало их у Врат Моркаи. Раздался рев — это ожил «Громовай Ястреб». Затрясшись, он оторвался от

земли. Выглянув в круглое окошко, Рагнар увидел, как испаряется снег с крыльев корабля, поднимающегося вертикально вверх. Ускорение вдавило его в кресло. Тем не менее он не отрывал глаз от окошка, решив бросить последний взгляд на Руссвик. Удивительно, но после всех перенесенных здесь тягот и лишений Рагнар ощутил странную привязанность к этому месту. За последние несколько месяцев оно заменило ему дом. Как ни жестока была здесь жизнь, он привык к ней. А теперь его вновь отправляли на встречу с неизвестным, и это само по себе страшило. С тех пор как он прибыл в бедные просторы Асахейма, ему не встречалось ничего приятного, и он сомневался, что в обозримом будущем будет лучше.

Размышления о доме заставили его взглянуть на Стрибьорна. Глядя на жестокое лицо бывшего врага, он вновь испытал прилив ненависти. Рагнар с беспокойством осознал, что эта неизбывная ненависть дает ему мрачное чувство удовлетворения. Только она одна

была его единственным постоянным и надежным спутником.

Стрибьорн поймал взгляд Рагнара и ответил на него своим, не менее красноречивым.

-- Боишься, последний из Грохочущих Кулаков?

-- Нет, -- ответил Рагнар.

Час отпущения недалек, он знал это. В этом он был уверен. Перетирие, которое соблюдалось, пока они были в Руссвике, закончилось. Вскоре он займется Стрибьорном -- конечно, если оба они переживут проход через Врата Моркаи.

«Громовой Ястреб» мчался над заснеженной землей. На этот раз он взмыл не так высоко, как в прошлый раз, когда угрожал коснуться звезд. Корабль проносился над вытянутыми долинами меж гор, и его грохот пугал животных далеко внизу на ледяных полях.

Рагнар не знал, как быстро они летели, но скорость была невероятной. Казалось, ежечасно они покрывают такое расстояние, какое подготовленный человек преодолел бы за месяц. Тень корабля

началась по дикой местности под нити
быстрее тени любой хищной птицы.

Вся земля внизу была белоснежной, за
исключением зелени сосен, покрывающих
холмы. То тут, то там быстрый ручей
устреплялся через расселину в леднике,
ниспадая на землю глиняным шлейфом
брызг. Как ни удивительно, но с воздуха
горы казались еще громаднее. Они
поднимались к горизонту бесконечными
застывшими волнами, словно могучие
стражи, стоящие плечом к плечу против
нескончаемых атак ветра и дождя.

Теперь судно пролетало над
усыпанной камнями поверхностью ледника,
холодно сверкающего в проникающем
сквозь облака солнечном свете. Посмотрев
вниз, Рагнар заметил движущуюся группу
людей. Они не были одеты в меха, как все
другие люди, которых он видел зимой.
Несмотря на то что видение
промелькнуло очень быстро, Рагнар готов
был поклясться, что люди внизу носили
броню, как сержант Хакон, и имели такое
же оружие. Казалось, они помахали
пролетающему над ними кораблю, а в

следующее мгновение скрылись из виду.

Теперь под «Грозовым Ястребом» проносились изорванные ленты облаков. Корабль слегка затрясся, пролетая над ними. Вновь Рагнар ощутил в глубине души необъяснимое волнение. Должно быть, так чувствовали себя боги, когда смотрели вниз на мир, подумал он. Ему в голову пришло, что Хакон и его братья — могучие маги, наделенные знанием тайн волшебства, достаточно сильного, чтобы править этим миром, если бы они того пожелали.

Затем у него мелькнула мысль, что, возможно, они уже правят им, и мир устроен таким потому, что так захотели они в своих неизъяснимых целях. Быть может, все племена Фенриса являются не чем иным, как стадом во владении жестоких богов.

Не успев подумать об этом, Рагнар инстинктивно понял, что это правда. Разве сейчас он не летит на корабле, подобном тому, что использовали Избирающие Навших? И разве не были эти люди посланцами богов? Возможно, это

означает, что они живут рядом с богатыми или, может быть, в каком-то отношении сами являются высшими существами. Определенно, Ранек и Хакон обладают многими из легендарных отличительных черт Рүсса: его необычными волчьими глазами и глиняными клыками, его могучим умом и колоссальной физической силой. Несомненно, они состоят с ним в родстве — теперь Рагнар был в этом уверен.

Он не сомневался, что вскоре выяснит больше. «Гротовой Ястреб» уносил его в самую глубь тайны. Долгие часы шли один за другим, и земля, над которой они пролетали, становилась все более дикой и безрадостной. То тут, то там мощные гейзеры били струей в небо, и снег таял в шипящих облаках, поднимающихся над парящей поверхностью черных скал. Рагнару пришла в голову мысль, что это самое подходящее место для входа в ад.

Горы становились все выше и все пустынее. Время от времени на пути попадались какие-то чудовища, которые прыгали по скалам, покрытым

лишайником. Стаи гигантских волков поднимали головы, встречая приветственным воем проносившийся над ними «Громовай Ястреб». Бесплодные склоны были усеяны огромными пещератами. Немногочисленная растительность выглядела чахлой и увядшей.

Долины становились все глубже, их черные провалы выглядели зловещими. Горы тоже были все выше. Теперь скалистые великаны, окружавшие Руссвик, выглядели просто предгорьями, недостойными даже называться настоящими горами, хотя на самом деле даже они были самыми высокими из тех, что ранее видел Рагнар. А горы, над которыми они летели сейчас, поистине устрашали своими размерами. словно это была та самая стена, которую создали боги, чтобы лишить свободы демонов. Размеры гор просто ошеломяли.

Корабль со втиснутыми в кресла кандидатами грохочущей бурей мчался через глинные темные долины с каменистыми осыпями, пронесился над ледниками, сверкающими, словно белые

реки, там, где их касались лучи солнца. Быстрая тень скользила по замерзшим озерам и исчезала в облаках, которые окружали торчащие вверх утесы.

Рев «Громового Ястреба» усиливался, когда он пролетал между горами, будто даже эта колесница богов с трудом пробивала себе путь в разреженном воздухе. Небо становилось темнее по мере того, как они поднимались выше, и Рагнар был уверен, что видит холодное мерцание звезд.

Затем небесный корабль резко накренился, и Рагнар, у которого захватило дух, увидел колоссальную гору — самую большую из всех, что ему когда-либо доводилось видеть. Быть может, это была самая огромная гора в истории мироздания.

Она возвышалась над всеми остальными вершинами, как взрослый человек возвышается над малыши, а ее подножие скрывалось под облаками. Это была гора грандиозных размеров, достойная того, чтобы здесь жили боги. Рагнар догадался, что это и есть их

место назначения. Оглядывая потемневшую кабину «Грозового Ястреба», он видел, что остальные также лишились дара речи при виде великолечения гигантской вершины, представшей перед ними.

Глядя на вздымающуюся гору в свете утреннего солнца, он знал, что, пока жив, не забудет этого мгновения. Он никогда не забудет ни этого чуда, ни того страха, который породил в его душе вид этой могучей вершины.

По мере приближения к огромной горе звуки, издаваемые небесным кораблем, менялись. Он заметил скорость и начал снижаться. Когда они полетели к горе еще ближе, ее не стало видно целиком, но теперь они могли в подробностях разглядеть фрагменты ее поверхности.

Разгар увидел, что склон горы изрыт огромными пещерами. Внутри каждой из них темнела гигантская металлическая дверь — настолько большая, что ее размер не поддавался осмыслению. Разгар не мог и предположить, что на всем Фенрисе имелось достаточно металла, чтобы

обшить хотя бы одну из этих огромных
дверей. Он не имел представления, что же
могло скрываться за ними, и не имел
никакого желания выяснять это. Разнар
просто не мог себе представить ничего
столь большого, что нуждалось бы в таких
огромных порталах. Он вздрогнул,
охваченный благоговейным страхом.

Там было и еще кое-что: гигантские
металлические конструкции,
переплетенные чудовищными
извивающимися трубопроводами. Сначала
Разнар подумал, что это сама Элея
Срединного Мира держит гору в своих
кольцах, но, когда пристотрелся получше,
эта мысль сменилась другой, не менее
шокирующей: огромные металлические
конструкции были явно сработаны
людьми... или, может быть, богами. Они
связывали между собой стальные
сооружения, из которых били мощные
огненные струи. Юноша не знал, какой
цели служили эти жуткие механизмы, но
чувствовал, что в них кроется нечто
грандиозное.

Когда корабль снизился еще больше,

Разнар увидел, что каждое из гигантских металлических сооружений было размером с небольшой остров, настоящий холм из драгоценной стали. Огромные блюда, похожие на то, которое юноша видел на крыше Храма Железа, — казалось, с тех пор прошла целая жизнь, хотя и очень короткая, — вращались наверху этих мощных сооружений. Некоторые из них вроде бы повернулись и смотрели на приближающегося «Грозового Ястреба». Разнар прищурился и ухватился за привязные ремни, жадно глотая воздух, не в силах воспринять все чудеса и ужасы, которые по очереди вставали перед ним.

«Грозовой Ястреб» завис в воздухе возле одной из огромных металлических дверей. Глянув вниз, Разнар увидел на земле под ним нечто похожее на гигантский каменный бычий глаз. «Грозовой Ястреб» начал опускаться прямо на этот глаз. Юноша заметил, что корабль приземлился точно в его центре. Удивительная точность посадки поразила его, как удар мечом. Они покрыли сотни и сотни миль, пролетели над обширными

просторати континента -- и каким-то образом рулевой летающего корабля утудрился найти это пятно и посадить на него свою махину. Рагнар был уверен, что эта точность отнюдь не случайна, но является действием могучего волшебства, которого он пока не мог постичь.

Даже в затирающем рокете двигателей сквозь металлическую оболочку «Грозового Ястреба» Рагнар слышал странный пульсирующий скрипучий шум. Ужас обуял его, когда юноша увидел, что корабль проваливается под землю. Казалось, вокруг судна поднимаются стены, по мере того как оно поглощается землей. Желудок Рагнара подпрыгнул, а сердце ушло в пятки. Но, поразмыслив, он понял, что все это происходило с какой-то целью, и каменный диск являлся своего рода платформой, которая должна опустить корабль в глубь земли.

Он выглянул в окошко и был вознагражден последним видом вершины, головокружительно уходящей вверх, словно копье, нацеленное в брюхо небесам.

Они вышли из небесного корабля в просторную пещеру, потолок которой оказался высоким, как небосвод. Стены пещеры были гладкими и блестящими, будто оплавленные чудовищным жаром. Под грандиозными сводами плыли облака, которые закрывали огромные фрески на потолке. Рагнар с благоговением глазел на частично скрытые облаками сцены сражений между существами, которые могли быть только богами и демонами. В нишах по стенам стояли колоссальные статуи. Каждая из них была раз в сто выше человека и являла собой фигуру в доспехах и при оружии — как сержант Хакон или Ранек Волчий Жрец. Здесь волшебство представало в таких масштабах, что просто пухла голова.

Юноше никогда не приходилось видеть ничего подобного. Это огромное пространство освещалось магическими фонарями, которые давали свет ярче, чем тысяча ламп на китовом жире, благодаря чему в пещере было светло, как днем. Повсюду сновали странные и

таинственные фигуры, выполнявшие
непостижимые действия.

Разнар видел людей, одетых в такие
же доспехи, как сержант Хакон. Несколько
вооруженных людей прошли по пещере к
другим небесным кораблям. Затем он
замечал еще несколько существ,
казавшихся наполовину машинами, -- они
тыкали в небесные корабли глиняными
металлическими шестами, извергавшими
искры и языки пламени. Такие же люди
присоединяли глиняные трубы к подбрюшью
их корабля. Обслуживанием небесных
кораблей занимались и другие странные
люди, которые, казалось, целиком были
сделаны из металла. Они напомнили
Разнару судовых плотников с его родины. У
них был такой же вид мастеров,
полностью погруженных в свое дело.

Стоял оглушающий шум. Рев
небесных кораблей стесивался с лязгом
металла и криками тысячи голосов.
Металлические люди бряцали и
жужжали. Машины, на которых они
ездили, грели подобно тучам в грозу.
Разнар внимательно прислушался и понял.

что язык, на котором общались эти люди, совершенно не походил на его родную речь. Он был более резким и гортанным, хотя некоторые слова звучали довольно плавно. Пахло хитикатами, но совсем не как он сыромятен на его родине. Не было похоже это и на зловоние, стоявшее в городе Повелителей Железа. В воздухе ощущались свежесть и лютый привкус сырной ноткой сливочного масла и других веществ, связанных в сознании Рагнара с машинами.

Казалось, что воздух в его легких и земля под ногами вибрируют от шума. Все его органы чувств подвергались колоссальной нагрузке, ничего подобного ему никогда не приходилось испытывать. На мгновение юноша был совершенно сбит с толку, а затем его взгляд сосредоточился на единственном, что он узнал в окружающей его чуждости.

Из тени к ним шагнул Волчий Жрец Ранек. Неожиданно Рагнар вздрогнул от страха. Появление чародея всегда предвещало серьезные перемены в его жизни.

-- Добро пожаловать в Клык!
Приветствую вас в обителище Волков! --
воскликнул жрец. -- Надеюсь, вы готовы
предстать перед Вратами Моркаи?

Ранек повел их глиняными темными
коридорами в глубину горы. Он шагал
целенаправленно и уверенно, подобно
старому волку. Он точно знал, куда ему
нужно и как туда добраться. Разгар был
рад этому, поскольку они шли по такому
невероятному лабиринту, какого он и
вообразить себе не мог. Весь его родной
остров мог бы уместиться в одном из
здешних залов, причем не самом большом.

Время от времени он вынужден был
подавлять охватывающий его ужас. Его
неотступно преследовали панические
мысли. Что удерживает эту
изреженную гору от падения? Что если
она рухнет и заживо похоронит их? Как они
найдем выход? Бросив взгляд на бледные
лица спутников, Разгар понял, что они
разделяют его страх.

Рядом с ними двигались машины,
воины и еще что-то -- полуклюжие,

полумеханизмы. Несколько раз идущих обогнали повозки на огромных колесах, которые двигались сами собой и везли грузы, с которыми не справились бы и двадцать сильных мужчин. Поистине, подумал Рагнар, здесь действует могучая магия. Жители Клыка облагали такими машинами, по сравнению с которыми самые удивительные механизмы Повелителей Железа казались детскими игрушками.

Он почувствовал, что наконец-то попал в тайный центр мира. Словно откинулся занавес и открыл взору то место, где Темные Ткачи плели судьбы людей. Перед ним раскрывалось, как устраивается судьба живущих. Теперь Рагнар увидел место, где обитают боги, и это было удивительное зрелище.

Ранек привел их к гвум похожим на пещеры отверстиям в скале. Изнутри доносился странный свистящий шум. Над обоими отверстиями были высечены изображения большого двухголового орла. В когтях орел держал диск с эмблемой волчьей головы Рүсса. Рядом с одним

отверстием была нарисована светящаяся стрела, указывающая вверх. Рядом с другим была стрела, указывающая вниз.

— Входите, — произнес Ранек, показав закованной в броню рукой на левое отверстие.

Не раздумывая Кьел шагнул вперед. Раздался звук, похожий на крик, и юноша исчез из виду. Остальные замерли. Не ловушка ли это, подумал Рагнар. Нет ли там просто большой ямы? Или это действительно Врата Моркаи? Но вряд ли их везли так далеко, чтобы просто зарезать как баранов. Это неправдоподобно. Может, здесь должна произойти какая-то странная форма магического жертвоприношения? Не стоило и гадать. То, что он видел, стояло выше его понимания.

— Угу! — приказал Ранек.

Несмотря на страх, сжимавший сердце, Рагнар решил, что придется довериться старому чародею. Он шагнул в отверстие. На мгновение у него затерло сердце: под ногами он ощутил лишь воздух, а затем стал падать. Хотя он и решил,

что не будет кричать, с его губ сорвался
стон страха. Он отвесно летел вниз по
глубинному стволу шахты, и его мutilовало.
Перед глазами Рагнара мелькали красные
и желтые огни, скорость падения
возрастала. Теперь он понял, что попал в
ловушку и жизнь его кончена. Угрожающая
ему бессмысленная смерть вызвала
вспышку черного гнева, и тут же какая-то
невидимая сила схватила его мертвой
хваткой и затемила падение, так что он
медленно опустился на дно шахты. Когда
Рагнар, легкий, как перышко, прикоснулся
к земле и осознал, что не умрет, он
захохотал.

Тут он увидел другой выход и
стоящего там с широкой улыбкой Квела.

— Это было поразительно, — произнес
Соколиный Охотник. Рагнар смог лишь
кивнуть и улыбнуться в ответ.

— Гляди! — раздался крик.

Рагнар поднял взгляд и увидел
ботинки Свена, опускающиеся ему прямо на
голову. Он едва успел нырнуть в
ближайшую дыру, как Свен приземлился и
тут же последовал за ним. Один за другим

сверху посылались остальные кандидаты.

Наконец появился Ранек. Он приземлился легко, согнув колени, — судя по всему, жрецу приходилось делать это уже бесчисленное число раз. На его лице не было ни малейшей усталости. Раннар понял, что, какая бы магия ни действовала в этой шахте, в этом давным-давно нет ничего удивительного для чародея.

Жестом велел следовать за ним, Ранек отправился вперед.

Место, через которое они проходили, могло специально выбрать так, чтобы оно внушало ужас. Раннар подумал и решил, что так оно и есть. Было темно. В отличие от остальной части лабиринта, здесь не имелось ни одного сияющего шарика на потолке. Единственными источниками света были пылающие огненные ямы и окружающие их булькающие лужицы расплавленной лавы, испускавшие темно-красное свечение. Теплый воздух отдавал серой, над тропой вздымались облака обжигающего тумана. Дорога поглотила все внимание Раннара. Потерять опору означало здесь верную

смерть.

Ранек продолжал шагать, ни разу не оглянувшись, в полной уверенности, что кандидаты следуют за ним. Разнар понимал, что у него есть все основания для такой уверенности. Что еще могли сделать кандидаты? Никто из них не знал пути назад и не имел представления о том, какие тайны и опасности поджигали здесь опротетчивого чужака.

Впереди показался массивный свод. На нем были высечены две волчьих раскалившихся головы и жуткого вида руны, прочесть которые Разнар не мог. Ранек остановился и повернулся к ним лицом. Огин за другим все кандидаты собрались вместе. Подсознательно повинувшись дисциплине, усвоенной в Руссвике, они построились в шеренгу.

В этом месте царил атмосфера страха. Разнар ощущал его в горячем серном воздухе. Его волосы, влажные от пота, прилипли ко лбу. Юноша знал, что лицо его покраснело от жары. У него было такое чувство, будто он находится в обиталище огненных демонов. Здесь

действовали древние и могущественные силы, и Рагнар ощущал чье-то невидимое присутствие -- возможно, призраков или духов. Под сводами пещеры чувствовалась великая сила.

-- Вот Врата Моркаи! -- произнес Ранек, указывая на свог. -- Через них проходит путь к смерти или славе. Оттуда возвращаются лишь достойные принадлежать Волкам душой и телом.

Он сделал паузу.

-- Теперь для вас нет другого пути. Вы не сможете покинуть это место, не пройдя через эти врата. Тех, кто откажется, я швырну в огненную яму, и демоны поглотят их души. Есть лишь один вопрос: кто из вас пойдет первым?

Воцарилась тишина. Все взгляды были обращены на арку, за которой их явно поджидало зло. В души закрался суетный страх. Рагнар понимал, что остальные кандидаты переживают то же самое, что и он. Теперь они уже не смотрели через арку, полную тумана, а словно вглядывались в пасть гигантской твари, которая проглотит их одним махом.

Каждый понимал, что следует добиваться чести пройти первым, и тем не менее никто не двигался с места.

Разнар чувствовал, что здесь действует какая-то могущественная магия, которая сковала льдом страха его сердце и спинной хребет. С каждой секундой становилось все труднее двигаться, говорить и даже думать. Словно он крошечная птица, замороженная зимней. Ему хотелось что-то предпринять, но он не мог понять, что следует делать.

И в этот момент, затрев без движения, он вдруг осознал, что испытание уже началось, что эта странная магия -- его часть и что мужество -- одно из важнейших терил, по которым будут судить, достоин ли он избрания. Разнар с трудом заставил свой распухший язык пошевелинуться и разлепил застывшие губы. С огромным волнением он услышал свой голос, будто звучащий со стороны:

-- Я пройду через врата.

-- Тогда иди, парень! Чего же ты ждешь?

Словно механический человек или

заколдованная жертва волшебства из
страшной саги, Рагнар двинулся вперед на
негнущихся ногах, чтобы пройти сквозь
Врата Моркаи. У него сразу же
закружилась голова. Руны на воротах
засверкали. Высеченные там волчьи
головы словно бы ожили и приветствовали
его: духи волков, туманные и неясные, за
которыми тянулся кометный хвост
эктоплазмы. В ушах у него, казалось,
стоял едва различимый вон, какой могла
бы издавать стая призраков давно
мертвых зверей.

Он шел к арке, а вокруг него вились
духи. Они хлынули в его открытый рот и
ноздри. Он ощутил, как пар спустился по
горлу и заполнил легкие. Рагнар подумал,
что задохнется от такого спертого
воздуха, но заставил себя идти вперед,
подойдя вплотную к огромной могучей
арке...

На мгновение юноша решил, что уже
прошел Врата. Мельком он узрел трех
коштарных стариков, закованных в броню,
на их плечи были накинuty шкуры белых

фенрисийских волков. Затем возникло ощущение ужасного холода, за которым накатила волна мучительного жара и чувство падения — гораздо более сильное, чем он испытал в шахте. Время и пространство переплетались и распались на отдельные элементы. Казалось, его плоть вскипела, и внезапно Рагнар оказался где-то в другом месте.

Он стоял на протерзшей равнине. В отдалении он видел машины и странных людей. Некоторые из них были одеты в серые доспехи, похожие на те, что носили Хакон и Ранек. Другие облачены в кроваво-красные панцири, богато изукрашенные бронзовыми изображениями черепов, но все же странным образом похожие на доспехи людей в сером. Люди в сером сражались с воинами в красном, и в холодном свете тусклого белого солнца Рагнар увидел, что стоит на вершине горы трупов. От его ног откатилась отрубленная голова, а под сапогами хрустнули чьи-то кости. Он осознал, что тоже одет в серые доспехи, исцарапанные и прорубленные во многих местах. На их некогда блестящей

поверхности спешались его кровь, машинное масло и кровь врагов. В каждой его руке было по странному волшебному мечу — такому же, как у сержанта Хакон. У одного из них был сломан клинок и заметно поубавилось зубьев. Другой работал прерывисто, то пробуждаясь к жизни, взвизгивая и вибрируя в его руке, то затирая, словно оживляющее его заклинание переставало действовать.

Оглядевшись вокруг, Рагнар увидел мертвые тела. Здесь были Квел, Свен и Стрибьорн, а также сержант Хакон и Ранек. А тем временем его окружили люди в красном. У некоторых были откинуты назад шлемы, и их искаженные лица являли собой кошмарные пародии на человеческие. У других в прорезях забрал сверкали ужасной ненавистью красные светящиеся глаза. Он понял, что врагов чересчур много и они слишком сильны для него. Рагнар знал, что это слуга Хоруса — агенты предельного страха, враги Рюсса. Он знал, что во всей Вселенной нет убийцы беспощаднее. И понимал, что до смерти ему остаются считанные мгновения.

Один из воинов в красном знаменном
велел своим сторонникам остановиться.
Они замерли, словно гонимые, повинующиеся
команде хозяина, — но Рагнар знал, что
это лишь временная передышка. Они все
так же жаждут его крови, и даже воля их
грозного вождя не сможет удерживать их
долго.

Предводитель заговорил, и его низкий
голос был убедительным и искренним.

— Ты — могучий воин, Рагнар, —
произнес он. — Ты великий убийца. Ты
достоин присоединиться к нам. Бросай
свое оружие. Прили участие в ритуале
крови. Предложи свою душу Хорну. Живи
вечно и познай восторг вечной битвы.

«Кто такой Хорн?» — подумал
Рагнар. Это имя было странно знакомо и
ассоциировалось со злом. Но почему его
агенты добиваются преданности Рагнара?
Конечно, это не имело для него большого
значения, но Рагнар понимал, что это
предложение искренне, и оно отчасти
взволновало его. Воин в красных доспехах
предлагал ему вечность кровавой битвы —
как это было обещано героям.

последовавшим за Руссом. Более того, Рагнар знал: приняв участие в их ритуалах и надев красные доспехи, он более, чем когда-либо, сможет наслаждаться боиней, будучи вознагражден за измену силой столь же великой, что и у бога. На мгновение он ощутил трепет искушения. Почему бы не присоединиться к этим великим воинам? Отчего не предложить душу этому Хорну? Почему бы не получить бессмертие?

Однако, даже размышляя над этим, он испытывал отвращение. Он видел, что эти агенты тьмы -- заблудшие и проклятые создания. Они утратили что-то очень важное, и эта потеря сделала их низшими существами по отношению к людям. У них даже может итеться какая-то честь, но это совсем не то, что понимал под достоинством воина Рагнар. Их искаженные тела -- это отражение изуродованных душ, и этого уродства не могла скрыть изысканная красота богато украшенных доспехов.

Рагнар захохотал и плюнул в лицо предводителю, а затем ринулся в бой, разя

мечом направо и налево. Даже вонзившиеся в его тело клинки агентов Хаоса не заставили Рагнара пожалеть о принятом решении. Но под ногами вдруг разверзлась темная яма, и совершенно внезапно, не успев понять, как это произошло, он оказался в другом месте и в другом времени...

Теперь вокруг него высились стены живой плоти цвета свежего мяса. Они были пронизаны глиняными венозными трубками, по которым текли странные жидкости. Желтоватые своды из кости и хряща, поддерживавшие потолок, имели цвет старых гниющих зубов. Все вокруг покрывала омерзительно липкая красная слизь. Сапоги Рагнара издавали отвратительный сосущий звук всякий раз, когда он отрывал подошвы от пола, напоминающего язык. Воздух здесь был теплым, как кровь, спертым и тягучим. Повсюду вокруг Рагнар ощущал чуждую жизнь. Он чувствовал себя так, словно его заживо проглотила какая-то огромная чудовищная тварь.

Вновь на нем были серые доспехи, и опять его руки сжимали странное мощное оружие. В ушах звучали голоса, одновременно отдаленные и близкие. Среди них он узнал голос Квела, Стрибьорна, Свена. Какая-то магия приносила прямо ему в уши слова, звучащие непривычно плоско и бесчувственно. Он слышал, как гурьба говорят, голоса их были приглушены изумлением и страхом.

«Реально ли это?» -- спросил он себя. Он не был уверен в ответе. Все вокруг воспринималось как настоящее. Он чувствовал, как под ногами колеблется пол в такт дыханию исполинской твари. Он обонял диковинную вонь ее внутренностей. Эти странные запахи оставляли у него во рту долго не исчезающий ядовитый привкус. Но как это может быть реальностью? Он ведь погиб от клинков воинов в красных доспехах. Или его еще раз воскресили, как после сражения с Беспощадными Черепами? Или же ничто вокруг не было настоящим? Не находился ли он в плену какого-то сильного заклинания?

— У этого — сильная душа, — прозрел голос в его голове. Рагнар не узнал его, но по звучанию говоривший был стар и мудр. Почти сразу же после этих слов юноша ощутил, как в его разум хлынула неведомая сила, стиная сомнения, изменяя воспоминания, заставляя жить настоящим. Его тревоги сгинули прочь, как кровь, унесенная горным ручьем. Исчезли мысли обо всем, кроме грозящей опасности, когда он услышал отдаленный рев какой-то могучей зверюги. В его ушах громко зазвучали голоса его товарищей-кандидатов. И в этих голосах слышалась паника. Рагнар рискнул бросить взгляд через плечо и увидел искаженное ужасом лицо Кбела. Остальные брели позади. Обе его руки сжимали оружие, подобное тому, которое давным-давно, в другой жизни Рагнара, применил Ранек, чтобы уничтожить морского дракона.

Рагнар понимал, что никто из них не знает, как они здесь очутились. Все смотрели на него как на главного — так было в ту ночь, когда тролль утащил Хэнка. Они полагались на его силу, его

тужество и его знания. И хуже всего, что у него нет никакого представления о том, что делать. Он не знал ни где они находятся, ни как сюда попали, ни даже что за враг к ним приближается. Он был уверен лишь в одном: рядом опасный противник, и он несется на них со страшной скоростью.

— Сохраняйте спокойствие, — сказал Рагнар, надеясь, что никто не заметил нервозности в его голосе. Вновь прозвучал рев, и по спине юноши побежали мурашки. Что бы ни производило этот шум, оно было очень велико. И этих существ несколько. Звук донеслись сзади, но в ответ на них прозвучал странный клич из коридора, что лежал впереди. Затем оттуда раздался шум, похожий на писк тысяч крыс — или, быть может, на щелканье соен хитиновых ногтей.

Шум приближался. Рагнар услышал, как Квел в ужасе вскрикнул. Юноше пришлось сделать усилие, чтобы сохранить самообладание и не позволить страху Квела передаться ему. В этом он преуспел лишь отчасти. Облик того, что

неслось на них по коридору, приводил в
тупик.

Там были сотни монстров, ростом
превосходивших человека. У каждого
имелось по четыре руки, оканчивавшихся
здоровенными клешнями. Морды их были
как из ночного кошмара — с крошечными
глазками и чудовищными челюстями.
Быстрые, гораздо быстрее человека, они
преодолевали расстояние, отделявшее их
от группы Рагнара, с такой скоростью,
что глаз едва успевал уследить за ними.

— Все ты умрет! — воскликнул Квел, и
Рагнар был вынужден согласиться с ним.
Тем не менее, если ему предстояло
умереть, он собирался захватить с собой
некоторое количество этих монстров. И
он непременно сделает так, чтобы
остальные последовали его примеру.

— Встаньте и сражайтесь! — крикнул
он. — Или я сам вас убью, бесхребетные
труссы!

Рокот магического оружия наполнил
воздух. Та же магия, что когда-то убивала
дракона, принялась за нападающих
монстров. Рагнар пригнулся, когда над его

головой в чужовищ понесли огненные стрелы. Твари утирали, но недостаточно быстро. Головы их взрывались, тела разваливались на части. Кровь и тошнотворные жидкости хлестали на живой ковер. И все же противники подбিরались все ближе, словно необоримый прилив чуждого голода и ненависти. Разгара вновь начало охватывать отчаяние. Что толку сражаться? Почему бы просто не улечься на мягкий пол и не смириться с неизбежным?

Но он отказался признать поражение. Взревев от ярости и ненависти, Разгар прыгнул в самую гущу монстров, кося их направо и налево двумя своими клинками. Несколько чужовищ занялось им, остальные понесли дальше, к его соратникам. Юноша оказался в центре стерча из челюстей и клешней, которые раздирали его доспехи, добираясь до плоти. Все еще сражаясь, все еще стремясь убивать, он отчаянно сопротивлялся агонии, грозившей подавить его сознание, погрузив во тьму...

И вновь Разгар очнулся невредимым.

Одним взглядом он охватил то, что его окружало. Было темно. Небо освещалось чудовищными вспышками света. Громоподобный шум сотрясал воздух. Вокруг громоздились развалины крупного города — самого большого из тех, что он когда-либо видел, за исключением, пожалуй, Клыка. Чернеющие остатки вздымающихся ввысь зданий неясно вырисовывались над головой. Все они казались огромными, почти с горы.

На некотором расстоянии, в самом конце улицы, он увидел движущихся огромных существ из металла. Внешне они были похожи на людей, но раз в десять выше. В руках у них было оружие гигантских размеров, из которого вылетали лучи света, хлеставшие по небу, словно молнии богов. С их плеч тоже срывались молнии. На несколько мгновений воздух наполнился пронзительным воем, а затем издалека донесся грохот взрыва, казалось потрясший весь мир. Земля под ногами задрожала, будто животное под кнутом наездника. В воздух взметнулось облако черного дыма и обломков, которые

потом удивительно медленно начали опускаться на землю.

Разнар остотрелся. Он вновь был облачен в серые доспехи с эмблемой в виде волчьей головы. Юноша уже привык к ним, они сидели на нем как вторая кожа, делая его быстрее и сильнее. Опять у него в руках было то странное мощное оружие. На мгновение Разнар задумался, что же он здесь делает, но вновь ощутил могущественное присутствие древнего разума, и все его сомнения исчезли.

Оглядевшись вокруг, Разнар обнаружил, что остался один. Его отделили от товарищей. Впервые за многие месяцы -- одному Руссу ведомо, сколько их прошло -- он остался в одиночестве. Рядом нет никого, кто бы мог поддержать его, помочь, если он упадет, позаботиться о нем, если ранят. Юноша не представлял ни где находятся остальные, ни как он отделился от них на этой громадной и пугающей чуждой территории. Разнар заметил, что здесь солнце огромно, как раздувшийся красный шар, а небо -- зеленовато-синего

оттенка, какого он никогда прежде не видел. Он понял, что оказался ужасно далеко от родины, так далеко, что даже представить невозможно.

Разнар знал, что должен разыскать остальных, что нужен своим товарищам как командир, — но не знал ни где они находятся, ни почему он понадобился именно сейчас. Внезапно юноша ощутил себя маленьким, потерянным и одиноким, словно ребенок в густом лесу. Он подавил нахлынувшее отчаяние и зашагал в ту сторону, где шел бой. Чем дальше он здесь находился, тем более его изумляло окружающее.

Этот город построили люди. Это следовало из множества деталей. Картины с изображениями мирных семей, прорисованные так детально, что казались почти живыми, и помещенные в кристаллы, которые показывали изображение под разными углами по мере вращения. Книжки на языке, которого он не понимал, напечатанные так правильно и четко, как невозможно сделать на фенрисе. Детские игрушки из непонятного

материала, гладкие и прохладные наощупь.

Постепенно он стал осознавать масштабы того, с чем здесь столкнулся. Эта война велась такими средствами, которые его народ и представить себе не мог. В этом городе когда-то жило больше людей, чем во всем мире Разнара, но чудовищная сила сровняла его с землей так уверенно, словно боги спустились с небес и прихлопнули надоедливую муху. Быть может, именно так оно и было. У юноши закружилась голова, когда он попытался представить разрушительную мощь, обрушенную на этот город. Нет, она находилась за пределами его воображения.

Разнар осознал, что здесь ему опять брошен вызов. Его испытывают, и часть испытания состоит в том, что он должен приспособиться к окружающему миру, понять его и продолжать действовать. Юноша знал, что большинство его соплеменников просто замерли бы от страха, оказавшись среди этих исполинских развалин. Но он уже был другим, и для него обстановка не имела

значения. Он — Рагнар Трохочущий Кулак, и он будет сражаться здесь так же, как дрался когда-то на палубе корабля, и продолжит бой вне зависимости от того, появятся ли рядом товарищи.

Земля грозила, и Рагнар услышал приближающиеся тяжелые шаги. Один из гигантов, замеченных им ранее в отдалении, завернул за угол и теперь появился совсем близко. Он был выше Рагнара почти в десять раз, фигура его напоминала человеческую — правда, несколько тощеватую. Голова была вытянутой и блестящей, и по тому, как настороженно она повернулась, юноша понял, что гигант знает о его присутствии. Красные и желтые вымпелы на плечах чужовища развевались по ветру. Мощные руки гиганта держали странное продолговатое оружие.

Внезапно он рванулся вперед, покрывая расстояние гораздо быстрее человека. Рагнар почувствовал, что не в силах тронуться с места от нахлынувшего ужаса. Против такого монстра ему не сделать ничего. Даже чудесный меч

казался здесь столь же жалким, как щепка в руках ребенка против взрослого воина. Этот чудовищный гигант мог на ходу раздавить его в лепешку своим исполинским ботинком. Похоже, именно это он и намеревался сделать.

Поток воздуха обдал Рагнара. Мимо пронеслась огромная тень, сверху нависла чудовищная нога. В последний миг он овладел собой, решив предпринять хоть что-нибудь. Юноша попытался выскочить из зоны, на которую опускалась гигантская конечность, но она была слишком велика. Смерти уже не избежать. Взрыв от разочарования и ярости, желая хоть что-то сделать противнику, несущему неминуемую смерть, он поднял свой меч в жесте отчаянного сопротивления. Посыпались искры, когда зубья меча встретились с металлом гигантского ботинка. Это было последним, что он увидел, прежде чем огромная тяжесть обрушилась на его тело, дробя кости и обращая плоть в текучее желе...

Не переставая кричать, Рагнар сел

прямо и обнаружил себя в новой обстановке. Наверно, именно это и есть ад, а он обречен провести в нем вечность утирая тысячью смертей в странных незнакомых местах, сражаясь против сил, суть которых не состоянии постичь. Нет, сказал себе юноша, все это иллюзия, заклинание, наложенное теми могучими старцами, что поджигают его за Вратами Моркаи. Но он не позволит вороку оголеть себя.

— Этот, конечно, силен, братья, — произнес громоподобный голос в его голове. — Если он выживет, то будет причислен к самым могучим.

Вновь Рагнар ощутил чудовищную волну силы, которая нахлынула на его мозг, парализуя волю и лишая возможности сопротивляться. На сей раз он смог противостоять ей, используя каждую каплю своей свирепости и ненависти. Он не собирался допустить, чтобы его опять швырнули в эти чуждые тиры против его воли. Он не хотел быть тарионеткой каких-то древних волшебников. Он не собирался

поддаваться...

Что? Он не собирался поддаваться чему? Он не мог вспомнить. Не было необходимости вспоминать. Он стоял на берегу, созерцая закат. Деревья странного вида шелестели на легком ветерке. Воздух был теплым, полным незнакомых ароматов. Благоухали пышные цветы, каким ни за что не расцвести на унылых пустошах Фенриса...

- Разнар.

Юноша обернулся. Навстречу ему шла женщина, прекраснее которой ему не приходилось видеть в жизни. Нет, слово «шла» было недостаточно красиво, чтобы передать изящную грацию ее движений. Ее кожа была янтарной, волосы плавной волной ниспадали на плечи. Ее черты чем-то напоминали ему Ану - только Ану без изъязнов, Ану, у которой все недостатки были искусно удалены. Она улыбнулась, и Разнар почувствовал, как его сердце отчаянно подпрыгнуло. Эта улыбка созрела все вокруг, как солнце. Он почувствовал, что его влечет к незнакомке нежная сила.

хотя ее улыбка обнажила таленькие
острые клыки, как у хищного зверька.

— Значит, решил, — произнесла она.
Голос ее был музыкальным и волнующим,
как грех. Одно его звучание опьяняло,
словно полный мех вина.

— Что решил?

— Не играй со мной. Ты решил
присоединиться к нам? Встать в наши
ряды и предложить свою душу великому
господину Слаанешу?

О чем это она говорит? Кто такой
Слаанеш? Разгар не имел никакого
представления, о чем идет речь, но само
это имя было словно окрашено в цвета зла.
Более того, он почувствовал, что за
словами девушки скрывается какое-то
более глубокое значение — видимо,
причиной тому была слишком безупречная
красота, намекающая на более глубокую
реальность. Не было ли в ее тоне намека
на раздражение? Не приняла ли она его
непонимание за отказ? Что здесь на самом
деле происходит?

— Я еще ничего не решил, — ответил
он, чтобы выиграть время.

-- Это прискорбно, -- заметила девушка и потянулась к нему, чтобы поцеловать. Губы Рагнара затрепетали от этого прикосновения. Кожа красавицы словно источала легкий наркотик, ее прикосновение вызвало очень сильное, почти болезненное наслаждение.

Пока длился поцелуй, ему казалось, будто из него что-то вытягивают, самую сущность его личности, его душу. Это не было больно. Это доставляло удовольствие -- словно заснуть на мягкой постели рядом с красивой женщиной, насытившись всеми возможными наслаждениями. И все же что-то было не так. Не так он чувствовал себя с Аной. Внезапно Рагнар осознал, что не желает поддаться этому нежному разрушению, так же как не хотел быть раздавленным стальной ногой могучей боевой машины. Он попытался высвободиться -- и понял, насколько могущественна эта сила.. Это было похоже на низовое подводное течение: можете бороться сколько угодно, но в конце концов вас затянет вниз, на встречу с морскими демонами. Рагнар напряг все

свои силы, пытаясь сопротивляться, и осознал, что его жизненная сила высосана этой женщиной. Чернота сгустилась вокруг и затуманила взгляд...

Опять он очнулся в кошмаре. На сей раз юноша стоял перед большим черным алтарем. Повсюду двигались таинственные фигуры, а высоко над головами рогатое существо парило над большим светящемся диске, преодолевая силу тяжести силой своей магии. На глазах у Рагнара колдун спустился вниз. Вокруг когтистых рук чародея плясал световой ореол, но он не делал никаких угрожающих движений. Рагнар поднял оружие, но не нанес удара, желая посмотреть, что произойдет дальше.

— Что может дать мой хозяин в обмен на твою душу? — спросил чародей голосом, в котором звучала магическая сила. — Чего ты желаешь? Тебе нужно всего лишь подумать об этом, и оно будет твоим.

Тут же в воображении юноши возник непрощенный образ — трун Стрибьорна. Не

успел он даже попытаться скрыть свои мысли, как на алтаре появился связанный Стрибьорн, а руки Рагнара крепко сжали огромный жертвенный нож.

Ненависть скрутила его внутренности. Он вновь увидел своего отца, лежащего мертвым среди обгорелых руин родной деревни. Он увидел, как его народ угоняют в рабство на кораблях Беспощадных Черепов. Юноша заново пережил поединок, в котором он убивал Стрибьорна, а Беспощадный Череп лишал его жизни. Ему захотелось поразить беззащитную грудь врага, и он чуть не всадил в нее нож. Он уже чувствовал, как клинок вонзается в тело Стрибьорна, как сталь скрежещет о кость, как хлещет кровь. Но рука его застыла в воздухе -- Стрибьорна был атлет с таким же изображением волчьей головы, какое отмечало серые доспехи Рагнара.

-- Давай же! Бей! -- сказал чародей. -- Отомсти! Души твоих предков требуют этого. Бей!

Рука Рагнара дрожала от желания нанести удар. Больше всего ему хотелось

сейчас обрушить нож на беззащитного врага. Юноша понимал, что в то самое мгновение, когда он сделает это, душа его отойдет богу чародея, но искушение вонзить кинжал было слишком велико. Да, тем самым он предаст людей, вместе с которыми тренировался, носивших такие же доспехи, как и он, -- но предвкушение мести застигло все.

Но внезапно Рагнар осознал, что если он сейчас ударит, то предаст не только слуг Рюсса, но и свое племя, став презренным изменником. Если он нанесет удар, Фенрис будет разрушен и все его народы попадут в рабство. Юноша замер, балансируя на лезвии ножа, ища равновесия между жаждой мести, с одной стороны, и чувством долга -- с другой. На этих весах колебалась судьба мира, на одной их чаше лежала его собственная всепоглощающая ненависть, но на другой -- понимание того, что его имя навечно будет обесчещено.

«А что это значит? -- спросил внутри него спокойный, тихий голос. -- Что значит для тебя все люди Фенриса? Твои кровные родичи убиты вот этим человеком и его

соплеменниками. А обитатели Клыка лишь заставили тебя испытать боль, унижение и лишения».

Если, убивая Стрибьорна, он вызовет разрушение своего мира, что ж с того? Далее последует лишь всеобщая гибель, Беспощадных Черепов снесет тем же кровавым приливом, и последняя месть останется за ним. Месть настолько полная и окончательная, что ее никогда никому не превзойти.

Рука Рагнара грозила, и клинок стал опускаться. Он попытался бороться с искушением. Не такой мести он желал. Это будет не честной победой в горячей смертельной схватке, а грязным убийством связанного врага, чью душу поглотит темная сила. Это недостойная месть.

— Отомсти, как тебе нравится, — изрек чародей. — Но отомсти!

Он сделал жест, и цепи упали со Стрибьорна. Беспощадный Череп вскочил на ноги.

— Предатель! — возопил он и бросился на Рагнара. Юноша уложил его ударом

рука и, повинуясь рефлексу, занес руку, чтобы всадить нож в грудь старого врага. И вновь он остановился.

Снова Рагнар осознал, что является заложником в руках сил, куда более могущественных, чем он. Вновь перед его мысленным взором возникли те ужасные старцы, что таились за Вратами Моркаи. Где-то там, вдалеке, они играют с ним, исследуют самые сокровенные тайны его души, тщательно изучая все его мысли и оценивая, достоин ли он.

Эта мысль наполнила его гневом, что было горячее ненависти. Кто они такие, чтобы судить его? Как они смеют играть с его разумом по своей воле? Он больше не потерпит этого!

Рагнар прикусил язык и сжимал зубы до тех пор, пока боль не пронзила все его существо. Снова подняв нож, он вонзил его себе в живот.

— Этим игр больше не будет! — воскликнул юноша, падая на колени и глядя, как кровь собирается в лужицу под ногами. Губы его искривились, он зарычал от ярости и боли.

Мир угрожал. С потолка посыпались
камни. Все вокруг стесалось, плясало и
таяло.

-- Я -- Разнар, и я бросаю вам вызов! --
прохрипел он, когда темнота, полная и
окончательная, овладела им в последний
раз.

10. Чаша Вульфена

Разнар просыпался медленно и болезненно. Он чувствовал себя усталым, как человек, в очередной раз поднявшийся из мертвых. Казалось, исчерпана вся его энергия, вся его жизненная сила. Он смог выполнить очень немного из выпавшего ему сурового испытания. Этот бесконечный кошмар насилия и смерти перетряхнул и исследовал все слабости его души. Когда юноша посмотрел на свое тело, то удивился, не найдя на нем никаких следов -- ни ран, ни ушибов. Он не мог избавиться от ощущения, что они должны быть.

Сейчас Разнар был обнажен. Он лежал на холодной каменной плите в пещере. Свет давала одна из необыкновенных магических сфер. На соседних плитах лежали остальные кандидаты. Он узнал Свена, Стрибьорна и Кьела; кроме них здесь было несколько незнакомых ему людей. Дыхание, исходящее из уст лежащих, поднималось

облачком пара в холодный воздух пещеры.

Рагнар вздрогнул и осознал, насколько он затерз. Юноша поднялся с плиты и окинул взглядом другие тела. У одного из кандигатов, которого он не узнал, казалось, дыхание отсутствовало.

От ледяного холода ноги Рагнара сразу занемели. Он подошел и осмотрел бездыханное тело, затем положил руку на грудь юноши. Она была холодной, сердце не билось, а конечности уже одеревенели. Значит, это правда, — проходя через Врата Моркаи, и в самом деле можно умереть. Он снова вздрогнул, не понимая, от холода или от страха. В голову пришла мысль, что он сам едва не разделил участь этого бедняги.

Рагнар почувствовал, что в нем зарождается спокойный ледяной гнев. Его разозлило, что кто-то рылся в его душе, словно грабитель, обшаривающий чужой дом. Кто дал этим людям право поступать так? Или, скорее, что заставляет их думать, будто они обладают таким правом?

Однако тут он задумался сам. Кем бы

ни были эти существа, они наверняка делают это с какой-то целью. За всеми этими безжалостными испытаниями, за этим постоянным отсевом слабых и недостойных должен крыться какой-то великий план. В противном случае это занятие будет бессмысленным. Ведь не могло же оно, в конце концов, оказаться всего лишь жестоким развлечением праздных богов!

Но Разнар знал лишь одно: он замерз, устал, голоден и хочет убраться из этого кошмарного места. Юноша приблизился к выходу из пещеры и увидел, что за ним лежит другая пещера. В ней тоже находились каменные плиты, но они были пусты. Здесь стояло лишь одно из этих странных существ, полүлюдей-полүташин. Оно наблюдало за ним. Один глаз существа был человеческим и синим, другой — изготовлен из стекла и стали; он отражал свет, словно крошечное солнце. Существо повернуло голову. Раздалось странное жужжание, и Разнар увидел, что его шея частично покрыта металлом, а стальной воротник соединяется с

металлической пластиной, покрывавшей
грудь.

— Уди со мной, — сказала существо
странным бесстрастным голосом с
незнакомым Рагнару акцентом.

Юноша подчинился. Они прошли через
несколько металлических дверей, и чем
дальше, тем теплее становился воздух. В
последней комнате лежала одежда из того
же растягивающегося материала, как и
туники, которые им когда-то выдали в
Руссвике. Однако на этих одеяниях
имелись нашивки с изображением когтя, а
на груди красовалась эмблема с волчьей
головой. Рагнар остановился и, не
дожидаясь приглашения, оделся. Затем он
последовал за человеком-машиной в
большое помещение, где его уже поджидал
Ранек с тремя внушающими ужас
старцами, что наблюдали за ним из-за
Врат Моркаи. Ранек бросил на Рагнара
странный взгляд, а затем холодно
улыбнулся, показав свои большие клыки:

— Задал ты нам головоломку, парень!

Рагнар посмотрел на него, а затем
на старцев в доспехах и с волчьими

шкуралми. У них было чуть меньше седины, чем у Ранека, но вид этих людей вызывал ощущение могущества и какой-то особенной силы. В них чувствовалось нечто сверхъестественное, в этом Рагнар ошибиться не мог. Он часто подозревал, что Ранек — могущественный чародей, но теперь увидел, что это не так. Старцы — вот настоящие волшебники, повелители рун, провидцы, способные проникать в умы других. Он почувствовал, что его гнев и страх обращаются на них. Если старцы и ощутили это, то не подали виду. Они смотрели на юношу, как можно смотреть на собаку, размышляя о ее покупке. Рагнар вновь взглянул на Ранека.

— Никто еще не был так близок к неугаче, — произнес Волчий Жрец. — В тебе есть изъян, парень, и это может привести тебя к гибели.

— Изъян?

— Ненависть. Ты ненавидишь слишком сильно.

— С каких это пор ненависть стала изъяном для воина? Ненависть к врагам делает мужчину сильным.

-- Да, но ненависть к товарищам -- это потворство своей слабости. Воин не может себе это позволить.

-- Да?

-- Ты ненавидишь Беспощадного Черена и хочешь отомстить ему.

Разгар не видел никакого смысла отрицать это:

-- Да, я ненавижу Стрибьорна.

-- Ты не первый, кто попал сюда таким путем, парень. Мы часто отбираем воинов, дравшихся в одной битве с обеих сторон. Часто старые враги присоединяются к нашим рядам одновременно. И все они учатся сражаться вместе, бок о бок.

-- Это меня удивляет.

-- Это не должно тебя удивлять. В ходе подготовки между кандидатами возникают крепкие связи. Лишь в твоём случае это оказалось не вполне успешным.

-- От меня нельзя ожидать, что я позволю спокойно жить своему врагу.

-- Ты должен решить, что важнее: убить своего врага или прожить жизнь с честью в служении великому делу. Самому

великому. Поверь мне, в будущем, если ты останешься жить, у тебя появится достаточно врагов, чтобы утолить жажду мести.

— То есть я должен пощадить Стрибьорна или не пройду ваше испытание?

— Нет, ты должен пощадить Стрибьорна. Или умрешь.

— Почему вы говорите мне это?

— Потому что в тебе есть зачатки великого воина, парень. А нам отчаянно нужны великие воины. Но эти воины должны быть искренними со своими товарищами и преданны им, или же они станут бесполезны для нас и для себя. Берегись, парень, путь твоего сердца во тьму и трагедия лежит через ненависть. Помни это всегда.

Разнар задумчиво посмотрел на старика. Он не нашел ответа, поэтому промолчал. Юноша поглядел на остальных, но их изборозжденные морщинами лица были непроницаемыми.

— Иди в приемную и обожди, — сказал ему Ранек. — Скоро ты узнаешь, какое

решение мы примем.

Разнар стоял на краю огромного амфитеатра, находящегося рядом с Клыкот. Гигантская чаша была так велика, что могла бы вместить десятки тысяч людей, а не несколько десятков кандигатов, замерших в ожидании на ее дне. Сквозь штормовые тучи время от времени пробивались лучи солнечного света. Было прохладно, но ветру носились маленькие хлопья снега. Посреди арены находился гигантский помост с изображением головы волка. Усполинские статуи с волчьими головами стерегли вход.

Ранек стоял в центре помоста, глядя на кандигатов. Его холодный взгляд заставил Разнара почувствовать свою незначительность.

— Вы хорошо проявили себя, добравшись сюда, — произнес Волчий Жрец. Его спокойный хриловатый голос без усилий разносился по всей арене.

Он хороший оратор, да и акустика здесь великолепна, подумал Разнар. Слова

Ранека странно подействовали на него. Он ощутил, как сердце переполняет гордость. Это была первая похвала, которой удостоились кандидаты.

— Вы прибыли сюда из Руссвика, Гримнира и Валксберга — мест, где оценивают кандидатов, — произнес Ранек. — Вы выжили там, где другие погибли. Вы доказали, что достойны принять участие в финальном состязании, где будут отобраны воины для пополнения наших рядов.

Он на мгновение умолк, чтобы дать этим словам дойти до слушателей. Разгар увидел на лицах улыбки и понял, что слова Ранека подействовали на него так же, как на остальных. Как это и задумывалось, подумал он кисло.

— Да, вы прошли через многое. Но до сих пор это было детскими играми по сравнению с тем, через что вам придется пройти теперь. Настоящее испытание только начинается.

Все кандидаты, как один, испустили стон. Прежде чем продолжить речь, Ранек злобеще улыбнулся.

— Не скүлите. Как только вы поймете, почему вам требуется новое испытание, вы увидите нашу цель. Вы узнаете, чему вы подвергаетесь, и осознаете, зачем это нужно. Вы дошли сюда и заслуживаете того, чтобы узнать все до конца.

Воцарилась тишина. Присутствующие поняли, что вот-вот снимут поделятся великой тайной. Разнар поймал себя на том, что погался вперед и навострил уши, ловя каждое слово Волчьего Жреца.

— Кто мы такие, как вы дүмаете? — спросил Ранек. — Как вы считаете, кто живет в этой огромной горе?

— Воины Рүсса! — возопил Стрибьорн.

Ранек застесался, и от его стеха по коже побежали мурашки.

— Да, это так. Конечно, мы — Избранные. Подобно тем, кто пришел сюда до нас, мы были когда-то избраны для своего дела. И те, кто пришел до них, тоже были избраны. И так — с самого начала времен, когда Рүсс пребывал среди людей, и Император, Отец Всего Сүщего,

вел свои великие войны против сил тьмы.

Сейчас вы стоите в месте Избранных. Клык — одна из крупнейших крепостей в грандиозной войне, которая непрерывно кипит между человечеством и теми силами, что стремятся его уничтожить. Это место, откуда великие войны отправляются к звездам и выполняют миссии, от которых зависит судьба миллионов.

У вас нет никакого представления о том, насколько важна их деятельность. У вас еще не можете пока это осознавать. Даже если вы останетесь в живых, то пройдет много лет и, быть может, множество жизней по человеческому измерению, прежде чем вы только лишь начнете понимать важность вашего служения.

Вы думаете, что избраны, чтобы пополнить ряды бессмертных, чтобы сражаться рядом с Руссом в День Гнева. Это истинная правда. Клык — это дом воинского братства, Ордена, как мы называем его. Мы все — сыновья Русса, призванные из его народа. Мы именуем себя Костишками Волками, и однажды

вы поймете почему.

Я расскажу вам о Рүссе. Некоторые из вас думают о нем как о могущественном духе, о божестве, который наблюдает за всеми людьми. Но он не был богом. По крайней мере не в том смысле, какой люди вкладывают в это слово. Рүсс был человеком -- но больше чем просто смертным. Он был сверхчеловеком, которого подняли над обычными людьми. Его могущество и технологии Отца Всего Сущего. Он был сильнее, быстрее, неуловимее и могущественнее, чем вы можете себе представить. Он основал наш Орден, чтобы вести его в бой. Он избрал наш народ, людей фенриса, своими воинами. Он отбирал только самых суровых и лучших из наших предков, ибо лишь они были достойны его наивысшей оценки. Такова традиция, которой мы придерживаемся даже в эти не столь великие дни.

Утолкинув на минутку, Ранек посмотрел на слушателей. На его глаза упал солнечный свет -- и в них будто бы вспыхнуло пламя. Никто из

присутствующих не смог бы выдержать
этот взгляд.

— Я ношу в себе знак Рюсса. Все
Волки, которых вы встретите в этой
крепости, тоже носят его. Этот знак
изменил меня, сделав отличным от
прочих смертных. Он пролил мне жизни
на века, сделал быстрее, сильнее и
могущественнее любого из простых людей,
которых вам доводилось или доведется
встретить. То же может произойти и с
вами.

Ранек вновь умолк. Кандидаты
перезглянулись. Рагнар знал — они
размышляли о значении этих слов. У него
самого голова шла кругом от услышанного.
Откуда этот старик может знать, какими
был Рюсс? Как может он с такой
уверенностью говорить о древних
временах? Насколько мог судить Рагнар,
жрец не был безумцем и вел себя так, как
будто абсолютно верил в свою правоту.
Конечно, он отличается от всех
смертных, которых юноша когда-либо
встречал. Он крупнее, сильнее, быстрее. Он
обладает этими ужасающими клыками и

странными волчьими глазами.

— Я говорю «может быть», потому что есть и другая возможность, — продолжил жрец. — Испытание может убить вас или же обречь на жизнь, что хуже смерти. Оно способно превратить вас в чужовищную тварь, в вүльфена — существо, большее, нежели простое животное, но меньшее, чем человек. У многого другого тоже может пойти не так.

Старец сделал жест, и внезапно стало темно. Теперь был освещен только оратор, стоявший в светлом пятне. Рагнар услышал, как кто-то из кандидатов пробормотал слова о колдовстве, и скептически хмыкнул. Он видел слишком много чудес с тех пор, как прибыл сюда. Скорее всего, у старца есть какие-то скрытые средства управления этим вечно горящим светом. Возможно, свет испускают обычные механизмы — такие же фонари, какие существуют на его родине, только более сложные по устройству.

Но то, что произошло дальше, заставило Рагнара усомниться в своем

предположении.

— Смотрите внимательно, — сказал Ранек. — Скоро вы сделаете первый шаг по пути познания.

Он снова сделал жест, и внезапно в воздухе над ним появился обнаженный юноша такого же возраста, как и остальные кандидаты. Он выглядел столь реальным, что сначала Рагнар подумал, будто этот человек материализовался прямо из холодного разреженного воздуха. При более внимательном рассмотрении стало ясно, что юноша совершенно не двигается, а если хорошенько пристотреться, то сквозь него можно увидеть удаленные предметы. Он действительно был прозрачным, подобно призраку или духу.

— Это человек. Парень, очень похожий на вас. Смотрите, что случится дальше. Вы увидите, что происходит, когда добавляется знак Рюсса.

На глазах у Рагнара юноша стал изменяться. Его тело стало более мускулистым и волосатым, ногти на руках и ногах свернулись, став похожими

на когти. Глаза приобрели странный вид, напоминая очи волка, — такие же, как у Ранека и Хакона. Из десен показались звериные клыки. Весь облик человека теперь излучал какое-то особенное могущество, которое Рагнар привык ассоциировать с хозяевами Клыка. Юноша услышал возгласы удивления, издаваемые другими кандигатами.

— В конце этого преобразования, если все пройдет хорошо, вы станете во много раз сильнее и быстрее, чем сейчас. Вы научитесь самостоятельно залечивать свои раны. Ваши чувства станут острее, а сами вы сделаетесь отважнее и яростнее, чем когда-либо. Если все пройдет хорошо. Если же перетены пройдут неправильно, то с вами приключится кое-что похуже.

Во взгляде висящего в воздухе юноши появилось выражение тупой свирепости и безумия. Он неловко пошевелился и с диким видом огляделся по сторонам. Теперь из его лица почти исчезло все, говорящее о разуме.

— Вы можете сойти с ума или стать кандигатами...

Изменения продолжались. Густой волосяной покров продолжал расти, пока не покрыл все тело, словно шкура зверя. Черты лица тоже скрылись под шерстью. Когти на руках и ногах удлинялись, пока не стали огромными, а клыки увеличились настолько, что лицо человека исказилось, отерзательно раздувшись. Выражение свирепого голода совершило эту уродливую трансформацию. Разнар вспомнил существо, что однажды привиделось ему во сне. Оно выглядело в точности так же, как сейчас этот юноша, за исключением цвета шерсти. Теперь Разнар не сомневался, что тогда он видел вүльфена.

— ...или превратиться в вүльфена. Почему, спросите вы? Потому что знак Рүсса высвобождает дух животного, который есть в каждом из нас. Некоторые достаточно сильны, чтобы управлять зверем. Другие позволяют зверю управлять собой. В этом случае рождается вүльфен.

Все это может произойти, когда вы выйдете из Чаши Вүльфена. Если вы переживете это первое превращение, то встанете на путь, который приведет вас в

Космические Волки.

Сейчас перед вами стоит один вопрос: сумеет ли в вас то, что позволит справиться с тварью внутри вас? Или же вы сдадитесь, и она поглотит вас.

Разнар смотрел на старца и думал над его словами. Казалось, им не давали никакого выбора. Еще одно испытание, которое они должны пройти. Неужели они никогда не кончатся?

В Клыке было невозможно отличить день от ночи. Их развели по отдельным комнаткам и заперли в них. Там каждого кандидата ждала еда. Она состояла из горячего мяса, свежеевыпеченного хлеба и эля, слегка отдававшего металлическим привкусом. Разнар проглотил ужин одним махом, словно в последний раз. Ему показалось, что ничего вкуснее он никогда не ел.

Покончив с едой, он стал расхаживать по своей комнатке. Первым делом юноша подергал дверь, но она оказалась заперта, и открыть ее было выше его сил. Внезапно свет погас, и комната погрузилась в темноту. Делать

было больше нечего, он на ощупь нашел тюфяк, улегся на него и в считанные минуты уснул.

Разнару снились мрачные сны. Какое-то чудовище преследовало его в лабиринте. Как бы он быстро ни бежал и как бы искусно ни прятался, тварь всегда оказывалась рядом, в нескольких шагах позади. И он понимал, что не остереживается оглянуться, ибо если сделает это, то увидит у чудовища собственные черты.

Когда он проснулся, все его тело покрывал холодный пот.

Храм производил потрясающее впечатление. Он был украшен искусной каменной резьбой и облицован полированными плитами, потускневшими за многие века. Пол истерся от множества прошедших ног. Несмотря на всю роскошь, Разнар нашел помещение угрюмым. Сияние лампы создавало в центре островок желтого света, в котором располагалось самое ценное, что имелось в древнем зале, — алтарь, вытесанный из цельного

катня и украшенный волчьими головами. На его поверхности, покрытой сложными причудливыми узорами, стоял потир из неизвестного металла, и на нем тоже имелось изображение волчьей головы -- эмблемы Костиических Волков.

Ранек, старый, как сам храм, находился здесь же. По обе стороны от него стояли два воина в масках и таких же доспехах, как и Волчий Жрец. Рагнар заметил, что у одного из воинов правая рука была целиком металлической. Любое ее движение сопровождалось щелчками и жужжанием. У каждого из воинов имелось нечто похожее на молот. Рагнар тут же подумал о молоте Рюсса, Несущем Молнию. Возможно, это было какое-то похожее оружие.

Ранек пристально посмотрел на кандидатов, а затем прошел к алтарю. Он взял потир своими большими грубыми руками и поднял его над головой, словно собирался разбить вдребезги об землю.

-- Узрите Чашу Вульфена, -- произнес он. В хриловатом голосе жреца прозвучали странные нотки, и Рагнару

понадобилось какое-то мгновение, чтобы
понять, что это благоговение. --
Смотрите на нее и изумляйтесь. Вы
видите предмет, который старше этой
крепости, артефакт, выкованный на заре
времен слугами Отца Всего Сущего. Этот
потир Орлен пронес с собой через Великий
Крестовый Поход. Он был частью нашего
наследия в мрачные времена Великой
Ереси и войны с Хорусом. Руки самого
Руса сжимали его в глубокой древности.
Глядите на него и думайте над моими
словами.

Разнар размышлял. Если Ранек
говорит правду (а у него нет причин
усомниться в сказанном), то этот
предмет некогда держал в руках сам бог
его народа. Это самая старая вещь,
которую юноша когда-либо видел. На
первый взгляд в сосуде не было ничего
особенного, но Разнару показалось, что на
краях потира внезапно появились сияющие
руны, а вокруг них заплесал ореол
странного света.

-- Мы не зря называем это Чашей
Вульфена. Древние, изготовившие этот

сосу, наделили его могучей магией. Кто бы ни пил из него, если он достоин, получит знак Рүсса, а с ним -- и свою долю сил человекобога. Если же он недостоин, то заплатит ужасную цену. Послушайте же историю Вүльфена и узнайте, почему все происходит так, а не иначе.

В те дни, когда Рүсс впервые появился на Фенресе, чтобы набрать себе воинов, среди народов нашей планеты жил ярл по имени Вүльфен. Он был могучим человеком, свирепым и сильным, гордым своей властью. Оно был самым одаренным в искусстве войны. За всю жизнь его превзошли лишь однажды -- и это был Рүсс. Он победил ярла на поединке перед всем его народом, но, видя перед собой достойного бойца, пощадил его и предложил место среди своих воинов.

Рүсс обратился к собравшимся мужчинам Фенреса и рассказал им о своем плане. Он предложил им силу и долгую жизнь, если они последуют за ним воевать среди звезд. Они ревом выразили свое согласие и провозгласили Рүсса вождем. Но он сказал, что воины должны выпить

волшебный напиток из великой чаши, и так начнется их преображение. Вүльфен первым выступил вперед и одним глотком выпил прославленный мед Рүсса из потира.

Но в Вүльфене таилось зло. Его пожирала тайная ненависть к Рүссу, и он натеревался предательски отомстить человеку-богу. Дүх-хранитель чаши увидел это в то мгновение, когда Вүльфен поднес ее к губам. И благодаря магии чаши внешний облик ярла изменился, отразив в нем его внутреннюю злобу. К ужасу всех присутствующих, великий вождь обратился в кошмарное существо — получеловека-полуволка. И эта тварь прыгнула на Рүсса с воет ненависти. Но Рүсс не испугался. Одним ударом он сокрушил череп Вүльфена и убил зверя.

Рүсс взглянул на своих последователей и объявил им, что Вүльфен оказался недостойн избрания и что таковой будет судьба всех, кто выпьет из потира, храня зло в сердце. Он сказал присутствующим, что все желающие могут уйти, не испив из чаши. К чести наших предков, ни один из них не

удалился, все они поднесли потир к губам и
обрели назначенную им силу. Так был
основан наш Орден. Его первые бойцы
вписали свои имена в историю всех миров
человечества. Тех, кто выпьет из потира
сейчас, ждет та же участь — но только
если они достойны. Подумайте об этом,
прежде чем приложиться к волшебной
чаше.

Разнар задумался. Была ли эта
история просто древней легендой? Вряд
ли. До сих пор им ничего не рассказывали
просто так, и Ранек не походил на
человека, который собирается
рассказывать сказки нестышленным детям.
Тем временем двое воинов в доспехах
стали наливать удивительный напиток в
потир, который Ранек держал на
вытянутых руках. Ингредиенты были в
двух отдельных флягах, смешиваясь в
чаше, они стали булькать. Над сосудом
образовался пар. Жрец произносил
странные слова на чужом языке, которого
Разнар никогда раньше не слышал.

Итак, если он выпьет из этого
потира со злом в сердце, то превратится в

чүдловище -- и, без сомнения, будет убит, подобно тому самому легендарному Вүльфену. Но откуда же тогда берутся монстры, которых называют вүльфенами? Если они были недостойными кандидатами, почему же тогда остались живы? Как им удалось удрать из Клыка? Рагнар почувствовал, что здесь кроется какая-то тайна. И он пока не в состоянии раскрыть ее.

Другой вопрос тоже не давал ему покоя. Есть ли у него в сердце зло? Постигнет ли его ужасная судьба Вүльфена? Он вспомнил, что ему говорили о ненависти к Стрибьорну. Зло ли это? Он так не думал. Любой воин фенриса испытывает подобные чувства к тем, кто уничтожил его племя. И все же зачем тогда старики предупредили его?

Жрецы закончили стешивать содержимое фляг, и Ранек поставил чашу на алтарь. Все присутствующие видели, как напиток бурлит внутри, словно дьявольский отвар. Волчий Жрец оглядел кандидатов, затем полез в свой мешок и вытащил оттуда горсть деревянных

лучинок.

— Каждый из вас должен испить из чаши. Вас не просят вызываться добровольно. Это было бы бессмысленно. Пусть Рүсс определит порядок. У меня в руке деревянные лучинки. На каждой — несколько зарубок. Каждый из вас возьмет одну лучинку. Первым возьмет чашу тот, на чьей лучинке окажется наибольшее количество зарубок. Вы будете выходить по порядку, преклонять колени перед алтарем и отпивать священный мед из котла. Ясно?

Все хорошо выразили свое согласие, но в голосе каждого чувствовалось волнение. Рагнар почувствовал, что каждый из присутствующих думает о возможности превратиться в ненасытную тварь. Ранек подошел к кандидатам, вытянув вперед руку. Один за другим кандидаты вытаскивали лучинки из сжатого кулака. Рагнар внимательно следил за реакцией, отражавшейся на их лицах. Его порадовало, когда лицо Стрибьорна отразило что-то вроде смятения.

Когда пришел его черед, рука юноши,

протянутая за таленькой щепкой, была
тверга. Рагнар не успел даже взглянуть
на нее, а пальцы уже ощутили лучинку и
обнаружили там только одну зарубку.
Значит, он пойдет последним. Он не знал,
радоваться этому или печалиться.

Ранек велел им всем открыть
ладоны и просмотрел выбранные лучинки.
Он построил кангигатов по порядку и
вернулся к алтарю. Рагнар увидел, что
Стрибьорн оказался впереди. Далее стоял
Свен, потом Кьел и другие воины. Сам он
шел последним.

— Подождите к алтарю, — велел
Ранек.

Стрибьорн вышел вперед. Его лицо
было бледным, но решительным.
Беспощадный Череп знал, что все взоры
сейчас обращены к нему, и не собирался
проявлять страха. Ненависть в душе
Рагнара боролась с восхищением
тужеством врага. Стрибьорн твердыми
шагами подошел к алтарю, преклонил пред
ним колени, затем гордо поднялся и
недрогнувшей рукой взял Чашу Вульфена.
Он поднял ее к губам, откинул назад голову

и стал пить. Ранек был вынужден протянуть руку и опустить чашу, чтобы не дать Стрибьорну осушить ее до дна.

Беспощадный Череп неподвижно стоял еще минуту. Все наблюдали за ним затаив дыхание, желая увидеть, что же произойдет. Рагнар слышал, как бьется его сердце, чувствовал, как взмокли лагони. Он был готов прыгнуть вперед и убить Стрибьорна голыми руками, если в нем проявятся малейшие признаки изменений. Юноша сомневался, что у него покажется время сделать что-либо прежде Ранека, но по крайней мере он попытается...

Мгновения шли. Ничего не происходило. Ранек жестом велел Стрибьорну отойти, и тот повиновался. Следующим вышел Свен. Его движения были резкими, подбородок загран высоко. Однако он забыл преклонить колени, и Ранек, сильно сжав его плечо, заставил воина опуститься. Свен покачал головой, беззлобно устехнулся Волчьему Жрецу и поднялся, протянув руки к чаше. Закончив пить, он причмокнул губами и даже

утурился рыгнуть. Разнар был поражен, что Ранек не ударил его. Вместо этого жрец просто застеялся и велел Свену отойти. Вновь не произошло никакого изменения.

Вперед вышел Квел. Он выглядел бледным и потрясенным, но взял потир и выпил. Закончив, он состроил гримасу -- будто ему хотелось выплюнуть выпитое, и пришлось пересиливать себя, чтобы проглотить мед. Затем Квел тоже отступил назад. С ним не произошло никаких перемен.

Кандидаты выходили вперед один за другим, друг за другом пили из чаши, и никто пока не превратился в монстра. Затем, очень быстро, пришел черед Разнара. Он вышел вперед, ощущая, как его спину жгут взгляды остальных. Все они смотрели теперь на него, думая, не ему ли предстоит потерпеть неудачу. Все они уже прошли испытание. Они были в безопасности. Он -- нет.

Когда юноша шел к алтарю, его поступь была твердой. Он преклонил колени, вознес безмолвную молитву Рүссу.

а затем поднялся, чтобы взять Чашу Вульфена из рук Ранека. Она оказалась тяжелее, чем Рангар ожидал. Металл был холодным на ощупь, и руки стало неприятно покалывать. Конечно, здесь есть магия, подумал он. Грохочущий Кулак поднес потир к губам и на мгновение замер. В его голове вспыхнуло предупреждение, которое он получил, пройдя через Врата Моркаи. Его ненависть к Стрибьорну — не тот ли это изъяс, который высвободит зверя внутри него?

Молнией промелькнуло желание бросить чашу, отшвырнуть ее в сторону, словно она превратилась в ядовитую змею в его руках. Если бы эта жидкость разлилась, ему не пришлось бы ее пить, он не смог бы превратиться в монстра. А все остальные — они тоже чувствовали что-то подобное? Явилось ли им искушение отбросить потир? Размышляли они над своими изъясанами перед тем, как выпить мед, или такие мысли даже не приходили им в голову?

Рангар попытался выбросить из

головы эти вопросы и собраться с духом. Он не желал обесчестить себя. Никто из его товарищей не опозорился, и он тоже не бросит тень на имя Трохочущего Кулака. Он последний из них. Если такова его судьба — стать отвратительной тварью, пусть будет так. Он встретит свой рок как воин.

Он поднял чашу к губам и стал пить. Судя по запаху, он ожидал, что вкус будет ужасным. Но это оказалось не так. На самом деле Рагнар просто не смог определить, на что он похож. Его язык защищало, нёбо онемело, а в глотке появилось такое ощущение, словно он поглощал ледяную воду. Он пил и пил, пока не почувствовал, что Волчий Жрец спокойно потянул потир из его рук.

Рагнар почувствовал покалывание в коже и озноб, прокатившийся по всему телу. «Так это оно и есть? — подумал он. — Вот так начинается превращение в монстра? Неужели я сейчас превращусь в чудовище и буду убит?»

Юноша поднял взгляд и посмотрел в глаза Ранеку, но не увидел в них ничего —

ни сострадания, ни ужаса, ни тревоги. Разнар чувствовал легкое головокружение, и ему показалось, что силы покидают его. Удары сердца звучали, словно удары грома. Он был уверен, что вот-вот почувствует, как мускулы его скручиваются и рвутся, когда начнется преобразование.

11. Дух твари

Опять этот сон. Он бежит по темному коридору в бесконечном лабиринте под громадной горой. Его преследует зверь, огромный и яростный. Рагнар понимает, что если эта тварь поймает его, то немедленно сожрет.

Ноги будто налиты свинцом. Полуплывет к подошвам, как стола, замедляя свое движение, но при этом не мешая преследователю, несущемуся во весь дух. Его вой отдается эхом по темным залам, дыхание обжигает шею Рагнара. Омерзительная слюна капает на кожу юноши, а когда он поворачивается к чудовищу, то видит собственное лицо — только отвратительно изменившееся. Рагнар поднимает руки в тщетной попытке защититься, но зверь достает его своими гигантскими копытами. Они пронзают кожу и мышцы, хлещет кровь. В бок Рагнара вспыхивает жуткая боль, словно от раскаленного железа. Он просыпается с широко открытым ртом и с

трупом удерживается от крика.

На мгновение Рагнар видит, как один из волчьих духов, что вошли в него во Вратах Моркаи, удаляется за пределы досягаемости. Когда юноша делает вдох, призрак начинает мерцать и исчезает — очевидно, втянутый вместе с воздухом назад в легкие.

Это видение, говорит себе Рагнар. Всего лишь творение возбужденного мозга.

Все его тело болит. Юноша чувствует себя так, словно его подвешивали на дыбе. Голову саднит. Десны кровоточат. Руки болят. Он поочередно ощущает то жар, то холод, а кожа беспричинно покрывается крупными каплями пота. Мысли текут страшно медленно, как стола. Приступы боли мешают думать. Он оцепенел. Замерз. Перестал чувствовать.

Рагнар в изумлении посмотрел на свои руки, прищурившись, чтобы видеть более четко. Его ладони выглядят по-другому. Они стали шире и более плоскими. Мышцы сделались рельефными, ногти — толще и острее. Да и сам

окружающий мир теперь выглядел несколько иначе.

Его глаза опять заслезились -- но, по крайней мере, это было лучше, чем жгучая боль, которая приходила совсем недавно, когда в глазное яблоко словно бы втыкали раскаленную иглу. Рагнар принюхался. Опять в воздухе стоял этот странный запах. Что он означает? Юноша покачал головой. Он не понимал смысла происходящего. За последнюю неделю на его ноздри не раз накатывала волна столь сильных запахов, что он не знал, куда деваться.

Гладкие шелковые простыни, на которых он лежал, прилипли к телу. Рагнар отограл их, испытав при этом ощущение, словно по его коже прошлись напильником. Она стала ужасно чувствительной. Юноша слышал, как неподалеку кто-то бормочет, а рядом дышит Свен. Шум его дыхания был просто ужасающим, словно раздували кузнечные мехи. Рагнар потряс головой в надежде, что ощущения утихнут.

Но не тут-то было.

Сверхчувствительность прошла лишь на короткое время, а потом навалилась снова. Или это не ощущения затихали, а усиливалась его способность их переносить? Разгар ни в чем не был уверен. Ему стало совсем плохо, тошнота соседствовала с диким чувством голода, и это было почти непереносимой тучой.

Внезапно его обуряла дикая ярость. Он прикусил себя за щеку, соленый вкус крови подхлестнул гнев. Разгар заколотил руками по стене, пока не потекла кровь. Боль была почти невыносимой для его обостренных чувств, но каким-то непостижимым образом она помогла ему успокоиться, вернуть разуму контроль над телом.

Юноша провел пальцами по переплетенным растягивающимся звеньям металлического браслета на запястье, задержавшись, когда его пальцы дотронулись до диска с выгравированной руной. Этот браслет ему надели Железные Жрецы после того, как он выпил из Чаши Вульфена. Такой имелся у каждого кандидата. Насколько он понимал,

В нем не было ничего магического, даже несмотря на выбитую руну. У всех кандидатов руны были разными. Рагнар сравнивал их со знаками, итевшились на обраслете у Квела и у остальных. Рунa на обраслете Рагнара напoминала фигуру человека с двумя волнистыми линиями над ней. Линии могли обозначать облака или вообще ничего не значить. Рунa Квела изображала стилизованного ястреба. Поскольку она немного походила на двуглового орла, чье изображение встречалось здесь повсюду наряду с изображениями волков, это можно расценивать как добрый знак.

Но сейчас Рагнару никак не удавалось сосредоточиться. «Думай,— сказал он себе.— Вспомни! Тебя зовут Рагнар. Ты последний из Грохочущих Кулаков. Ты человек. Не какое-то безмозглое животное. Ты не болен. Ты меняешься. На тебе знак Рюсса!»

Юноша вновь взглянул на свои руки. Да. Сегодня шерсть еще гуще, чем вчера. На груди стало больше волос. На всем теле. Он неуверенно поднялся на ноги.

борясь с головокружением, и минуту стоял неподвижно, слабый, грожащий и немощный. Затем слабость прошла так же быстро, как и накатила раньше. Рагнар вдруг почувствовал себя сильным — невероятно сильным, настолько сильным, что мог рвать руками сталь и проходить сквозь каменные стены. Он выскочил из комнаты в коридор, полный решимости найти где-нибудь еду, дабы утолить терзавший его голод.

В коридоре царил уютный полумрак. Это не имело значения. Теперь глаза Рагнара видели в темноте лучше, чем когда-либо. В любом случае, чтобы отыскать пищу, они были уже не нужны. Он вполне мог учуять съедобное издалека, унюхать свежее сырое мясо даже на расстоянии сотен ярдов.

Рагнар прошел мимо капер, в которых лежали остальные. Товарищи выглядели не лучше его. На самом деле многие смотрелись гораздо хуже, но все очень по-разному.

В камере Квела Рагнар увидел лежащего на спине Соколиного Охотника.

Его открытые глаза отражали тусклый свет, подобно собачьим или волчьим, они стали похожи на глаза Ранека, Хакона и всех тех, кого кандидаты побивали здесь, в Клыке. Разнар догадался, что и его глаза стали такими же. Теперь Квел выглядел массивнее и мускулистее. Казалось, он разрастался, как сорняк, набирая рост и мышечную массу. И со всеми остальными происходило то же самое. Разнар тельком подумал какой-то частичкой своего сознания: не потому ли мир теперь выглядит чуточку иначе? Он ведь заметно прибавил в росте за последние несколько дней — так, что земля будто бы отдалась от его глаз. Поэтому все вокруг виделось несколько по-другому, и он не переставал этому удивляться.

Другой части его сознания это было совершенно безразлично. Она алкала мяса. Ей хотелось, чтобы он утолил свой голод, затем — жажду, а потом — рухнул на пол и уснул. И она готова заставить его убить любого, кто попытается помешать сделать это.

Та часть Разнара, которая все еще

оставалась человеческой, содрогнулась. Он понимал, что звериная часть его натуры становится все сильнее. Порой она делалась такой могучей, что затопляла сознание, вытесняла все рациональное мышление. Он пытался бороться с этим, понимая, что чем чаще происходят такие потопы, тем легче будет волчьей душе брать верх в следующий раз. В конце концов она окончательно подчинит его себе, и тогда Рагнар умрет -- ибо прекратит свое существование как человек.

Он заставил себя думать. Выходит, что у него сейчас словно две души: одна человеческая и одна звериная. Или это его душа разделилась на две? Одна часть принадлежит животному, а другая -- человеку, и обе борются за то, чтобы управлять им. Теперь юноша понимал, что они были не правы, думая, что победили, когда ни один из них не изменился, испив из Чаши Вульфена. Это изменение было не таким, как в истории, рассказанной Ранеком. Оно не было мгновенным, а происходило медленно, едва

различно. Потребовались дни, чтобы в каждом начал проявляться зверь и появились внешние свидетельства внутренних перемен. Слишком рано они подумали, что победили. А ведь Ранек и другие два Железных Жреца, как про себя называл их Рагнар, знали, что это не так.

Рагнар заставил себя вспомнить, как его вели по коридорам Клыка к этим клеткам. Сначала ему показалось странным, что эта зона была отделена запирающимися металлическими дверями. Это было похоже на тюрьму, а не на помещение для кандидатов, которые только что прошли посвящение. Но их заперли в этих мрачных коридорах, чтобы они подвергались сводящим с ума изменениям. Сначала кандидаты просто не понимали, что происходит. Затем они почувствовали себя плохо. Потом начали вспыхивать драки, когда они стали агрессивными и голодными, и вдобавок всех одолела неистовая тяга к мясу.

Рагнар покачал головой, когда ощутил вновь накатившую волну дикого гнева. Одна лишь мысль о том, что кто-

то попытается остановить его на пути к
еде, наполнила его яростью. Да он голыми
руками отдерет их плоть от костей и
поглотит ее!

«Остановись! -- сказал он себе. --
Человек так не ведет себя. Так не ведет
себя воин. У воина есть гордость. Воин
владеет собой».

Где-то в глубине его души
издевательски взвыл зверь.

Разнар добрался до того места, где
лежала пища. На холодные каменные
плиты оказалась брошена кровавая туша
огромного оленя. Ему повезло. Никто из
остальных еще не проснулся. Нет. Постой!
Что это там?

Разнар внезапно услышал за спиной
звук мягко ступающих ног. Босые ноги
шлепали по камню. Он обернулся и увидел
приближающегося Стрибьорна с лицом,
искаженным ненавистью и голодом.
Беспощадный Череп выглядел совсем не
так, как тот молодой воин, которого
Разнар знал в Руссвике. Его лицо стало
шире, грубее, более жестоким, нос
увеличился, а глаза пылали безумием. Он

стал выше и массивнее, превратившись буквально в гору мышц.

— Мое! — выкрикнул Стрибьорн и бросился вперед с вытянутыми руками, ногти на пальцах торчали, как чудовищные когти. На мгновение Рагнар замер. Та часть его души, что еще оставалась человеческой, ужаснулась. Даже если бы Беспощадным Черепом овладели демоны, это не могло выглядеть кошмарней. Сейчас лицо Стрибьорна являло собой отталкивающую морду разъяренного зверя. И этот зверь намеревался убить Рагнара.

Часть существа юноши не возражала. Она даже приветствовала это. Теперь он наконец-то получит возможность отомстить своему врагу.

В последнюю секунду Рагнар отпрыгнул в сторону. Ногти Стрибьорна царапали его бок, откуда-то из-под ребер потекла кровь. Соленый запах бросился в ноздри Рагнару, и глубоко внутри него опять шевельнулся зверь. Внезапная вспышка ярости разожгла пламя безумного гнева. Здравое смысл вытеснило желание

разорвать и убить. Звериная свирепость наполнила его мозг, захлестнув разум, словно корабль в бушующем море.

Разнар сопротивлялся, стараясь держать волну звериных чувств под контролем, понимая, что для выживания в предстоящей схватке ему понадобятся не только звериное проворство и свирепость, но и человеческий рассудок. Стрибьорн опять прыгнул. На этот раз Разнар прыгнулся, дав его кулаком пролететь над головой, а затем выпрыгнулся, схватил Беспощадного Череп и швырнул оземь. Стрибьорн несколько раз перекатился по полу, но быстро вскочил на ноги.

Частью своего существа Разнар осознавал, что если эта схватка будет доведена до ее логического завершения, то один из них умрет — или по мере будет серьезно ранен. Зверь в его душе был и рычал. Ему было все равно. Ему хотелось лишь драться. Убить или быть убитым, а затем, если выживет, нажраться досыта. И часть Разнара-человека отчаянно хотела того же.

Юноша теперь понимал, что

сражается в этом поединке на нескольких уровнях: не только со Стрибьорном, но и с самим собой, с тем существом, что скрывалось внутри него. Теперь он знал, что, если уступит зверю, тот лишь станет сильнее и это в конце концов приведет его к гибели так же неизбежно, как и выпущенная на свободу ярость Стрибьорна.

А противник уже возвращался, чтобы вновь атаковать. Он приближался мягкими шагами, с разинутым ртом, зубы его были обнажены в отвратительном оскале, открывавшем взору недавно прорезавшиеся клыки. В это мгновение Беспощадный Череп выглядел поистине жутко. Он бросился вперед, пальцы его были согнуты, руки стали когтистыми лапами, готовыми царапать и раздирать. Вновь ему удалось пролить кровь, и снова Разнар обнаружил, что сопротивляется не только боли, но и почти необоротному приливу гнева и ненависти, побуждавшими юношу немедленно прыгнуть на Стрибьорна и вцепиться зубами ему в горло.

Предупреждение, сделанное Ранеком после Врат Моркаи, телькнуло в голове Рагнара. Теперь он понимал, что именно ненависть и была той его слабостью, которая позволит зверю, тающемуся внутри, подчинить себе человеческое естество. Если он сдается, это просто приведет к уничтожению его души. Немедленная месть не стоила потери самого себя. Он обождет и отомстит позже, если сможет.

Вместо того чтобы атаковать с неистовством животного, Рагнар сжал руку в кулак и нанес Стрибьорну мощный удар в грудь, прямо над сердцем. Беспощадный Череп отшатнулся назад, и Рагнар нанес еще один удар, под челюсть, такой сильный, что Стрибьорн оторвался от земли, прежде чем без сознания рухнуть спиной на пол. Рагнар подавил в себе порыв прыгнуть на его лежащее тело и рвать, драить его, пока не хлынет кровь, убить и пожрать врага. В этот миг он ощущал, как его рассудок и душа балансируют на краю огромной пропасти — туманной бездны, в которую вот-вот

надут, чтобы он никогда больше не смог
вернуться в мир людей.

Разнар знал, что если позволит
этому произойти, то лишится своего
человеческого естества окончательно и
бесповоротно. Поедание человеческого мяса
было одним из строжайших табу его
народа, пойти на это означало сделать
Разнара-зверя сильнее, а Разнара-человека
— неизмеримо слабее. Он не мог позволить
свершиться такому. И тем не менее какая-
то часть его желала сделать это во что
бы то ни стало, хотела сдаться,
отказаться от постоянного, тяжкого
бремени разума и стать меньше чем
человеком, но все же больше чем
животным.

Он понял, что в нем сидит
предатель, который рад будет
капитулировать, просто сдаться,
покончить со всем этим, завершить борьбу
и войти в мир, где все было таким
простым и ясным, где не ителось нужды ни
в разуме, ни в размышлении, ни в чести.
Часть его существа хотела поддаться
запретному желанию и испить

человеческой крови. И хуже того -- Разнар осознал, что это темное существо всегда жило в нем, ожидая лишь содержимого Чаши Вульфена, чтобы выйти на поверхность, стать сильным. Теперь юноша уже не был уверен в том, что сможет остановить поглощение самого себя этой тварью, даже если очень того захочет.

Некоторое время он стоял неподвижно, сражаясь с самим собой, борясь за то, чтобы удержать контроль над своими поступками. Эта схватка была такой же быстрой, яростной, и смертельной, как и бой со Стрибьорном. Разнар понимал, что ее исход столь же важен для его судьбы. Он бился за контроль над собой, искал способ обуздать в себе зверя. Он заставил себя вспомнить все незавершенные дела, которые у него были и с которыми ему не справиться, если он поддастся зверю. Он никогда не проникнет в тайны Космических Волков. Он никогда не поймет их магии и их целей.

Постепенно, вдох за вдохом, он успокоился. Сердце перестало колотиться,

как бешеное. Он даже смог сосредоточить свой взгляд на пище, которая послужила причиной его драки со Стрибьорном.

Юноша наклонился и пальцами оторвал огромный кусок кровоточащего мяса. Он отправил его в рот и жадно принялся жевать холодную влажную оленину. Быстро проглотив, он схватил еще кусок, торопясь наестся досыта, пока никто не остановил его. Разгар кусал и жевал до тех пор, пока не утолил свой голод, и только тогда к нему вернулось некое подобие здравомыслия.

Он отправился к питьевому фонтанчику, где холодная вода набиралась в каменную чашу, в силу какой-то магии никогда не переполнявшуюся. Вода прекращала течь, как только лоток наполнялся. Юноша склонил голову, чтобы напиться, и затем, увидев свое отражение в воде. Он увидел себя, и это зрелище отнюдь не обнадеживало. Волосы всклокочены. Глаза странно светятся. Кровь струится из уголков рта, засыхая на руках и одежде. Его лицо было отталкивающим, как у безумца. Он

открыл рот и увидел, что зубы стали длиннее и острее, а клыки уже совсем походили на волчьи. Он выглядел чудовищно одичавшим. Так, должно быть, выглядит вүльфен, когда выходит на охоту из своего логова.

Разнар быстро опустил руки в воду и набрал полные горсти. Юноша сказал себе, что сделал так потому, что хочет пить. Однако в душе он понимал, что истинной причиной было желание как можно скорее разбить свое отражение бесконечной рябью.

С этого момента Разнар чувствовал себя немного спокойнее. Он не представлял, сколько времени прошло, он ощущал лишь, что оно проходит. Сначала он пытался отмечать количество истекших дней — точнее, количество раз, когда зашли и загорались светильники, — выцарапывая метки на стене своей катеры. Он понимал, что это срабатывало не всегда. Разнар знал, что проходили глинные периоды времени, когда он лежал в забытьи или погружался в безумие животного и был не в

состоянии сделать отметку.

Он встал и прошел к месту кортежки — теперь он так называл его в мыслях. Юноша все еще испытывал голод, но теперь он не был таким ненасытным и жгучим, чтобы поглотить его душу. Зверь все еще сидел внутри, но теперь знал свое место. Он нигде не делся, но Рагнар держал его под контролем. Его чувства больше не казались ему настолько обостренными, чтобы причинять боль. Они стали гораздо острее прежних, но Рагнар постепенно привык к этому. Зато юноша научился переваривать огромный объем поступающей или информации и анализировать ее. Это было почти чудом. Он мог видеть в темноте, определять местоположение предмета по его запаху, слышать, как падает под ветром перо, и вычислять, куда оно упадет.

Он чувствовал, что стал гораздо ловчее и сильнее, чем когда-либо. Рагнар не сомневался, что теперь, если дело дойдет до схватки, ему покажется, что большинство нормальных людей движется со скоростью слизняка. Он также стал

шире в плечах и легко мог поднять большую каменную скамью, что стояла в его комнате. Совершив такой подвиг в Руссвике, юноша сломал бы себе спину. Трохочущий Кулак чувствовал, что может без всякой усталости пробежать многие мили, и был уверен, что стал гораздо крепче и здоровее. Никогда за всю свою жизнь он не чувствовал себя сильнее.

Не все были столь удачливы. Он поежился, вспоминая. Это было что-то вроде скупных сцен из чудовищного ночного кошмара. Некоторые из кандидатов сошли с ума. Он вспомнил, как Бларак разбил себе голову о стену, так что вылетели мозги, и кто-то попытался их съесть. Он был только рад, что это оказался не он. А ведь такое легко могло бы случиться в тот период, когда им владело безумие.

Разнар вздрогнул, размышляя о том, действительно ли все это закончилось, в самом ли деле он снова стал хозяином своего «я», или безумие просто утихло на время. В месте кормежки — он знал это — его ждало свежее сырое мясо.

Железные Жрецы вытащили Рагнара из контейнера с датчиками. Юноша с облегчением вздохнул. Он не был уверен, что смог бы дольше выдерживать это. Металлические стены, сжимавшие его тело в холодных тисках, проводя датчиков, извивающиеся по его коже, словно змеи, странные скачки восприятия, когда жрецы заклинали свои магические машины, — все это вместе взятое едва не лишило его рассудка. Сколько он провел в этой стылой могиле: часы, дни или, быть может, годы? Рагнар не представлял этого. Зверь внутри него был и бесновался, испытывая отвращение к этому заключению, отчаянно желая выбраться, и на этот раз Рагнар решил, что полностью с ним согласен.

Теперь он знал, для чего это все было нужно. Железные Жрецы проверяли его, изучая, как тело приспосабливается к переменам, и проверяя, не пошел ли процесс в том направлении. Он знал, что пробы крови, которые брались из его тела медными иглами, будут исследованы на

специальных машинах и что удары синих молний тоже были необходимы для проверки рефлексов. Но даже понимание смысла этих суровых испытаний никак не облегчало сводящую с ума боязнь замкнутого пространства, которую испытывал Рагнар: казалось, его вот-вот раздавит сожмёвшимися стенками, и разум отчаянно рвался на волю, в открытое пространство внешнего мира.

И конечно, угрюмо думал Рагнар, ничто из этого не пойдёт во благо ему. Магия позволит жрецам предсказать, что с ним случится дальше. Похоже, они с самого начала трансформаций в телах кандидатов уже знали, что произойдет с каждым — кто сойдёт с ума, кто неизнаваемо изменится, а кто переродится в чудовищного вульфена. Но жрецы даже не пытались ничего изменить, довольствуясь тем, что записывали результаты наблюдений в свои огромные тома в кожаных переплетах. Очевидно, они считали, что найдется еще очень много кандидатов, из которых можно выбирать подходящих, а если кто-то потерпел

неудачу — что ж, такова воля богов...

Разнар покачал головой и окинул взглядом огромную комнату, залитую мерцающим сиянием светящихся шаров. Повсюду стояли здоровенные машины, которые жужжали и стрекотали. Они казались непостижимо древними и местами были покрыты ржавчиной. Огромные пучки проводов, связанные медными кольцами с выправленными на них древними рунами, шли от машины к машине, соединяя их с массивными престолами управления, за каждым из которых сидел Железный Жрец. Они топились и вызывали странных электрических духов, которым поклонялись. В воздухе пахло грозовой свежестью, маслом и прочими хиткматами, применявшимися для обслуживания машин. Светящиеся ореолы излучали вокруг работающих механизмов, выдавая присутствие духов, помогавших им работе. С того места, где стоял Разнар, ему было видно Стрибьорна, привязанного к огромному медному диску. Его руки и ноги были растянуты, словно

воина собирались колесовать. Медный круг с телом плавал внутри другого круга и медленно вращался -- сначала влево, потом вправо, затем вверх и вниз, так что Стрибьорн некоторое время висел вверх ногами, пока не вернулся в нормальное положение.

Тут же в воздухе рядом с машиной возникло изображение примерно тех же размеров, что и Стрибьорн. Контур тела воина был обозначен светящимися линиями. В некоторых местах, главным образом вокруг головы и груди, эти линии имели темный либо болезненно-красный цвет, но в большинстве других мест светились зеленым или желтым. Разнар предполагал, что особые цвета указывали зоны в теле кангигата, в которых происходили наибольшие изменения. Впрочем, здесь ничего нельзя было знать наверняка. После минутного замешательства Разнар решил, что есть только один способ выяснить истину.

-- Что означают линии на той светящейся фигуре? -- спросил он, указывая на Стрибьорна.

Железный Жрец повернулся к нему, его лицо было закрыто металлической маской. Он дотронулся до одной из рун, вырезанных на слитках железа вокруг его шеи, и уставился на Рагнара, словно размышляя, открыть ли юноше одну из сокровенных тайн своего Оргена. Рагнар с легким удивлением заметил, что эту руну он видел среди других на стенах Храма Железа на Огненном Острове. Интересно, существует ли какая-то связь между рунными Оргенами?

— Красные зоны на голо-мени указывают те места в теле кандидата, где все еще происходят серьезные изменения внутренней хилии. Желтые зоны — там, где процессы изменений завершены и началась стабилизация. Зеленые зоны устойчивы.

Рагнар не имел никакого представления, что означает слово «хилия», но понял, что в целом его догадка была верна. Он удивился тому, что жрец вообще ответил на его вопрос. Раньше все слуги Рюсса были немногословны и необщительны, но теперь, возможно, и они

изменились. Этот тоже не считал его ровней -- но по крайней мере признавал за прошедшим испытания кандидатом некоторые достоинства. Юношу охватило волнение. Значит, жрец уже видел, как происходят изменения у самого Рагнара, и сможет сказать, благоприятны ли предзнаменования. И его можно спросить об этом! Или, быть может, лучше ничего не знать и просто покориться судьбе? Юноша решил все же попытаться выяснить у жреца результаты исследований. И снова Железный Жрец долго раздумывал над его вопросом, прежде чем ответил на него бесстрастным голосом. На этот раз Рагнар был вполне уверен в том, что узнал в речи жреца выговор жителей Огненного Острова.

-- Твоя трансформация проходит медленно и поэтапно, -- в конце концов услышал он вердикт.

-- Это плохо? -- спросил Рагнар, у которого все внутри сжалось от тревоги.

-- Ответ отрицательный. Как правило, это положительный признак. Тело, которое приспосабливается

медленно и равномерно, как правило, благоприятно адаптируется к генетическим имплантатам. Обычно, когда изменения происходят быстрыми, неуправляемыми скачками, мы сталкиваемся с процессом прискорбной деградации.

— Итак, я выживу.

— Я этого не сказал. Любые знаменения всегда оставляют место для ошибки. Иногда с кандидатом все месяцами идет хорошо и уже кажется, что он успешно завершил преобразование, но затем в последнюю секунду происходит неудача. Иногда кандидаты начинают дегradировать, но затем выправляются и приходят в норму. До завершения трансформации окончательный результат предсказать невозможно. Все остается в воле Рюсса и в руках духов крови.

Разнар вздрогнул. Он мог бы догадаться, каким будет ответ жреца. Кажется, он все еще может потерпеть неудачу.

Шли недели. Разгару стало гораздо лучше. Он чувствовал себя так же, как в детстве, когда только-только оправился от багровой лихорадки. Когда он был болен, ему казалось, что он больше никогда не будет чувствовать себя хорошо. Теперь, поправившись, он испытывал глубокую благодарность за ощущение здоровья и силы, которое вернулось к нему. Все виделось теперь более ярким и красочным. В воздухе пахло приятнее, еда была вкуснее. Странная ткань, которая раньше раздражала кожу, теперь дарила ей наслаждение.

Конечно, говорил он себе, все это не просто следствие хорошего самочувствия. Это знак тех перемен, что произошли в нем после Чаши Вульфена. Все его ощущения казались теперь более острыми, а сила и выносливость радовали, как никогда раньше.

Железные Жрецы заявили, что удовлетворены его преображением, хотя, как всегда, добавили несколько таинственных предупреждений, намекая, что опасность неблагоприятного исхода

все еще существуем.

Разнар не нуждался в предупреждениях, чтобы понимать это. Он все еще ощущал в себе дух животного — хотя, по правде говоря, с каждым днем чувствовал себя в его присутствии все комфортнее. Теперь это стало частью его существа; когда потребуется, она даст ему силу и свирепость зверя. Вдобавок она позволяет понимать все, что сообщают разуму изменившиеся чувства. Он чувствовал себя отчасти человеком, отчасти — волком... или, быть может, кем-то большим, нежели тот и другой?

Просто взглянув на других кандидатов, Разнар мог сказать, что не все из них ощущали то же самое. Возможно, им было труднее приспособиться.

Кьел выглядел измученным. В его глазах стояло странное выражение обреченности, а лицо было мрачным и напряженным. Он все время озирался, как загнанный зверь. Когда он ощущал на себе взгляд Разнара, то начинал шипеть, словно предупреждая об атаке. Разнар

заметил, что Кьел очень сильно оброс волосами. Они покрывали тыльную сторону его рук и торчали из-за воротника и обшлагов рубашки. Его осанка тоже изменилась. Он согнулся вперед, держа руки низко и согнув пальцы. Рагнар с трудом узнавал в этом диком существе прежнего радостного и доброжелательного Кьела. Однажды Соколиный Охотник рванул за браслет на запястье так сильно, что из разогранной руки хлынула кровь. Что-то в нем напоминало Рагнару волка, попавшего лапой в капкан.

Напротив, Свен внешне изменился гораздо меньше -- быть может, потому, что всегда имел диковатый вид. Теперь он скалился на Рагнара, показывая свои новые клыки, а глаза его злобеще отражали искусственный свет сияющих шаров. Если что в нем и изменилось, так это тело -- он стал еще шире в плечах и мускулистее. Руки его были теперь размером с бедра Рагнара, а грудь -- круглой, как бочка. Рагнар чувствовал, что Свен наслаждается преобразованием и пребывает почти в мире с тем зверем, что,

несомненно, бұшыет ү него внұтри.

Почувствовав на себе горящий взгляд, юноша повернулся и посмотрел на Стрибьорна. Беспощадный Череп был неспокоен. Чувствовалось, что он напряжен, как швартовочный трос, туже натянутый на ветру. В нем было что-то дикое, его глаза сверкали безумной яростью, а осанка выдавала готовность в любой момент броситься в драку. Стрибьорн выглядел так, будто готов взорваться по малейшему поводу. Заглянув в его глубокие, похожие на пещеры глазницы, можно было без труда увидеть таящегося там зверя.

Рагнару все еще казалось странным то, что он стал чувствовать настроение остальных и, возможно, улавливать кое-какие их мысли. Это заставляло его испытывать почти неловкость. Может быть, такое умение стало еще одним проявлением происшедшего преобразования. Возможно, все они становились все более похожими на волков в стае, способных понимать друг друга иными способами, тинұа звұки и жесты. Не исключено, что

информация от товарищей передавалась
осанкой и запахом -- по крайней мере,
Разнар чувствовал, что может унюхать
настроение любого кандигата.
Странность Кьела имела причудливый
резкий запах. Аромат сдержанной ярости
Стрибьорна напоминал тлеющее дерево,
радостная оживленность Свена -- запах эля.
Разнар понимал, что все эти слова --
очень неточный способ описания набора
ощущений даже для себя самого, но у него
не было других слов, их катастрофически
не хватало. В его языке не было
подходящих терминов и выражений ни для
ароматов, ни для различения миллионов
едва уловимых нюансов цвета, ни для
описания других изменений, которые
происходили в окружающем мире каждое
мгновение.

Разнар посмотрел на кандигатов, и
его сердце упало. Их осталось так мало.
Нильс все еще был здесь, уцелел и
незнакомец по имени Микал. Но все
остальные куда-то исчезли. Он не
представлял, что с ними стало. Где-то в
лихорадочно-сонном безумии, которое

сопровождало его преобразование, он вроде бы различал образы Железных Жрецов, которые входили и уносили кандидатов, превращающихся в монстров или в безумцев, но теперь Рагнар не был уверен в точности этих воспоминаний. Он понимал, что никогда не узнает точно, что же на самом деле произошло в этот период его жизни, и отчасти был даже рад этому. Не исключено, что в это время он совершил некие деяния, которые лучше не вспоминать.

Металлическая дверь со свистом раскрылась, волшебным образом распахнувшись на две части. В проеме стоял Ранек при всех своих мистических регалиях. Какое-то мгновение он оглядывал присутствующих, а затем злобеще улыбнулся. То, что он произнес, заставило Рагнара согрозниться от страха.

— Теперь вас осталось немного. Совсем немного. А скоро может стать меньше. Пришло время для последнего испытания.

12. Последнее испытание

Разнар грозил. Было холодно и темно, и он был совсем один. Юноша окинул взглядом стылый пейзаж и гигантские горы и понял, что умереть здесь не составит труда. Впервые за многие месяцы он действительно находился в полном одиночестве. Вокруг не было никого на сотню миль. «Громовай Ястреб» уже превратился в маленькое пятнышко, исчезая в тяжелых серых тучах в направлении Клыка.

Разнара выбросили в снег последним. Остальных уже высадили где-то далеко среди одиноких вершин. Трохочущий Кулак не представлял, что кандидатов осталось так много, пока не увидел их всех, поднимающихся на борт небесного корабля. На «Громовай Ястребе» он насчитал больше двадцати человек. Очевидно, претендентов в Костические Волки привозили из других мест, потому что Руссвика, и размещали во многих раздельных зонах Клыка. Он не знал,

почему так делалось, но просто понимал, что это должно быть так. Это единственное объяснение, которое он смог придумать. Впрочем, Рагнар быстро отбросил эти размышления, как не относящиеся к делам насущным. Сейчас ему нужно думать о собственном выживании.

Он еще раз огляделся по сторонам, изучая суровый и безотрадный пейзаж. Огромные валуны когда-то скатились в долину и скрыли из виду большую ее часть. Некоторые из массивных скал были покрыты лишайником — в этой бесплодной дикой местности и телась по крайней мере растительная жизнь. Некоторые глыбы уже были частично покрыты снегом. Сверху начали сыпаться крупные хлопья — медленно, тихо, но неотлито.

Некоторое время Рагнар созерцал лежащую перед ним унылую картину, а затем потряс головой, чтобы избавиться от одурманивающих мыслей, вдохнул холодный воздух и критически оценил свое положение.

Серая форма кандигата и кожаный

пояс с кинжалом в ножнах -- вот и все, что
имелось при нем. У него не было никаких
припасов -- ничего, что могло бы
человеку выжить в этом суровом месте.
Рагнар понимал, что на первый взгляд его
задача кажется простой: нужно всего лишь
добраться до Клыка и предстать перед
Космическими Волками. Если он сможет
сделать это, то станет настоящим
Космическим Десантником. Если
потерпит неудачу, то, скорее всего, умрет.
Очень просто.

Все не так плохо, решил про себя
Рагнар. Могло быть и хуже. Но крайней
мере, его форма, сшитая из какого-то
удивительного серого материала, была
невероятно теплой. И у него имелся при
себе нож. В общем, негусто -- даже для
Рагнара, одинокое стоящего в темноте на
заснеженном плоскогорье где-то высоко в
горах Асахейма. Однако найти Клык было
довольно легко -- он возвышался над морем
других горных вершин, отчетливо
различимый на горизонте.

Тем не менее неприятное чувство
обреченности не оставляло Рагнара.

Столь многое могло пойти неудачно! Какой бы теплой ни была его туника, Рагнар сомневался, что она сможет спасти его, если задует ветер и ударит зимний мороз. К тому же одежда могла просто порваться в передразах, и юноша не знал, насколько хватит ее чудесных свойств.

Да, Клык видно даже отсюда -- но со времени своего пребывания в горах пониже, что громоздились вокруг Руссвика, Рагнар знал, что в любое время могли опуститься тучи и ледяной туман, уменьшив видимость до нуля. Эти долины наверняка были настоящим лабиринтом, и в них ничего не стоило заблудиться даже среди белого дня. А с едой что делать? Здесь было так пусто и голо, как могло быть лишь на равнинах ага. Трохочущий Кулак сомневался, что найдет в этих пустошах что-нибудь съедобное. А если ему это и удастся, то вполне вероятно, что находка в равной степени найдет съедобным его.

На этих просторах вполне могли бродить стаи больших серых волков, троллей, ночных бродяг, племя людоедов

или вүльфены, что было бы хуже всего. Даже зная, откуда появляются вүльфены, он не мог избавиться от безотчетного терзения перед этими монстрами.

Что ж, у Рагнара еще будет время поволноваться обо всем этом, когда он повстречает кого-либо из подобных тварей. А сейчас лучше бы отправиться в путь. Может быть, ему удастся найти пещеру, пока совсем не стемнело.

Впереди он увидел низкорослое деревце, и вид этого мужественного растения странным образом успокоил и подбодрил Рагнара. Оно было маленьким и искривленным, но все же тянулось вверх, цепляясь за склон горы своими корнями. Оно словно бросило вызов скалам, демонстрируя, что живые существа могут выжить даже здесь.

Более того, это дерево могло помочь выжить и путешественнику. Рагнар понял, что если он продолжит спуск, то вскоре увидит и другие деревья. Он пробыл в горах достаточно долго для того, чтобы знать, что выше определенного уровня деревья не растут, а самые высокие

хребты и вершины напрочь лишены всякой растительности, кроме мха.

Он взял пригоршню снега и положил в рот. По крайней мере от жажды здесь умереть невозможно, пока на земле лежит снег. Из того, что рассказывая им в Руссвике сержант Хакон, Рагнар знал, что в непрокипевшей воде могли таиться духи болезней, но сейчас ему было все равно. Жажда — гораздо более реальная и неминуемая опасность, а он пока никак не мог развести огонь, и ему не в чем было вскипятить воду.

От снега заняли десны и язык, но скоро колючий комок растаял, и Рагнар проглотил образовавшуюся воду. В руке юноша держал кусок кремня, подобранный среди предательской осыпи щебня на склоне горы. Жаль, что у него не имелось мешка, чтобы положить камень туда, поэтому оставалось лишь нести его в сжатом кулаке. Рагнар надеялся, что этот камень сможет послужить губительным оружием. Во-первых, его можно метнуть в любую напавшую тварь — а со вновь обретенной силой Рагнар был абсолютно

уверен, что сложен швырнуть острый камень действительно сильно. Эта мысль вызвала волчью улыбку на его лице. Второе применение кремня состояло в том, что из него можно было высечь искры с помощью металлического ножа, разведя таким образом костер.

В этом была хоть какая-то надежда, но она покинула Рагнара, когда он ощутил влажную кору дерева. Да, дровесины здесь было много, но она оказалась холодной и сырой. Юноша знал, что разжечь костер из таких дров ему вряд ли удастся.

Он опять вздрогнул и ненадолго задумался об остальных кандигатах. В самом ли деле они столкнулись с такими же тяготами, какие ему довелось испытывать последние несколько дней? Они тоже бесконечно долго, с огромным трудом тащились сквозь снег и холод, петляли по долинам, стараясь не выпускать из виду величественную вершину Клыка? Их тоже колотило от стуженых порывов ветра, когда они пробирались узкими и скользкими ущельями, что свисают над жуткими

горными теснинами? Они также все время пребывали настороже, прислушиваясь, не раздается ли сквозь шум ветра крик страшной твари — вүльфена, которого все так страшились? И в таком же ужасе глядели они на могучего горного орла, что парил высоко в небе, острыми глазами разглядывая унылый пейзаж в поисках добычи? Неужели они точно так же сумели выжить лишь благодаря съедобному мху и яйцам, выкраденным из гнездовий горных птиц?

Разгар вздрогнул. Возможно, остальные кандидаты уже мертвы. Ему повстречалось много возможностей умереть — а ведь прошло всего несколько дней. В горах, разрушаемых частыми бурями, существовала постоянная опасность лавин и камнепадов. Повсюду стоял сгущающий силы холод, и хотелось только одного: рухнуть на землю и умереть. Один-единственный неверный шаг на узкой тропе — и бесчеловечный путешественник мог рухнуть в бездну. Быть может, их сожрали звери. Они могли походить с ума. Возможно, на них

сказались побочные явления свершившегося совсем недавно преобразования, они сами превратились в монстров и уже охотятся на Рагнара, чтобы разорвать его на части.

Из всех возможностей, мысли о которых терзали Рагнара, эта последняя волновала более всего. Он знал: даже сейчас существует вероятность, что все пойдет не так, как должно идти. Железные Жрецы сказали ему, что ни один кандидат не будет в окончательной безопасности по меньшей мере в течение месяца после преобразования, а может, и дольше. Зверь, что скрывался в глубинах его естества, все еще мог вырваться, чтобы поглотить его душу. Возможно, эти дикие места — именно то, что ему нужно, чтобы выбраться и полностью овладеть человеком. Эта мысль тревожила, не давала успокоиться.

Рагнар с невероятным усилием переставлял ноги, понимая, что скоро ему снова придется искать место для ночевки. Даже с его новым зрением пробираться в темноте по этим горам было бы

самоубийственной затеей. Всегда есть возможность что-то упустить из виду, шагнуть на осыпь или наступить на качающийся камень и ухнуть с обрыва. Помимо того, ночью температура упала еще ниже, а у него не было никакого желания подвергать испытанию теплосберегающие свойства своей униформы в большей степени, нежели это необходимо. Во время пребывания в Руссвике Рагнар усвоил: чтобы выжить в таких обстоятельствах, нужно в первую очередь не делать ничего такого, что рассердило бы богинь Судьбы.

Как в азартной игре, главная хитрость состояла в том, чтобы не рисковать без нужды. Даже если ты силен, искусен и уверен в себе -- как Рагнар с его вновь обретенной силой, -- достаточно малейшей неудачи, чтобы в этих суровых условиях расстаться с жизнью. Самая незначительная случайность, вроде растянутых связок, вывернутой конечности или легкого недомогания, может оказаться роковой, потянув за собой усталость и истощение сил, которые

сделают самого могучего воина легкой жертвой других опасностей. Даже самые незначительные неприятности или легкие раны могли привести к большой беде, постепенно ослабляя человека, вытягивая его силы и в конце концов доводя его до гибели. Главное — не пасть жертвой случайной неудачи, которой можно легко избежать.

Но сказать такое куда легче, чем сделать. Разнар остотрелся по сторонам в поисках места для отдыха и увидел рядом с деревом маленькое углубление с нависающим уступом, который защищал ложбинку от ветра и падающего снега. Разнар подумал, что в ночи ему вряд ли удастся найти лучшее убежище. Несколькими ударами ножа он срубил дерево, аккуратно собрав все прутья, хвою и шишки для костра, а затем срезал самую длинную и тяжелую ветку, которая могла в дальнейшем послужить и глубинкой, и тростью. После некоторых усилий ему удалось обработать другую, еще более прямую, тонкую и длинную ветвь, которую он надеялся заострить и

использовать как копье.

Разнару понадобилось некоторое время, чтобы собрать свою добычу и вернуться к месту отдыха. Гораздо больше времени и сил потребовалось, чтобы оставить дальнейшие попытки развести огонь с помощью искр, высекаемых ножом из крестня над грудой хвои и шишек. Хвоя была сырой и зажигаться никак не хотела. В конце концов, затерзанный и усталый, юноша выстлал ковром из веток и хвои выбранную в качестве убежища нишу, чтобы хоть немного утеплить стылую скалу, а затем упал на нее и сразу же уснул. Последней его мыслью было: а проснется ли он когда-нибудь?

Разнару снились волки. Нет, это были твари, которые наполовину являлись людьми, наполовину -- волками. Юноше казалось, что они преследуют его по бесконечным каменным каньонам, лежащим в тени огромных гор. В этом сне ему было холодно и страшно. Разумом он ощущал присутствие грозного зверя, который проснулся, когда он уснул из Чаш

Вульфена.

Зверь тоже реагировал на врагов. Сначала казалось, что он не собирается бороться за то, чтобы выйти из-под контроля Рагнара, будто поняв, что они делят между собой одно тело, и если Рагнар умрет, то и ему тоже придет конец. Зверь также устал от бесконечных опасностей, как и сам юноша, и впервые Рагнар увидел возможность не только тревожного перетирания, но и какого-то взаимопонимания со своей темной и дикой стороной.

Постепенно во сне он начал выслеживать своего врага, а не пытался больше ускользнуть от него. Ведомый своим волчьим духом, он понял, что вскоре найдет добычу в этих каменных долинах и сможет вонзить свои клыки в горячее, сочащееся кровью мясо.

Он проснулся в темноте, грожа от пронизывающего холода и пытаясь определить, принадлежит ли услышанный им звук к сумрачному миру сновидений или же к суровой реальности. Рагнару не пришлось долго ждать ответа. Вой

прозвучал вновь — громче и ближе. Несомненно, это вопль демона бури,зывающего к своим собратьям.

Крик невыразимого голода, боли и тоски раздался совсем рядом. Рагнар узнал в нем вой большого волка Асахейма. Он вздрогнул, понимая, что, если рядом окажется еще кто-нибудь из родичей этого зверя, с жизнью можно распрощаться без долгих проводов. При неожиданном нападении Рагнар мог бы одолеть в схватке одного такого зверя, но ему ни за что не справиться со стаей. Он знал, что, действуя сообща, волки Фенриса могли загрызть тролля или даже ледяного дракона. На пустынных просторах Асахейма не было существ более хищных и свирепых.

Юноша напряг слух и принялся к ночному ветру. Ему показалось, он что-то почувствовал: изогранные ступенями пальцами ветра клочья кисловатого запаха. Этот запах мог принадлежать лишь большому волку. Рагнар сжался в ложбинке и взвесил свои шансы. В его положении имелось как минимум одно удачное обстоятельство:

сейчас он находился с наветренной стороны от зверя. Юноша мог чують волка, а волк его -- нет. Разумеется, это могло измениться с переменой направления ветра, но тут уж можно было только молиться Руссу, чтобы этого не случилось. А еще в запахе волка ителось нечто странное -- какой-то зловонный оттенок недомогания или болезни. У Рагнара еще не хватало опыта, чтобы точно понять, что он означает, но юноша надеялся, что не чують, которую могли переносить эти дикие твари.

Рагнар проверил оружье, затем взял нож в левую руку, а копье -- в правую. Дубинка лежала рядом наготове, чтобы ее можно было схватить после броска заостренной палки. Рагнар не возлагал на нее слишком больших надежд: он натеревался закалить острие в пламени костра, который так и не удалось развести, поэтому юноша не знал, насколько эффективным окажется это оружье. Тем не менее это все-таки было лучше, чем ничего. Рагнар пожалел, что у него нет щита. Увы, с таким же успехом

он мог бы возжелать какое-нибудь
магическое оружие Ранека. И то и другое
сейчас было для него в равной степени
недоступным.

Разнар замер. Волосы на его шее
стали дыбом, когда он услышал, как
коготь тихо царапнул по камню, а затем,
спустившись по извилистой тропинке, в
поле его зрения показался волк Фенриса.
Изумляясь способности своих глаз
различать мельчайшие детали даже в
ночной тьме, Разнар сразу определил, что
волк старый и раненый. Его мех был белым
и затертым, давняя рана на боку гнила --
она и была источником неприятного
запаха. Волк прихрамывал на правую
переднюю лапу.

Разнар затаил дыхание. Возможно,
старый волк был вожаком, проигравшим в
борьбе с молодыми соперниками и в
результате изгнанным из стаи. Он явно
ослаб от голода -- но тем не менее
выглядел страшным врагом. Он был
ростом с Разнара и даже в истощенном
состоянии превосходил юношу весом почти
вдвое. Клыки его торчали из пасти, словно

кинжалы, а глаза горели бешенством.

В этот момент волк заметил Рагнара. Он раскрыл пасть и издал долгий вой ярости и ненависти, а затем прыгнул.

Рагнар среагировал мгновенно, метнув копье в грудь могучему зверю. Острое древко, метко отправленного в цель стальными мускулами юноши, глубоко вошло в тело волка. Хлынула кровь. Зверь упал, и древко сломалось, но Рагнар надеялся, что острие осталось в ране. Он тут же подхватил глубинку и прыгнул вперед, используя замешательство противника. Гигантский волк зарычал и бросился навстречу врагу. Рагнар отпрянул в сторону и схватил разъяренное животное за шею, избегнув его смертоносных клыков. Он не сомневался в том, что одного укуса этого монстра достаточно, чтобы разорвать ему горло, превратить руку или ногу в кровавое месиво.

Уверенный в том, что сверхчеловеческая сила его мускулов позволит одолеть любого волка, юноша собирался побороть врага. Но когда зверь

зарычал и напрягся, Рагнар быстро понял, насколько легковесной оказалась его надежда. Это все равно что руками сдерживать лавину. Гигантские, похожие на канаты сухожилия вздулись под спутанным мехом. Зловонное дыхание зверя ударило в нос Рагнару. Гигантский волк был опытным бойцом, он встряхнулся и отбросил юношу на камни, устилающие дно долины.

Множество острых осколков впилось в руки, вскоре лапони стали скользкими от крови. Огромная туша волка навалилась на грудь, и юноша понял, что начинает задыхаться. Перед глазами заплескали призрачные огоньки. Волк издал глубокий рык и клацнул зубами, примериваясь к шее врага. Рагнар схватил пальцами гортань чужовища и, собрав все силы, стал душить зверя. Тот извернулся и вновь набросился на юношу. Чужовищные челюсти, словно медвежий капкан, сомкнулись в считанных дюймах от носа Рагнара. С трудом лавя воздухом широко разинутым ртом, молодой воин быстро выхватил кинжал и раз за разом стал бешено всаживать его в

теплую податливую плоть волчьего горла. Затем он провел ножом поперек шеи врага, ощущая сопротивление мышц, сухожилий и артерии.

Из перерезанного горла хлынула кровь, теплая алая жидкость залила холодные серые камин. Кровь дытилась в холодном ночном воздухе, а Рагнар крепко держал волка, пока его судорожные движения не ослабли, а потом затихли окончательно. Затем он принялся свежевать и потрошить зверя.

Рагнар был весьма удовлетворен своей ночной работой. Теперь у него имелся плащ из необработанной волчьей шкуры. Конечно, выскобленный мех стергел, но зато давал дополнительную защиту от холода. Мясо и внутренности волка утолили ноющий голод, а теплая кровь, вынутая прямо из сложенных лапонеи, освежила рот и придала новые силы.

Что еще лучше — с помощью волчьих сухожилий Рагнару удалось привязать кинжал к концу подходящей палки, сделав из нее по-настоящему грозное оружие. Из обрывка шкуры он соорудил мешок, чтобы

носить собранные кремни, а из последней оставшейся полоски — самодельную пращу, с помощью которой можно было метать зазубренные куски камня с большой скоростью и на значительные расстояния. По пути он тренировался с этим оружием, достигнув вполне приемлемых результатов.

Разнар посмотрел вверх, и вид неба ему не понравился. Огромные черные тучи закрыли Клык и южную часть небосклона. Ему казалось, что впереди слышится далекий рокот грома. Ничего не оставалось делать, кроме как принустить вперед. Продолжая жевать еще влажный кусок волчьего мяса, юноша легким размашистым шагом двинулся вниз по склону.

Используя свое новое копье как посох, Разнар продолжал путь через лес. Он был очень доволен своим новым оружием. Длинная ветка оказалась крепкой, кинжал прочно сидел на ее конце. Теперь юноша готов был встретить кого угодно.

Здесь ему больше нравится, подумал он, глядя на сосны, обступавшие тропинку.

Лес казался бесконечным, но стало заметно теплее, поскольку Рагнар спустился значительно ниже тех бесплодных утесов, куда его десантировал «Громовой Ястреб». Вниз бежали ручьи, несущие талую и дождевую воду с вершин. В кустах насвистывали птицы, повсюду виделись следы мелких животных. Теперь он знал, что по крайней мере не будет голодать и не умрет от жажды.

Он уже взбирался на деревья и находил там яйца, содержимое которых высасывал через маленькое отверстие, пробитое в верхушке. Вода в ручье была холодной и освежающей, и юноша сожалел, что ему не во что набрать ее. Если остаться в этом лесу, то в нем вполне можно жить, подумал Рагнар. Быть может, стоит попробовать это. В конце концов, он не обязан возвращаться в Клык и ничего не должен Волкам — не благодарить же за ту боль, что ему причинили. Рагнар сомневался, что кто-нибудь нашел бы его, если б он решил остаться здесь в одиночестве. На самом деле вряд ли кому-то придет в голову его

разыскивать. Космические Волки не хотят иметь дело с теми, кто не соответствует их стандартам, и, не вернувшись, Разнар просто провалил бы это испытание.

Осматриваясь по сторонам, он встречал все больше примет того, что человек прекрасно мог бы жить в этих лесах. Здесь можно было сделать навес, как его учили, и пользоваться им до тех пор, пока не найдется подходящая пещера. Он мог высушить дерево и развести костер, мог охотиться и отыскивать съедобные корни. Можно было бы прожить долгую жизнь по собственным законам — здесь, на этой земле, которая стала бы его собственным маленьким королевством.

И все же в глубине души Разнар понимал, что не может отречься от своего пути. Это был не просто вопрос гордости — хотя свою роль играла и она. В Клыке он не закончил дела со Стрибьорном — если, конечно, этот ублюдок из Беспощадных Черепов еще жив. Но было что-то другое, что имело гораздо большее значение. Разнару уже не хотелось

влачить одинокое существование здесь, в
горных лесах. Что-то в Клыке звало его,
как чувство боевого товарищества в стае
может взывать к волку. Разнар
переменился, когда испил из Чаши
Вульфена, он понимал это. Он стал кем-
то большим и кем-то меньшим, чем
просто человек. Словно тот зверь, что
проснулся в нем, сделал его отчасти
волком — и волк в нем отчаянно нуждался в
содружестве других волков. Он страстно
желал найти свое место в стае, занять
положение в ее иерархии.

Более того, Разнар теперь понимал,
что и в самом Клыке имелось нечто, чего
он также желал. Хотя юноша и не
получал от Ранека, Хакона и их сородичей
ничего, кроме унижения и суровых
испытаний, он теперь знал, что они —
сверхлюди, заслуживающие уважения, и
что они занимаются достойным и
благородным делом. Разнар внезапно
понял, что ему тоже хочется достичь
того, что имеетя у обитателей Клыка:
их уверенности, их гордости, их
могущества и магии. Он уже хотел стать

одним из хозяев этого мира — более того, он жаждал быть достойным того, чтобы сделаться одним из них. И Разнар понимал, что не добьется этого, оставаясь здесь, среди лесов и гор, какой бы привлекательной ни казалась мысль о вольном житье.

Разнар понимал, что сильно изменился с тех пор, как был избран, — и не просто потому, что испытал из Чашы Вульфена. Ему открылся целый новый мир, места более дикие и обширные, чем все, что он мог себе представить раньше, на своем родном острове. Он делал то, что никому из его народа не приходилось делать: перемещался на летающих кораблях, проходил сквозь Врата Моркаи, смотрел на укрытые облаками шпили Клыка. Он начал понимать, что мир не таков, каким он всегда представлялся, и что во Вселенной есть вещи важнее и ужаснее, чем войны между племенами и долгие морские путешествия. Разнар начал чувствовать, что у Костиических Волков имеется великая цель, а все испытания, что казались ему такими

опасными, необходимы для достижения этой цели.

Из тех видений, что Рагнар узрел во Вратах Моркаи, он получил представление о могущественных и ужасных врагах из других миров и о той судьбе, что ожидает его, если он докажет, что достоин стать одним из воинов Клыка. Рагнар был уверен в том, что видел все это не случайно. Он был уверен, что старцы, которые испытывали его, намеренно приобщили его к этим знаниям, и чувствовал: то, как он распорядится ими, тоже может оказаться частью испытания. Из разговоров со своими товарищами-кандидатами Рагнар знал, что некоторые из них просто отказались поверить кошмарным видениям, не говоря уж о том, чтобы притираться с ними. Но не было ли это чудовищной ошибкой?

Рагнар понял, что каким-то непостижимым образом даже рад оказаться здесь, среди этих суровых гор и зеленых долин. Он знал, что смотрит на дикую красоту первобытной природы, которая открывается очень немногим.

Это было словно идти под парусами в океанский шторм или созерцать в конце трудного дня хода на веслах, как красное солнце садится в море. Это само по себе волновало чувства и разум. Теперь Рагнар ощутил нечто вроде благодарности Костицким Волкам за то, что отправили его сюда, где он смог почувствовать необычайное одиночество этих мест.

Покачив головой, он выдохнул, и в бодрящем морозном воздухе возникло облачко пара. Юноша знал, что нужно спешить. Он собирался как можно скорее отыскать путь назад, в Клык. И он натеревался прийти туда не последним.

Туман был густым и липким, он оставил от окружающего мира лишь смутные очертания. Тут и там неясно темнели скалы, а тропу было едва видно всего на несколько шагов вперед. Иногда клочья облаков расступались, и тогда Рагнар получал возможность видеть немого дальше, но большую часть времени он был заключен между тусклыми призрачными стенами, глушившими свет

и звуки.

Все это напонило Рагнара представление его народа о потустороннем мире как о холодном и туманном месте, где тени мертвых скитались по сухой и скалистой земле. Это место точно соответствовало описаниям ага в легендах, и в какой-то миг юноше показалось, что он уже умер и, сам не заметив это, прошел через врата смерти. Он прислушивался к тихому шелесту ветра, приюхивался к воздуху в поисках запахов и молился, чтобы это не оказалось правдой.

Если же это действительно было так, то даже в смерти он сохранил обретенную им силу. Но все-таки это казалось нечестным — зайти так далеко и умереть, даже не узнав об этом.

Он отбросил эту мысль как плод чрезмерно богатого воображения. Нет, Рагнар все еще пребывал в мире живых. Кровь еще текла в его жилах, а кожу так же покалывало от холода. На одежде поблескивала роса, и он ощущал влагу этих капелек, стирая их рукой. Это было

реальным. Он и в самом деле мог умереть здесь, но еще не был мертв. Разгар трагичности ухмыльнулся этим мыслям.

Туман был опасен. В этом юноша не сомневался. Он шагал по глиняному гребню между двумя могучими вершинами, и этот путь требовал огромного внимания. Местами тропа становилась очень узкой и начинала осыпаться под ногами. Часто она превращалась в уступ вдоль обрыва над пропастью, глубину которой Разгар не представлял. И ему вовсе не хотелось выяснять это, свалившись туда. Но хуже всего было то, что тропинка постоянно извивалась и поворачивала, — всегда существовала угроза, что она резко вывернется влево или вправо и путешественник, поставив ногу в пустоту, рухнет вниз, навстречу своей окутанной туманом судьбе.

Юноша использовал толстый конец своего самодельного копья как посох и проверял дорогу перед собой, медленно продвигаясь вдоль уступа. У него не имелось ни малейшего представления о том, в правильном ли направлении он

двигается, но он был убежден, что нужно спешить. Внезапно, всего лишь на мгновение, туман разошелся, и перед Разнаром открылся изумительный вид. На этом краткий миг юноше показалось, что он парит на крыльях над облаками. Глубоко под ним долины и хребты скрывались в сумраке, но выше горные вершины поднимались из облаков, как острова из моря. Сморщенное солнце посылало конья света в туман. Разнар захнул, увидев впереди могучую колонну Клыка, которая со злобным величием пронизывала обвивающие ее серые облака. Поистине это было зрелище невиданной красоты.

Юноше казалось, будто он взбирается по стенам небес, идет по самим облакам. Должно быть, именно это чувствовал Русс, став богом! Это было самое впечатляющее зрелище из всего, что ему довелось увидеть. Сердце Разнара переполнялось чувствами, им овладела неистовая радость. Он выживет! Он вернется в Клык победителем, чтобы по

праву занять место среди Костиических
Волков!

Через какое-то мгновение облака
соткнулись вновь, словно огромные волны,
хлынувшие на разоренный штормом берег.
Вновь влажная дымка и густой туман
окутали путника. Грандиозное зрелище
исчезло. Подавив дрожь, Рагнар плотнее
укутался в свой плащ из стергащей
волчьей шкуры и побрел вперед сквозь
царство теней.

Уже некоторое время Рагнар что-то
ощущал в мрачной серости липкого
тумана. Он не знал ни что это такое, ни
где оно находится, но не сомневался —
что-то наблюдает за ним. Ему казалось, он
чувствует, как ему в спину клинком
вонзается горящий взгляд.

В десятый раз за последние несколько
минут Рагнар оглянулся через плечо,
пытаясь высмотреть опасность в
царившем за спиной сумраке, но ничего не
увидел. Он непрерывно прихихивался к
воздуху и был уверен, что ему удалось
уловить запах чего-то знакомого и в то же
время странного — острый горьковатый

аромат, который заставил его вздрогнуть.

Разнар знал, что приближается к Клык. Следующим утром после беспокойной ночи на высоком гребне он увидел подножие Клыка. В сумерках, когда на землю вновь опустилась ночная тгла, уже можно было различить на склоне горы правильные световые узоры -- это говорили о присутствии людей. Разнар представил себе огромные сооружения, которые увидел впервые появившись здесь, и даже попытался соотнести далекие огни с очертаниями тех гигантских машин. Сейчас они казались ему столь же родными, как тогда -- чужими и пугающими.

Долгий путь подходил к концу. Прошло семь тяжелых дней с тех пор, как его высадили на галекую гору. Юноша был утомлен, голоден, затерз, но испытывал ни с чем не сравнимое ощущение успеха. Ему удалось успешно использовать все знания, полученные в Руссвике. Он отыскал убежище, пищу и воду. Он сохранил здоровье и разум. Он смог максимально использовать новые обострившиеся

чувства и остался в живых без чьей-либо помощи, не считая благословения Рюсса. Поистине редко когда Рагнар чувствовал себя в лагу окружающим миром больше, чем в эти минуты.

Но внезапно Рагнар ощутил, как по телу прокатилась волна страха. Юноша почувствовал, что неподалеку возникло безжалостное зло и оно преследует его.

До сторожевых постов Костиических Волков оставалось чуть более суток пути, если не учитывать возможных неприятностей, и ему очень хотелось этим вечером хорошенько отдохнуть, чтобы к рассвету сохранить все силы. Но нехорошее ощущение заставило Рагнара продолжить путь ночью, при свете полной луны. Он с трудом удерживался от того, чтобы не пуститься бегом, подобно зайцу, которого преследует лиса. Человеческая логика твердила Рагнару, что никаких реальных признаков опасности нет, что виной всему лишь нервы, истрепанные долгим суровым походом. Но инстинкт зверя, таившегося у него внутри, говорил совершенно другое. Он призывал его спастись бегством, либо

браться; либо покинуть это место, либо принять бой. А Рагнар уже научился уважать своего зверя.

Он чувствовал, что в безстве нет ничего хорошего. Без по неровной местности, при неверном свете луны наверняка кончится падением, которое окажется роковым, если в этот момент на него нападут. Рагнар знал, что лучше всего разбить лагерь, развести костер, используя заранее подготовленный запас сухих листьев, щепы и веток, и постараться отдохнуть. Возможно, огонь отпугнет то существо, что наблюдает за ним. А может быть, и нет. Но стоит попробовать отдохнуть перед боем.

Где-то в глубине души юноша распознавал чувства своего зверя. Тот наблюдал и выжидал, постепенно распаляясь яростным гневом. Зверю не нравилось, что за ним охотятся. Он предпочитал охотиться сам, а не быть чьей-то добычей. Ему хотелось прямо сейчас развернуться и дать отпор преследователю, кем бы он ни оказался. Как ни странно, Рагнара это успокоило, и

он нашел, что полностью согласен со своим зверем. Без сквозь тьму делу не поможет, так же как не поможет сейчас беспокойство или страх. Все это лишь истощит его силы.

Издав яростный рык, Рагнар осознал, что пришел к решению. Неподалеку он заметил несколько громадных валунов, чудовищными тенями громогласящих в сумраке. Возле них он найдет защиту от ветра и стихий. Юноша двинулся к камням, решив, что разведет здесь костер. И будет ждать.

Веселые языки пламени быстро схватили свежесрубленное дерево, пахнувшее на Рагнара горьковатым дымом. Он сидел у разгорающегося костра, жевал орехи и ягоды, что удалось собрать днем, и сожалел о том, что нет воды, чтобы промочить горло. Завтра с утра надо будет отыскать ручей. Конечно, если к этому времени Рагнар останется жив.

Он избегал смотреть на пламя, чтобы не повредить обострившееся ночное зрение. Юноша все более остро ощущал чье-то присутствие. Он чутко

прислушивался к ночным звукам, принюхивался к стуженому воздуху. Волосы на загривке встали дыбом, когда Рагнар услышал, как по осыпи покатились камешки, потревоженные кем-то тяжелым, передвигавшимся очень осторожно, но все же не бесшумно. Рагнар потянулся за своим копьем и принял низкую боевую стойку, опершись спиной о самый большой из валунов, что высотой достигал ему до пояса. По крайней мере, так на него не смогут напасть сзади. Кто бы это ни был, ему придется лицом к лицу встретиться с яростью Трохочущего Кулака. И если придется, Рагнар погибнет с ранами только спереди, как учил его отец.

Он облизнул пересохшие губы, а его руки сжимались и разжимались на грубом древке копья.

Зловоние, которое он учуял раньше, стало сильнее. В нем ощущалось смешение человеческого и звериного. Внезапно запах псины стал резче, Рагнар услышал тихое сопение, словно большое животное осторожно вдыхало и

выдыхало воздух. Пальцы Рагнара еще сильнее стиснули древко копья, все тело напряглось, словно сжатая пружина, — юноша готовился нанести удар по невидимому врагу.

В нижней части живота бурлил страх. Волосы на теле встали дыбом. В мерном свете костра Рагнар наконец-то увидел очертания неизвестного существа. Оно было высоким, массивным и обликом походило на человека. На его торсе еще сохранились остатки изогранной серой формы, которая казалась сейчас слишком маленькой для огромного мускулистого тела. Длинные руки оканчивались пальцами с большими изогнутыми когтями, вполне человеческую голову покрывала пегая свалявшаяся шерсть, а оскаленный рот открывал взору здоровенные клыки. Взгляд существа пылал голодом, яростью и удивительным рассудком. Оно открыло рот и издало низкий трачный рык. С губ Рагнара сорвалось непрошеное ответное рычание.

Это был вульфен. Теперь Рагнар понял, кто его преследовал. Он понял

также, что все время это подозревал, отсюда и исходило это непонятное беспокойство. Зверь, что сидел внутри него, распознал вүльфена. Юноша не сомневался, что вүльфен натеревался убить и сожрать его. Убей, или убьют тебя — таков закон здешних гор. Если ты хочешь получить хотя бы какую-то надежду остаться в живых, то должен быть быстро и безжалостно. Рагнар поднял копье и напрягся для смертельного броска. Зверь внутри него был готов к удару.

И в этот миг его рука застыла. Рагнар обнаружил, что не может заставить себя ударить. Этот вүльфен когда-то был таким же человеком, как он. Он тоже был кандигатом в Костицкие Волки. Он испил из Чаши, прошел через те же изменения и муки, что и Рагнар. Во имя Рүсса, Рагнар легко мог оказаться на его месте, если бы зверь в нем взял верх! Более того, вполне вероятно, что это существо являлось тем, кого он когда-то знал. Это мог быть Кьел, Свен или Стрибьорн. Неужели он и в самом деле

способен убить бывшего товарища?

Казалось, что существо испытывает сходные чувства. На мгновение оно остановилось, перевело взгляд с Рагнара на костер, а затем -- опять на Рагнара. Потом снова зарычало. Рагнар видел, как напряглись его мышцы. Теперь он увидел, что на запястье Вульфена блестит браслет, похожий на его собственный, и с ужасом понял, что это действительно один из его прежних товарищей. Но кто же именно?

Через мгновение все эти размышления были отброшены. Вульфен прыгнул. Рагнар почти машинально метнул копье ему в грудь. Длинный наконечник пронзил ребра и погрузился в сердце монстра. Древко согнулось, а затем сломалось под натиском огромной туши. Рагнара прижало к валуну, и какое-то мгновение он смотрел прямо в глаза Вульфена. Казалось, они опять светятся человеческим разумом.

Губы Вульфена прошептали единственное слово:

-- Рагнар!..

Затем чужовище умерло.

Разнар смотрел на сползшее вниз тело, исполненный ужаса и ликования от того, что сделал. Он убил вүльфена. Огун. Но одновременно он убил своего бывшего товарища. Юноша нагнулся, чтобы посмотреть на браслет на руке монстра. Он надеялся, что это был Стрибьорн.

В мерцающем свете костра была отчетливо видна вырезанная на металле руна -- знак ястреба. В холодной и бездушной ночи Разнар издал нескончаемо долгий вопль ярости и горя. Он понял, что только что убил Квела, своего единственного настоящего друга.

13. Посвящение

Разнар опять лежал на хирургическом столе. Он глядел вверх и видел лица Железных Жрецов в масках, слышал монотонный шум их машин, странную холодающую гушу музыки ритуальных песнопений, редкие вскрики или стоны боли воинов, когда ножи жрецов врезались в их плоть.

Стол под ним был липким от его собственной крови, запах которой, смешанный с ароматами различных хитических препаратов, бил ему в ноздри. Его пальцы сжимали металлические края стола. Разнар сделал глубокий вдох и велел себе сохранять спокойствие.

С тех пор как он вернулся в Клык, над ним произвели много странных медицинских ритуалов. Его помещали в различные машины и исследовали. Железные Жрецы тыкали в него жезлами с волшебными шаратами-датчиками, надевали на голову сканирующие шлемы, прикрепляли к его конечностям мягкие

присоски со множеством жгутиков. Его держали на диете из мяса и эля, отдающего химическими запахами странных лекарств, разделить которые не могли даже его обострившиеся чувства. Но Рагнар знал, что все делается для его же блага, и ни о чем не беспокоился. Да и в любом случае сейчас он полностью находился во власти Железных Жрецов.

По крайней мере он все еще был жив. Не всем кандидатам удалось уцелеть. Свен вернулся. Стрибьорн — тоже. Но как минимум пятеро, включая Квела, не вернулись с последнего испытания. Прошел уже целый месяц, и теперь казалось невероятным, что они когда-нибудь появятся.

Рагнар отбросил мысль о Квеле. Он не любил думать об этом. Квел был самым близким ему человеком среди кандидатов, а теперь его нет. Много раз за последнее время Рагнар лежал без сна, размышляя о том, каково было Соколиному Охотнику брести в одиночку через бесконечные дикие горы, когда его тело менялось, переставая быть человеческим.

а зверь внутри пожирал разум и душу. Осознавал ли он, что с ним происходит? Или с самого начала впал в милосердное забвение? Рагнар понимал, что никогда не узнает этого.

Железные Жрецы заверили его, что изменения, вызванные Чашей Вульфена, наконец-то завершились. Его тело теперь полностью вобрало в себя магическое вещество, которое называли *canis helix*, и он готов к следующему этапу, который превратит его в одного из Волков. Ему собирались вживить то, что они называли генным семенем.

Рагнар еще раз глубоко вдохнул и напрягся, заставляя себя хранить спокойствие. Зверю, животной части его естества, это не нравилось. Зверь ненавидел, когда его привязывали, помещали в заткнутое пространство, отдавали на волю других. С этим Рагнар ничего не мог поделать.

Он немного повернул голову и увидел, что приближается один из высших Железных Жрецов. Обеими руками жрец благоговейно держал стеклянный потир с

колышущейся мясистой массой, из которой наружу выходили различные узловатые трубочки. По мере его приближения песнопения остальных жрецов, собравшихся вокруг стола Рагнара, становились все громче и ритмичнее.

Это генное семя, понял Рагнар, вспомнив то, чему его научили за последние несколько недель. Это главный компонент, управляющий всеми остальными составляющими его тела, который позволит юноше превратиться в настоящего Кости́ческого Волка. Оно даст телу возможность приспособливаться к окружающей среде и будет управлять совокупностью остальных элементов, которые Железные Жрецы собирались поместить в тело Рагнара. Генное семя выглядело не очень привлекательно, но являлось священной вещью. Этот кусок кровавой плоти носили в себе многие Волки до Рагнара, а изначально он был частью плоти и крови самого Рюсса. Генное семя являло собой прямую и непрерывную связь с древними временами и с богом его народа.

Разнара ошелотила мысль о том, что в его теле появится часть его бога. Тем не менее все остальные Кости́ческие Волки уже обладали ею, и это вполне объясняло их сверхчеловеческие качества. Они на самом деле состояли в родстве с богами. И скоро, подумал Разнар, если все пройдет хорошо, он тоже присоединится к ним!

Железный Жрец подошел совсем близко. Разнар почувствовал, как острие иглы входит в его руку. В его состоянии вечной повышенной чувствительности это было похоже на удар меча. Короткая вспышка мучительной боли сменилась прохладой, которая разлилась по всему телу. Жрец отступил от него, и он почувствовал, как из того места, куда вонзилась игла. В считанные мгновения Трохочущий Кулак расслабился и утратил чувствительность, воспринимая свое тело как нечто изолированное и удаленное, словно его душа плавала на белом облаке и смотрела вниз на то, что происходит с телом.

Он ощутил, как по его коже пробежала дрожь, а затем почувствовал

легкое давление на грудь, когда один из Железных Жрецов наклонился и рассек ее специальным ножом. Хлынула кровь. Разнар сомневался, что ударом топора можно причинить больший ущерб, но воспринял происходящее лишь как временное неудобство. Он видел, как высший Железный Жрец совершил знамение над сосудом, в котором находилось генное семя, прежде чем извлечь оттуда мягкую субстанцию. Юноша услышал странный всасывающий звук, когда генное семя поместили в его грудную клетку, и оно тотчас начало соединяться с его нервами, кровеносными сосудами. Это было очень странное ощущение, подобного которому ему никогда не приходилось испытывать. Словно нечто живое перемещалось теперь в его груди. Он представлял, как из этой массы появляются отростки, как они вытягиваются в сосуды, подобно прорастающим из семени корням, как нервные усики соединяются с его нервами. Эта картина заполнила его сознание, когда в него вонзили еще одну иглу.

Разнара пронзила жгучая боль, разгоняя прохладу, и его душа опрокинулась в черную бездну.

Разнар стоял на коленях в комнате для медитаций. Теперь он чувствовал себя лучше. В груди уже исчезли неприятные ощущения, вызванные присутствием генного семени. Послеоперационные шрамы тоже рассосались, хотя прошло лишь несколько дней. На месте разреза осталась лишь пониженная чувствительность к прикосновениям. Он ежедневно ловил себя на том, что трогает эту зону пальцем, подобно человеку, касающемуся языком дырки в зубе. В этот миг ему казалось невероятным, что и эти шрамы, и эти ощущения были знаками покровительства Русса. Тем не менее Разнар уже чувствовал это покровительство на себе. Все, что стало ему известно за последние несколько дней, не оставляло в том никаких сомнений.

Он отбросил посторонние мысли и сосредоточил внимание на Ранеке. Волчий Жрец вновь появился перед кандидатами и велел начать ритуал.

Рагнар очистил свой разум, как его научили, и стал нараспев произносить незнакомую молитву. Он чувствовал себя расслабленным, когда, потянувшись вперед, взял корону знания. Это был таинственный древний артефакт из меди и железа, соединенный с машинатами вибрирующими проводами из меди и гибкого стекла. Ранек рассказывал, что такие короны связаны с большими машинатами знаний, где хранилась вся история Оргена и множество другой информации. Через надетую корону эти сведения можно напрямую перекачать в голову во много раз быстрее, чем человек в обычных условиях сможет их усвоить. Рагнар находил этот процесс устрашающим и сверхъестественным.

Когда корона оказалась на месте и жрецы запели нужные литании, знания потоком хлынули к Рагнару. Не только в форме слов и воспоминаний, но также в виде звуков, картин и ощущений. Рагнар понимал, что его собственные взгляды необратимо меняются под воздействием нового знания, но ему было все равно.

обладание мудростью Костических Волков стоило того.

Он и так много узнал за последние несколько дней, и новый опыт был весьма поучительным. Чем больше Рагнар узнавал, тем лучше он понимал Костических Волков, а чем больше он понимал, что такое Орген, тем сильнее желал служить ему, став его частью.

Теперь Рагнар знал, что мир гораздо больше и сложнее, чем он когда-либо мог себе представить. На самом деле его мир не единственный, их много. Фенрис -- это шар, который кружит вокруг Ока Рюсса, один из многих подобных, что плавают в пустоте вокруг этого огромного солнца. В свою очередь, Око Рюсса -- лишь одно из миллионов солнц, которые составляют Галактику, и вокруг многих из них вращаются другие населенные миры. Что самое странное, не все из этих миров населены людьми. На некоторых обитают зеленокожие монстры, именуемые орками. Другие -- родина высокого и красивого, но совершенно чуждого народа, зовущегося эльдар. Целый сектор Галактики --

Вотчина демонов и тех, кто им служит.

Большая часть человеческих миров находится под властью Империи, которой служат Кости́ческие Волки. Империей управляет Император, Отец Всего Сущего, бог, который дал жизнь Рүссу и его братьям и чья разрушенная оболочка существует сейчас в большой машине на планете предков, именуемой Земля.

Императору служит огромное число жрецов, судей, правителей и сборщиков налогов. По его воле на исполинских кораблях, что могут плавать меж звездами Галактике перемещаются гигантские армии. Все остальные расы, нации и королевства, о которых узнал Рагнар, — это враги Императора и человечества, которые сделают все, чтобы подорвать мощь Отца Всего Сущего и уничтожить его государство. Жестокие войны бушуют по всей Галактике между легионами Императора и его врагов, и на переднем крае этих войн сражаются Кости́ческие Волки.

Рагнар увидел, как был основан Орден Волков много веков назад, когда Отец

Всего Сущего был толос и находился среди людей. Он увидел, как на Фенрисе появился Рүсс, а затем туда в поисках своего пропавшего сына прибыл Отец Всего Сущего. Юноша видел, как Рүсс набрал воинов в свою почетную гвардию и назвал их Волками Костоса. Он также увидел, что у Отца Всего Сущего было много могучих сыновей, называвшихся примархами, — подобно Рүссу, они основали свои Оргены. Он узнал, что эти воины, делившие генное семя своих примархов, называются Кости́ческим Десантом.

Разгар увидел, как была основана Империя, а затем разразилась ужасная война с еретиком и предателем Хорүсом. Война разорвала новорожденную империю на части, она привела к увечью Отца Всего Сущего и смерти Хорүса. Он увидел, как многие из примархов и их Кости́ческих Десантников последовали за Хорүсом, в своем безрассудстве нарушив клятву Императору. Он увидел, как они отправились в странную искаженную часть Галактики, известную как Око Ужаса, и постепенно деградировали.

превратившись в низшие существа. Теперь Разнар знал, что посвящен в знания, недоступные большинству людей, и что он никогда не должен раскрывать их тем, кто этого не знает. Он содрогнулся, узнав о четырех великих силах Хаоса — главных демонах, что непрестанно трудятся над тем, чтобы подорвать империю человечества.

Первым был Хорн, Кровавый Бог, Властелин бойни, последователи которого стеясь шли в бой, исполненные неумолимой жажды убийства. Вторым был Тзинч, Меняющий Пути, который преобразил поклонявшихся ему и посвятил их в самые темные тайны колдовства. Третьим являлся Нүргл, Властелин Чумы, последователи которого несли болезни и гибель в самые дальние пределы космоса. Четвертым — Слаанеш, развратный повелитель невыразимых наслаждений. Теперь Разнар знал достаточно, чтобы опознать их последователей в тех существах, которых встретил в своих видениях за Вратами Моркаи. И теперь он горячо молился, чтобы ему не пришлось

узнать больше.

Он узнал об исчезновении Рюсса во время поисков семян Древа Жизни, которые могли вылечить Императора. Он узнал о долгой и славной истории Волков с древних времен и до сегодняшнего дня. Все больше знаний вливалось в его жаждущий мозг, и он впитывал их, словно губка.

Теперь он увидел, как многочисленны и ужасны враги человечества и сколь велика нужда в могучих воинах, способных противостоять им. Он понял, почему испытания кандидатов были так суровы и жестоки. В эти темные времена те, кто собирался встать между человечеством и его врагами, не должны были иметь ни единого изъяна.

Песнопения, литании и молитвы наполняли его разум. Теперь он уже понимал многие из них. Они помогали сосредоточиться разуму воина, поддерживали его веру столь же сильной, как и его глани. Он знал, что ритмические строки должны помочь ему использовать новые способности, которые он обретал.

ежедневно в результате усилий Железных Жрецов.

Сейчас он лучше понимал, что за изменения происходят в его теле. Для этого его тоже снабдили специальными знаниями. Ой знал, что ему дали второе сердце, дополнительную мускулатуру и железы которые позволяют дышать отравленным воздухом и питаться отравленной пищей без ощутимого вреда для здоровья. Его чувства стали еще острее, а тело еще более гибким, упругим и выносливым. Он знал, что даже без медицинской помощи сумеет выжить практически после любой раны, если не утер от нее сразу. Теперь Рагнар разбирался в медицине куда лучше, чем большинство врачей и шаманов Фенриса.

Большая часть его тела теперь была заключена в черный металлический панцирь. Рагнар уже знал, что многочисленные сталепластовые выступы на нем являлись местами контактов -- они позволяют его телу полностью ощущать силовые доспехи, которые все Костицеские Десантники носили как вторую кожу. Он

поражался тому, что теперь владел необходимыми словами и знаниями, чтобы понимать все перечисленные сущности. Поистине эти древние машины обладали огромным могуществом!

Все больше и больше информации текло в его разум. Теперь он умел пользоваться всеми существующими видами оружия, овладел знаниями боевой тактики и организационной структуры войск. Он узнал десять основных наступательных маневров и четыре вида прочной обороны. Познавая это, он улыбался, поскольку удивительно сложные механизмы старых машин стимулировали центры наслаждения его мозга.

Разгар понял, как организован его Орген. Юноша узнал, что он состоит из двенадцати больших частей, возглавляемых могучими боевыми командирами, по именам которых и назывались эти подразделения. Он узнал, что есть тринадцатое подразделение, принадлежащее командору Оргена, в которое входили жрецы и другие воины. Он понял, как будет расти в Оргене. Если его

примут, то сначала он станет Кровавым
Когтем -- членом группы таких же
молодых воинов, которые борются, чтобы
приручить непокорного зверя внутри себя.
Если Рагнар выживет, то станет сначала
Серым Охотником, затем -- Длинным
Клыком, постепенно становясь старше,
тупее, мощнее и искуснее.

А текущий в его голову поток знаний
все не иссякал, впечатываясь в память,
сделая его умнее и преданнее Оргену, Руссу
и Императору.

-- Подними руку,-- сказал Железный
Жрец. Когда Рагнар сделал это,
сервотомторы взвыли. Жрец кивнул головой
в маске, а потом подтянул узел силовым
ключом. Рагнар хорошо почувствовал это
движение. Ощущение было странным: не
являясь болезненным, оно давало ему знать,
что со сталепластовым панцирем что-то
происходит. Полученное знание подсказало,
что со временем он все лучше будет
распознавать значение этих ощущений.

-- Теперь подвигай пальцами. --
Рагнар сделал, как было сказано. Жрец

понять что-то подрезультатировал. Рука сразу стала более гибкой и сильной. Жрец запел литанию духам машины и вновь склонил голову. Казалось, работа завершена.

— Можешь подняться, — проговорил жрец. Разнар встал со стола. Тут же различные кабели и соединения, которые использовал жрец при работе, сами вернулись на свои места в каменное основание стола.

Теперь Разнар мог двигаться. Юноша улыбнулся и осмотрел свое тело. Все оно было заключено в сталепласт и керамику, но ощущения не сильно изменились. Он чувствовал, что на нем довольно тяжелые доспехи, но при этом Грохочущий Кулак чувствовал себя легче, сильнее, более подготовленным к бою. Теперь он знал, что мощные сервомоторы в доспехах выполняют свои задачи, помогая справляться с увеличившимся весом и делая воина более подвижным в бою.

Очевидно, Железный Жрец заметил эту улыбку и понял ее значение.

— Ближайшие дни тебе нужно быть очень внимательным, поскольку ты еще не

знаешь своей силы.

Разнар вопросительно взглянул на него, не вполне понимая, что жрец имеет в виду. Тем временем по знаку жреца к ним приблизился маленький сервитор. В его груди открылось отделение, глиняная механическая рука вытянулась и вложила в руку жреца камень. Разнар поразился тому, как общались жрец и его машина, -- ни не было сказано ни единого слова.

-- Возьми этот камень, -- сказал Железный Жрец. -- Не беспокойся, он не имеет никакой ценности. Это просто для того, чтобы кое-что показать.

Разнар взял камень, изувитившись чувствительности силовых перчаток. Они были достаточно толстыми и могли защитить даже от удара топора, но в то же время позволяли ощутить текстуру камня почти так же, как если бы юноша касался его обнаженными руками. Железный Жрец прав. К этому надо привыкнуть.

-- Раздави камень, -- сказал Железный Жрец.

Разнар посмотрел на него, не вполне

понимая, что тот говорит. Он знал, что теоретически механизм его перчаток может создать достаточное для этого давление, но мозг инстинктивно не хотел верить в такое чудо. Это же невозможно! Человек не способен раздавить камень голыми руками.

-- Сделай это, -- сказал жрец. В его голосе прозвучала повелительная нота, которой нельзя было не подчиниться. Разнар сжал кулак. Он тут же ощутил сопротивление и инстинктивно ослабил хватку, но Железный Жрец просто повторил свою команду. Разнар еще раз сжал пальцы. Раздался треск -- камень раскололся, словно яичная скорлупа в пальцах ребенка. Разнар открыл ладонь и увидел, что на ней лежит кучка мелких осколков! Юноша сделал очень длинный медленный выдох. Теперь он по-настоящему начал понимать, какой силой его наделили.

-- Это -- твое личное оружие, -- сказал оружейник. -- Ты несешь за него ответственность. На каждом предмете есть твоя руна, чтобы ты мог их

отличать, а мы смогли опознать их в случае твоей смерти.

Разнар с благоговением взял оружие. Болт-пистолет был похож на то самое магическое оружие, которым Ранек уничтожил морского дракона, только немного поменьше. Кроме него здесь был ценный меч -- такой же, как у сержанта Хакона. На поясе, к которому подвешивалась кобура, имелись подсумки для гранатных раздатчиков.

-- С этими будь осторожней, -- заметил оружейник. -- Они так же опасны для глупцов, как и для врагов. А теперь следуй за сервитором и зарегистрируйся на учебном стрельбище.

Разнар посмотрел по сторонам и увидал Свена, Нильса, Стрибьорна и остальных, остатривающих свое оружие. Все они выглядели теперь по-другому -- выше и массивнее. Головы у всех были выбриты, за исключением одной длинной пряди волос, все были облачены в доспехи.

На лицах новобранцев застыло совершенно одинаковое выражение

гордости и изумления -- наверное, точно так же сейчас выглядело и его лицо. Все они чувствовали себя так, словно только что получили в руки заколдованное оружие из древней легенды -- в каком-то смысле так оно и было. Рагнар пристально посмотрел на Стрибьорна. Вполне возможно, подумал он, что на стрельбище с Беспощадным Черепом произойдет несчастный случай. Стрибьорн поднял глаза, встретился с ним взглядом, и Рагнар почувствовал: очень возможно, что его враг подумал то же самое.

Болт-пистолет подскочил в руке Рагнара. Даже при его неизмеримо возросшей силе, которая обеспечивалась успехами и преображенным телом, онгача была жесткой. Оружие вело себя как дикое животное, пойманное в капкан железной хватки пальцев.

Болт просверкнул мимо мишени и ударил по каменной стене пещеры, отколов огромный кусок. Рагнара воодушевляло чувство абсолютной власти, даваемое оружием, и в то же время угручала

неспособность поразить мишень. Уже не в первый раз он ощущал разницу между теоретическими знаниями, помещенными в его голову древними машинами, и реальной практической способностью что-то сделать.

Он теперь прекрасно разбирался в этом оружии -- понимал, как оно действует, знал, что оно стреляет безоболочечными реактивными снарядами, способными пробить тяжелые доспехи на расстоянии нескольких сотен шагов. Ему была известна емкость магазина. В теории он знал, как разобрать, почистить, починить пистолет и как именно надо из него стрелять. При прицеливании требовалось расслабиться, а после нажатия на спуск спокойно выдохнуть.

К сожалению, существовала большая разница между теоретическим знанием и практическим применением.

-- Не волнуйся, парень, -- сказал сержант Хенгист, их инструктор по оружию. -- Просто будь настойчив. Это придет со временем. Тренируясь, можно

обладать чем угодно. А это дело требует
серьезных тренировок. Хочешь -- верь,
хочешь -- не верь, но когда-то я не мог
попасть в дверь сарая. А сейчас...

Одним легким плавным движением,
совершенно не целясь и не
сосредоточиваясь, Хенгист извлек свой
пистолет и, вытянув руку, нажал на спуск.
Три выстрела подряд поразили тишень в
«яблочко» -- в сердце фигуры человека.

Разнар посмотрел на инструктора с
благоговением.

-- У вас так легко получается,
сержант.

-- Ничто не бывает таким легким,
таким выглядит. Но у настоящего
мастера все трудное кажется легким.

Разнар кивнул. Ему нравилось
слушать сержанта Хенгиста и учиться у
этого сего ветерана. Это было едва ли
не самым приятным в его новом
положении. Разнар и другие кандидаты
еще не были зачислены в настоящие бойцы,
но по крайней мере с ними уже не
обращались как с расходным материалом.
Теперь они представляли собой ценность

для Космических Волков. В недалеком будущем они смогут влиться в Орген. Хотя, впрочем, Хенгист просто мог быть более приятным человеком, чем другие Космические Десантники. Разнар постепенно узнавал, что все эти необычайные и грозные личности -- такие же разные люди, как и народ в его деревне... Его бывшей деревне. В гругой, такой далекой отсюда жизни.

Он не знал, почему это разнообразие так его удивляло. Возможно, потому, что он привык воспринимать всех Космических Волков одинаковыми. Конечно, все они выглядели похожими -- очень высокого роста, сильные и мускулистые, с одинаково странными волчьими глазами и столь же устрашающими клыками. Все они держались одинаково -- сурово и грубовато. И конечно, все они носили серые доспехи, в которых более походили на машины, чем на людей.

И тем не менее Разнар начал понимать, что все они -- люди, так же как и он. И он стал уважать этих людей.

поскольку знал, что все они прошли через те же самые испытания, а вдобавок выжили в страшных многолетних войнах.

-- Попробуй снова, парень, -- доброжелательно сказал Хенгист. -- И не думай ты так напряженно о том, что делаешь. Просто расслабься и сделай это. Сделай тысячу раз, если понадобится, но продолжай делать. Однажды твоя жизнь и жизнь твоих товарищей будет зависеть от твоей меткости. Это так же верно, как то, что Рүсс был пьяницей. Такова истина.

Рагнар кивнул и вновь поднял пистолет. Он повернулся, чтобы взглянуть, смотрит ли на него сержант, но Хенгист уже отправился дальше вдоль шеренги кандигатов и теперь спокойно говорил со Свеном. Рагнар закрыл глаза, глубоко вдохнул и на выдохе нажал на курок. Болт пролетел мимо мишени и зарылся в стену.

Юноша испустил долгий вздох разочарования. Да, ему придется еще долго тренироваться.

Разнар продирался сквозь заросли в джунглях. Воздух был горячим и влажным. Зеленые листья хлестали по лицу, а плотоядные растения хватали за ноги. Он нырнул под лиану, готовую удушить его, упал на колени и покатился вперед по лиственному перегною — в укрытие позади останков гигантского упавшего дерева.

Впереди, в густом подлеске, послышался какой-то шум. Юноша стер с лица пыльцу и споры, прицелился вдоль ствола пистолета и выстрелил. Пронизав листву, заряд взорвался, облив краской припавшего к земле Свена

— Я ухлопал тебя! — радостно воскликнул Разнар. Свен со стоном протянул руку к сердцу, нажал кнопку, отключив радиосвязь, и лишь затем театрально опрокинулся спиной на землю. Разнар удовлетворенно улыбнулся. Это третий член команды Красных, которого он вывел из строя на этих учениях. Еще один — и его подразделение вчистую выигрывает. Он ликвидирует всю команду противников. Разнар испытывал удовольствие от этого. Ему нравилось это

странное место, и он наслаждался
учениями. В этой обширной пещере,
полной чуждой флоры, новобранцев обучали
основам ведения боевых действий в
джунглях. Пещера находилась глубоко под
Клыкот, температура и влажность здесь
тщательно контролировались, чтобы
создать максимально реалистичную
обстановку.

Рагнар был доволен собой. Он стал
стрелять гораздо лучше, как и обещал
сержант Хенгист.

— Ухлопал тебя, — повторил он, зная,
что теперь предстоит найти лишь
Стрибьорна — последнего члена команды
Красных.

— А я ухлопал тебя, Рагнар, —
произнес голос у него за спиной. Рагнар
обернулся, поднимая пистолет, но было
слишком поздно. Стрибьорн стоял уже
прицелившись. Он нажал спуск, и удар
заряда сбил Рагнара с ног. Облако краски
покрыло его доспехи. Рагнар подумал было
о том, чтобы проигнорировать этот удар
и выстрелить в Стрибьорна, но чувство

чести не позволило ему сделать это. Кроме того, Рагнар подозревал, что сержант Хенгист наблюдает за сейчас нити через одну из камер — глаз парящих в воздухе шмелей. Разочарованный, он нажал кнопку и отключился от связи.

Лишь затем юноша выругался. Придется весь вечер оттирать доспехи. Тем не менее он был очень рад, что Стрибьорн выстрелил только зарядом краски, а не боевым патроном.

А еще он подумал: если бы это была настоящая пуля, Беспощадный Череп нажал бы на курок столь же быстро? В себе Рагнар не сомневался...

Рагнар смотрел на труп Ротвүлфа. Виг был еще тот. Затылка как не бывало, а стену над койкой кандигата украшало месиво из крови и мозгов.

— О, кости Рүсса! — выдохнул юноша. Это произошло так быстро. Только что Ротвүлф сидел на постели, стаясь и шутя, и чистил свой пистолет. Затем раздался грохот выстрела, и его голова разлетелась на куски. Все случилось так

быстро, что юноша даже не вскрикнул.

Подожел Свен и тоже посмотрел на трун. Затем подобрал пистолет и взглянул на него.

-- Угуот! -- пробурчал он. -- Магази́н-то остался внутри.

Разнар тоже внимательно осмотрел оружие.

-- И на предохранитель не поставил, -- добавил он.

Они посмотрели друг на друга. Разнар догадывался, что оба подумали об одном и том же. Смерти на учениях все еще случались, и в большинстве случаев -- по чистой небрежности. Отчасти это было связано с тем, как кандидаты получили свои знания. Теперь они знали все, но эти знания не укоренились в их мозгу. Все они знали, как чистить оружие, но не научились тому безусловному уважению, которое требовало к себе любое смертоносное вооружение. Так было и с большинством знаний, которые они получили. Как всегда, существовала огромная разница между теорией и способностью применить ее на практике.

-- Полагаю, надо положить
командиром, -- произнес Свен. Он
многозначительно посмотрел на Рагнара,
очевидно надеясь, что тот возьмет это на
себя.

-- Вот и отправляйся, -- сказал
Рагнар.

Свен огрызнулся, показав свои
растущие клыки, но не стал спорить. Он и
Рагнар не раз сталкивались за последние
несколько недель, укрепляя свои позиции в
группе, и Рагнар всегда выходил
победителем. Остальные научились не
бросать ему вызова -- будь то простое
столкновение интересов или обмен
ударам. Рагнар вновь вернулся к телу
товарища и вознес молитву Рүссу.

Что ж, они учились почтительному
отношению к своим возможностям, и это
были тяжелые уроки. Сколько из них
утрет еще до конца тренировок?

Насколько было известно Рагнару,
погибли еще двое. Кангидат по имени
Лози угрожался подорваться на своей кра-
пчатой гранате во время учения с боевым

оружием. Другой кандидат, Хральд, неожиданно опрокинулся навзничь и умер во время еды, и его тело сервиторы унесли к Железным Жрецам на вскрытие. Никто так и не понял, что с ним оказалось не так, хотя прошел слух, что его тело отвергло то ли генное семя, то ли один из новых имплантированных органов. Разнар не вполне понимал, как это могло случиться, но введенные в его мозг новые знания говорили о том, что иногда человеческие тела просто не принимали имплантаты, восставая против любых изменений. И тогда люди умирали. Это отнюдь не придавало бодрости ни Разнару, ни остальным кандидатам, но им ничего не оставалось делать, кроме как лежать без сна в своих комнатах и гадать, не произойдет ли то же самое с ними.

Через несколько дней Разнар просто перестал думать об этом. Ведь он до сих пор не умер — так зачем же тратить энергию на подобные размышления?

Кроме того, предстояло еще так много узнать и сделать, что и разум, и

душа его были очень заняты. Каждое утро на рассвете он поднимался и шел в одну из больших комнат для медитаций, где читал вслух литании, заложенные в его мозг накануне. Три часа он предавался размышлениям над таинствами религии и укреплял свой боевой дух, после чего съедал обильный завтрак. Пока тело переваривало пищу, его присоединяли к одной из древних обучающих машин и закачивали в мозг очередную порцию знаний, попутно внушая неодолимое обожание Рюсса и Императора.

К полудню, одеревеневшего, но не утомленного, его отсоединяли от этих загадочных древних устройств, и он отправлялся в залы для тренировок. Оставшуюся часть дня, в соответствии со своим графиком, Рагнар либо занимался физическими упражнениями, либо тренировался в бое без оружия, либо без конца практиковался с выданным ему оружием. Каждые несколько дней их направляли в одну из специальных пещер, где были представлены различные чуждые ландшафты. Здесь бывшие кандидаты в Костические Волки практиковались в

тактике и проходили тренинг выживания в незнакомой среде. Вскоре Рагнар уже научился заранее определять, когда именно состоятся такие занятия, поскольку накануне его всегда накачивали специальными знаниями.

После боевой подготовки или полевых занятий они возвращались в трапезную на ужин, а затем -- снова к обучающим машинам либо же к Железным Жрецам. Теперь их обучали работе с техникой, и первую очередь -- устройству и принципам обслуживания их вооружения и доспехов. Иногда занятия касались областей медицины или биологии, связанных с новыми органами, которые были имплантированы в их тела. В самом конце дня каждый проводил несколько часов в комнате для медитаций, а затем будущие Костические Волки отправлялись по койкам, где изнуренный Рагнар сразу же проваливался в глубокий сон.

Каждый седьмой день они собирались в Зале Кандигатов -- том самом, где Ранек впервые объяснил им, в чем состоит теперь их предназначение. Сюда приходил

сам Волчий Жрец и читал наставления, рассказывал об истории Оргена, будоража умы и души кандидатов подвижниками давних ушедших героев. Затем их водили по Клык, каждый раз показывая те места, в которых они не бывали раньше. Демонстрируя огромные устройства, и объясняли их сущность и назначение, попутно рассказывая о славных страницах в истории Оргена, которые были связаны с ними.

Разгар с благоговением разглядывал места былых сражений с силами Хаоса, бывавших здесь в темные времена, когда враги вторглись в сам Клык. Он с изумлением глядел, как стартуют могучие небесные корабли, которые, как он теперь знал, пронзив воздушную атмосферу, окружающую Фенрис, встретятся с теми исполинскими судами, что покрывают невообразимые пространства между звездами. Он смотрел на огромные автоматизированные фабрики, где из самого сердца планеты, из глубоководных залегающих металлов и минералов

изготавливались оружие и снаряжение для Космических Волков.

Дни превращались в недели, недели становились месяцами, и Рагнар все увереннее чувствовал себя в своей новой роли и новом положении. Он познакомился со многими в Клыке и ощущал, что постепенно, по мере того как он учился и рос, его стали принимать за своего. Он все лучше чувствовал ритм здешней жизни и постепенно понял, что большинство Космических Волков почти не бывают в Клыке, всегда находясь где-то в Галактике по делам Императора.

Теперь он лучше узнал тонкости оргенской структуры. Орген состоял из нескольких крупных подразделений, во главе каждого из них стоял могучий и опытный командир. Очень редко в Клыке присутствовало более одного такого подразделения. Иногда подразделения ненадолго возвращались домой, чтобы перевооружиться, переоснаститься и восполнить понесенные в боях потери за счет новобранцев из числа кандидатов. Рагнар знал, что через Клык проходит

постоянный поток кандидатов и что
однажды и ему выпадет жребий быть
принятым в одно из тех больших
подразделений и отправиться с ним к
звездам.

Разнар видел, как в Клык прибывают
новые кандидаты из Руссвика и других
мест, разбросанных по Асахейму, и как они
отправляются к Вратам Моркаи. Он
стал узнавать тех, кто прибыл сюда до
него. Иногда в колнатах для медитаций
он встречал настоящих Космических
Волков. Седящие ветераны возвращались
из невероятной дали и ненадолго обретали
спокойствие в убежищах Клыка, прежде
чем вернуться к своим обязанностям. В
такие мгновения ему больше всего
хотелось присоединиться к ним и
отправиться на великие сражения в
дальние части Вселенной -- но в глубине
души он знал, что его день наступит еще
не скоро. Из разговоров со старшими
кандидатами Разнар понял, что иногда
могли пройти годы, прежде чем молодых
Волков отправляли на помощь более
опытным старшим братьям. То есть у

него еще ителось достаточно времени, чтобы отточить свое мастерство и сделать все, чтобы не опозориться, когда придет тот великий день.

Его ненависть к Стрибьорну и жгущего пламени превратилась в тупую ноющую боль. Но даже Беспощадный Череп стал частью его новой жизни -- так же, как Свен, Нильс и остальные. Все они теперь тренировались вместе, одной командой, и все понимали, что являются частью одного подразделения и будут отправлены в бой вместе, когда настанет время. Они еще не стали полноценными Кровавыми Когтями и не были приписаны к определенному командиру, но знали, что наступит день, когда это произойдет. Никто не сомневался в том, что они способны достойно проявить себя в бою. Все кандидаты понимали, что это лишь вопрос времени.

Ранек смотрел на них с возвышения. Его изборозженное шрамами лицо было исполнено гордости, и эта гордость отражалась в душе Рагнара и каждого из

присутствующих кандидатов.

— Вы хорошо потрудились, — сказал им жрец. — Вы познали все, что вам было предназначено. Вы живыми вышли из таких испытаний, какие выпадают на долю не многих людей, и еще меньше людей способны их пережить. Вам есть чем гордиться.

Но гордитесь не слишком сильно, ибо то, что вы здесь узнали, должно направить ваши мысли к единственной великой истине. Жизнь Космического Волка — это одно долгое испытание, и воин может не выдержать его — по разным причинам. Он может струсить, допустить небрежность или ошибку при выполнении своих обязанностей, впасть в грех. Он может позволить себе крупную сомнению, ненависти...

Вообразил ли это Рагнар, или Волчий Жрец действительно посмотрел на него, произнося эти слова?

— ...или слабости, через которые наши враги-демоны способны войти в его душу и разложить ее. Мы никогда не должны забывать о том, что именно это

случилось с некоторыми из наших предшественников по Оргену в древние времена -- хотя они были могучими людьми, во многом даже более значительными, нежели мы. Мы никогда не должны забывать о том, что войны, которые мы ведем, есть духовная борьба в той же степени, в какой и борьба физическая, и что наша вера в Рүсса и в Отца Всего Сущего -- наш главный щит.

И мы никогда не должны забывать о цели этой долгой жизни, этих бедствий и испытаний. Она в том, чтобы увидеть, достойны ли мы встать рядом с нашим примархом в те последние дни, когда силы Хаоса вынырнут из бездны космоса, словно драконы из моря, дабы поглотить нашу Вселенную. В тот день, когда речь пойдет о конце всего сущего. Убо тогда все Избранные встанут рядом с Рүссом и двинутся на бой со злом -- на битву, в которой решится судьба всего мира. Помните об этом в будущем, когда вас попросят отдать жизнь за ваших товарищей и ваш Орген. Если вы окажетесь достойными, наградой вам

будет возможность встать рядом с величайшими из героев в самой грандиозной из всех битв. Конечно, ни один воин не может просить о большем.

Сейчас вы сочтены достойными принять обязательства на священном Алтаре Рюсса и присоединиться к рядам Космических Волков. Пусть каждый выйдет вперед, преклонит колени перед алтарем и поклянется, что будет служить нашему Оргену всеми возможными способами и во все времена, до самой смерти и после нее, телом, разумом и душой.

То мгновение, когда Рагнар выполнил этот ритуал, было моментом наивысшего удовлетворения в его жизни.

Рагнар и Свен чокнулись кружками эля. Рагнар вытянул губы и одним долгим глотком опрокинул в себя пенящийся напиток. Затем он вытер рот тыльной стороной руки в допешной перчатке и испустил долгую отрыжку. Он был пьян и понимал это. Этот эль, должно быть, очень крепок, чтобы оказывать такое

воздействие на организм -- со всеми способностями его нового тела перерабатывать яды. Быть может, именно отсюда пошли легенды о тех, кто умер, испив эля богов. Впрочем, сейчас это не имело особого значения.

Рагнар окинул взглядом огромный зал. Он был полон. Казалось, весь Клык собрался здесь, на пир посвящения. В зале стояли глиняные столы. Вновь посвященные кандидаты занимали одну большую скамью. Сервиторы неустанно подносили им эль и тарелки со свежей олениной, снятой с огромных вертелов в конце зала. На столе стояли блюда, заваленные хлебом, маслом и сыром. Рагнар подумал, что никогда еще не пробовал такой вкусной еды. Может быть, причиной тому были его обострившиеся чувства -- или просто эта пища была гораздо лучше той, к которой Рагнар привык.

-- Еще по одной, Рагнар! -- сказал Свен. Лицо его покраснело от эля и светилось от счастья и эля. -- По одной, а затем мы потеряемся силой рук.

-- Прекрасно! -- Рагнар опростал еще

кружку и внезапно почувствовал на себе
взгляд Ранека. Он вновь налил себе, поднял
кружку и выпил за здоровье Волчьего
Жреца. Ранек с улыбкой ответил тем же.
Его поддерживали люди в доспехах, что
сидели с обеих сторон от жреца. Внезапно
собравшиеся Волки хором запели. Не зная
слов, Разнар присоединился к ним, вторя
мелодии и прерываясь только затем,
чтобы заправить в рот очередную порцию
еды и эля.

Единственным, что отрачало его
счастье, было присутствие за столом
Стрибьорна. Но вскоре должен прийти час
расплаты. Он слишком долго откладывал
свою месть. После того как эта мысль
поселилась в одурманенном разуме
Разнара, вечер отчасти потерял для него
свою яркость, пиво -- свой вкус, а песни --
воодушевление.

14. В поле

Наблюдая за тем, как взлетает «Громовой Ястреб», Рагнар крепче сжал рукоять цепного меча. Дюзы небесного корабля ярко вспыхнули, когда он, увеличивая скорость, поднимался над горами. Через несколько секунд раздался резкий звук, похожий на раскат грома, и воздушное судно исчезло из виду. Юноша окинул взглядом остальных, чтобы понять, как они воспринимают происходящее.

Никто из их группы не выглядел взволнованным, хотя это была первая настоящая боевая задача Кровавых Козтей. Все они смотрели на сержанта Хенгиста, ожидая его команд. Рагнар тоже бросил взгляд на сержанта, но старший Костический Волк, казалось, погрузился в глубокие размышления, и юноша вновь вернулся к осмотру местности.

Группа оказалась в безрадостном месте. Оно было не таким диким, как горы, которые довелось пересечь Рагнару перед посвящением, но все же достаточно

суровым, чтобы заставить большинство людей призадуматься. Новобранцы стояли на поляне среди леса, раскинувшегося в вытянутой долине. Со всех сторон их окружали огромные горы, вздымающие в небо свои заснеженные вершины. Откуда-то доносился шум быстро бегущей воды. Должно быть, это была та самая река, которую они видели с воздуха. Она стремилась по склону к озерам, расположенным ниже.

Лес вокруг выглядел темным и угрюмым. Рагнар различил запахи сосны и других хвойных деревьев, которые могли расти на этой высоте. Он слышал, как шныряют в подлеске мелкие животные, подают голос редкие птицы. То здесь, то там конья раннего утреннего света пронзали облака, освещая эту унылую землю. Далеко на горизонте собирались грозные тучи, черные как сажа, и Рагнар понял, что еще до наступления ночи разразится буря. Это не обеспокоило его. Он привык к бесконечно изменчивой погоде в горах. Или надеялся, что привык. Внутренний Голос предосторожности

возразил, что ни один человек никогда полностью не привыкал к здешнему климату, и тот, кто думает иначе, обречен на быструю и глупую смерть. Всегда лучше с почтением относиться к стихийным силам природы.

Насколько юноша мог судить, непосредственная угроза отсутствовала — но это, опять-таки, ничего не значило. Его учили всегда быть готовым к неприятностям. В ближайших зарослях может таиться все что угодно, может лежать здесь в засаде. Может быть, именно беспечность и погубила предыдущую группу.

Разнар поднял свой болт-пистолет и внимательно огляделся по сторонам, готовый в любое мгновение нажать на спуск. Но в поле его зрения не попало ничего, кроме белок, собирающих орехи у подножия одного из ближайших деревьев. Никаких темных и зловещих сил вблизи не наблюдалось. Возможно, предыдущая группа просто заблудилась, или задержалась в пути, либо у них внезапно испортилась аппаратура связи...

Разнар улыбнулся этим мыслям. Он сомневался, что здесьгодились столь простые объяснения. Группа Кровавых Когтей под предводительством опытного Костицкого Волка не могла просто так заблудиться в горах Асахейта. У них имелись компасы, локаторы и всевозможное оборудование, надежность и эффективность которого не переставала изумлять Разнара. Разумеется, магнитные бури могли вывести из строя связь и радиотаяки, а какая-нибудь железорудная аномалия сбить с толку компасы. Но какова вероятность того, что все это произошло одновременно? Да вдобавок к этому на горы опустился густой туман, сделав невозможным визуальную ориентировку... Нет, это выглядело невероятным. Однако что же все-таки случилось с группой? Она опоздала и не встретила экипаж «Громового Ястреба» -- вот и все, что можно было сказать. Несомненно, произошло нечто неприятное, и задача группы Хенгиста -- выяснить, что именно случилось.

Разнар взглянул на сержанта. Тот стоял в глубоком раздумье, словно приняв к многочисленным тропинкам, которые вели с этой поляны. Разнар усомнился, что здесь удастся отыскать какой-нибудь знак. Запах уже больше недели -- скорее всего, дождь смыл любые следы. С другой стороны, убедиться в этом можно, лишь тщательно обшарив и обнюхав все окрестности.

Другие Кровавые Когти нервничали точно так же. Им всем не терпелось приступить к выполнению настоящей боевой задачи. Тут было двенадцать человек -- всего дюжина кандидатов, уцелевших из целого набора, с которыми Разнар проходил посвящение. Среди них были Стрибьорн, Свен и Нильс. Разнар приметил Ларса, странного и робкого на вид юношу, которому, как считали все, суждено в будущем стать Рунным Жрецом. Здесь были Снори, Вульф и Кизан, а также несколько других новобранцев, которых Разнар знал не очень хорошо. Всем им страшно хотелось начать действовать, использовать любую

возможность, чтобы проявить себя перед
сержантом Хенгистом.

Разнар был рад, что их командиром
назначен именно Хенгист. Присутствие
старого воина очень успокаивало. Казалось,
он обладал мудростью и самообладанием,
которых не хватало всем новобранцам.
Разнару пришла в голову мысль, что эта
мудрость, должно быть, приходит к воину
вместе со шрамами и глиняными кляктами.
В облике Хенгиста таилась какая-то
печаль, у него был вид человека, который
пережил свое время. Разнар знал, что,
подобно многим инструкторам в Клыке и в
таких местах, как Руссвик, сержант
оказался единственным уцелевшим из
своей группы. Все его старые товарищи, с
которыми он прошел основной курс
обучения и воевал бок о бок на протяжении
всей своей карьеры, погибли, оставив
Хенгиста доживать свои дни в
одиночестве. Разнар посмотрел на
товарищей и внезапно осознал, что один из
них когда-нибудь может оказаться в
таком же положении. Он поежился и вознес
молитву Руссу, умоляя избавить его от

этой участи.

Время от времени сержант останавливался, сверяясь с маленьким локатором, который держал в правой руке. Рагнар понял, что тот не просто ищет некий знак, а каждый раз просчитывает, какой тропой вероятнее всего могли воспользоваться те, кого они ищут.

Примерно через пять минут поисков сержант удовлетворенно кивнул и жестом приказал следовать за ним, отправившись по выбранной тропе. Когда они вошли под сень деревьев, где-то далеко закричала птица. Рагнар не узнал этот крик, но в нем было что-то тревожное. Он вздрогнул, на мгновение ощутив предчувствие беды. Оглядевшись, он увидел, что Ларс явно ощутил то же самое. Его худощавое аскетичное лицо вздрогнуло, а в глазах промелькнул ужас.

Рагнар отвернулся. Даже по меркам Кровавых Когтей, которые лишь недавно пережили воздействие Чаши Вульфена, Ларс выглядел просто сундучишкой.

Рагнар целеустремленно взбирался по холму, прислушиваясь к подвыванию

своих госпехов. Сервототоры и гиростабилизаторы напряженно работали, чтобы обеспечить ему равновесие на крутом неровном склоне, из-под ног то и дело вылетали здоровенные комья земли. Холодный чистый воздух и красота окружающей природы воодушевляли гоношу. Его увеличившаяся мускулатура не испытывала ни малейшего утомления. Казалось, что госпехи делали за нее основную часть работы во время марша и что при желании он мог продолжать движение бесконечно.

Разнар слышал, как Свен, шедший впереди, бормотал, разговаривая сам с собой. Казалось, *canis helix* каким-то странным образом повредил его разум. Теперь парень часто разговаривая сам с собой, много ворчал под нос и вообще выглядел чересчур унылым. Разнар мысленно пожал плечами. Чтобы испортить владевшее им хорошее настроение, требовалось что-нибудь по существу, чем печали Свена. Конечно, всех их так или иначе затронуло пробуждение зверя, что таилась внутри. Он

полностью отдавал себе отчет в том, что стал более вспыльчивым, готовым огрызнуться по малейшему поводу. Когда кто-то обращался к нему с вопросом или пытался возражать, Рагнару хотелось броситься на него и доказать свое превосходство с помощью физической силы. В некоторых ситуациях он испытывал желание разорвать собеседнику горло зубами — и в такие мгновения ему требовалась вся сила воли, чтобы обуздать таящегося внутри зверя, все душевное спокойствие, которое приносило лишь повторение древних литаний.

Хуже всего было то, что он с трудом замечал эти приступы, пока они не проходили. Они казались совершенно естественной реакцией. А ведь это лишь те изменения, что ему удалось заметить. Он часто размышлял: существуют ли другие, более глубокие и не замеченные им перемены?

Рагнар знал, что так происходило с некоторыми из его товарищей. Свен, казалось, просто не замечал, что говорит сам с собой. Нильс не знал, что постоянно

принюхивается к воздуху, словно проверяет, не подкрадываются ли враги. Стрибьорн стал еще более молчаливым, угрюмым и задумчивым, чем когда-либо прежде. Казалось, за те великие силы, что они получили, приходится платить, и все они расплачиваются по-своему. Это была тревожная мысль. Жрецы неоднократно говорили, что со временем все новобранцы приспособятся, но сейчас Рагнару было трудно в это поверить.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, Рагнар стал размышлять над задачей их группы. Предыдущий отряд направили в это удаленное место, чтобы исследовать следы странного метеоритного дождя. По-видимому, это явление нередко случалось в этой части Асахейма, но все же подобное происшествие требовало особого внимания, поскольку враги пытались проникнуть на поверхность планеты под любым прикрытием. Рагнар не представлял, чем могли бы заняться эти враги, понав сюда, но он усвоил, что Костические Волки

редко беспокоились без достаточных на то причин.

Сила врагов человечества была чудовищна, и у Оргена имелись все основания проявлять осторожность. В этом удаленном районе можно было накопить силы для применения самой невероятной магии либо неизвестных технологий. Шпион мог сидеть здесь долго, выведывая тайны Клыка и готовя почву для полномасштабного вторжения. Разгар знал, что такое уже бывало в прошлом, значит, легко могло повториться опять.

В любом случае их подразделение должно отыскать пропавший отряд и оказать помощь оставшимся в живых. Если же никто не уцелел, необходимо найти хотя бы тела и вернуть священное семя, а также выяснить, что погубило отряд. Конечно, если группа Хенгиста сама не попадет в ловушку или не напорется на многократно превосходящего противника. А такая возможность существовала всегда. В конце концов, первая группа была столь же

многочисленна и так же хорошо вооружена.

Разница в том, что теперь они готовы к случайностям. Разнар улыбнулся, поймав себя на этой мысли. Костический Десантник всегда готов. Любое задание должно выполняться так, словно от этого зависят вопросы жизни и смерти. Веграно или поздно так оно и окажется.

Ночью они разбили лагерь -- не потому что нуждались в отдыхе, а для того, чтобы не упустить чего-нибудь, занимаясь поисками в темноте. Сейчас отряд был значительно ближе к месту, откуда пропавшая группа последний раз выходила на связь. Теперь Разнар понял, почему их группу не высадили здесь. Они шли глиняными узкими ущельями, где «Грозовой Ястреб» просто не смог бы сесть. Проще всего было попасть сюда пешком. К тому же им удалось обнаружить некоторые следы пропавшей группы -- брошенные пищевые тюбики и участки, где подлесок был явно вырублен ценными мечами. И то и другое было признаком небрежности и чрезмерной уверенности в себе. Отряд Хенгиста

гораздо тщательнее заботился о том, чтобы не оставлять следов. Разнар не представлял, кого именно опасался сержант, но командир группы явно не желал рисковать без цели.

Они не развели ни одного костра, а вокруг лагеря были выставлены часовые. Вся связь осуществлялась по направленным кодированным радиоканалам. Подслушивать эти переговоры было очень сложно. Разнар все еще не привык к тому, что два маленьких шарика — один в ухе, другой на горле — позволяют ему говорить с другими Кровавыми Когтями на огромном расстоянии, при этом не повышая голоса. Но эта возможность была очень полезной. Часовой мог быстро и почти бесшумно предупредить всех, если что-нибудь замечит. Те, кто надеялся подкрасться тайно и застигнуть их врасплох, быстро оказались бы в дураках.

Разнар бросил взгляд на Свена. Приступ ворчливости прошел, и молодой воин вновь стал самим собой. Нахмурившись, он высасывал съедобную пасту из тюбика.

— Интересно, они сразу разложили это собачье дерьмо по тюбикам или сначала добавили в него кошачьей блевотины? — сказал он, с кривой ухмылкой высосав тюбик подчистую. Разнар понимал, что имел в виду Свен. Походные пайки были очень питательными и содержали все, что необходимо воину, но по вкусу они совершенно не походили на настоящую еду.

— Если не хочешь свою, давай ее сюда, — сказал Нильс.

Разнар не мог понять, как такой сухопарый и тощий парень может столько есть. Свен явно разделял это недоумение.

— Ты еще хочешь этого? — переспросил он.

— В нем нет ничего плохого, мне нравится.

На лице Свена промелькнуло удивление. Но, несмотря на только что выраженное недовольство едой, он не сделал попытки передать свой тюбик.

— А существует ли что-нибудь, чего ты не станешь есть?

— Не знаю. Я такого пока не нашел. Очевидно, с моим новым улучшенным

желудком для меня осталось очень мало несъедобного.

Это было правдой. Им сообщили, что пошито вживления генного семени в их желудки были дозавлены всевозможные «ферменты» и «железы». Теперь новобранцы могли при необходимости есть даже дерево, а большинство ядов не оказывало на них никакого воздействия. Но Рагнар пока не испытывал необходимости попробовать чего-нибудь из перечисленного.

— Я видел, как он ел пучок веток, — сообщил Стрибьорн.

— На одной из них был чудесный жирный слизняк, — спокойно добавил Нильс. Рагнар не был уверен в том, действительно это было так или Нильс просто решил вызвать у собеседников отвращение и тем самым прервать разговор.

— В любом случае не понимаю, почему Свен всегда цепляется к тому, что я ем, — добавил Нильс после паузы. — Я тоже никогда не видел парня, который уминает такое количество еды, как он.

Свен устехнулся:

— Так то ведь настоящая еда. Оленина, хлеб, сыр и эль. А не эта дерьмовая смесь.

— Я бы сейчас убил за кусок сыра, — пробормотал Ларс.

Разнар мысленно согласился с ним. От разговора о настоящей еде его рот наполнился слюной. Пищевая паста внезапно показалась еще омерзительнее, чем обычно.

— Поспите немного, — сказал подошедший сержант Хенгист. — Кто знает, может у вас скоро и в самом деле появится возможность кого-нибудь убить.

Разнар смотрел, как над горами занимается рассвет. Подошел конец его дежурства, а он совершенно не устал. От красоты восхода захватывало дух. Сначала горы были почти невидимы. Их силуэты походили на зубчатый край занавеса ночи, за которым таилась абсолютная пустота. По мере того как небо светлело, горы выступали из тьмы, но все еще казались плоскими, словно нарисованные на каменном стене. Но постепенно свет

усиливался, и они становились более материальными, обретали глубину и детали, пока неожиданно не вспыхнули на внезапно появившемся солнце.

С деревьев под ними поднимался туман, будто белый дым стремился к небу. Облака словно бы рождались прямо из гор в внутреннем свете. Или будто какой-то чародей заколдовал лес с помощью сокровенного волшебства, создав дым без пламени. Рагнар понимал, что дело совсем не в этом, что скоро туман испарится, как ночной призрак, в солнечном свете. И тем не менее он наслаждался созерцанием заново рожденного мира и слушал пение птиц, приветствующих солнце.

Уздалека слышались голоса — это Свен и Нильс опять начали пререкаться из-за еды. Свен обвинял товарища в краже ночью пищевых тюбиков.

Они шагали вниз по склону к странно изуродованному участку леса. Теперь все хранили молчание и были настороже. Пробираясь вниз по тропинке, новобранцы хорошо видели участок леса, что

располагался прямо под ними. Здесь он выглядел темнее, мрачнее и более густым. Деревья казались искривленными и болезненными. Внимательнее изучив их с помощью магнокуляров, сержант Хенгист сообщил:

— Это что-то новое. В рапорте Урлека о таком не сообщалось.

— Деревья выглядят так, словно подцепили чуму, — заметил Рагнар.

— Только ты этого не говори, — вставил Свен. — Нильс обязательно захочет их съесть.

Деревья на самом деле выглядели так, словно заразились тяжелой болезнью. Они были чахлыми и искривленными, как больные люди, а некоторые будто бы уже разлагались и утирали. Стволы облепила странная светящаяся плесень, призрачное мерцание которой было заметно даже в бледном дневном свете, пробивающемся сквозь листву деревьев. Рагнару никогда не приходилось видеть ничего, даже отдаленно напоминающего эту картину.

Он огляделся по сторонам. Лицо Ларса опять было искажено гримасой — он

явно испытывал от происходящего неприятные ощущения. Нахло тоже скверно. Собственно, весь лес издавал запах распада и гниения, но в этом запахе имелась некая тревожная нотка, от которой волосы на шее Рагнара встали дыбом. Было очевидно, что сержант Хенгист чувствует то же самое. Он установил связь с Клыком и начал свой рапорт, но вскоре все услышали треск статических разрядов. Что-то явно мешало прохождению сигнала. На мгновение у Рагнара возникло жуткое ощущение, что болезнь деревьев имеет какое-то отношение к этим помехам, но он отбросил эту мысль как нелепую. Как это может быть? Однако знания, помещенные древними машинами в глубину его мозга, напоминали о том, что случались и куда более странные вещи.

«Что же будет делать сержант?» — подумал Рагнар. Хенгист мог отдать приказ уйти вверх, на гору, чтобы подняться над зоной помех. Он мог приказать продолжать путь вперед. На какой-то миг показалось, что Хенгист

находится в нерешительности, но затем командир знаком велел отряду трогаться в путь. Похоже, они собирались двигаться дальше.

Сейчас они находились недалеко от того места, где в последний раз было отмечено местонахождение исчезнувшего отряда. Это была последняя точка, которую стогла вычислить сложная локаторная система Клыка. И теперь Рагнар понял почему. Тропинка, что вела через больной лес, заканчивалась отвесной скалой. Единственный путь вперед лежал через вход в пещеру, зияющий в горе.

Сержант Хенгист сделал Рагнару знак рукой — это означало приказ выдвинуться вперед и провести разведку. Держа оружие на изготовку, юноша осторожно шагнул вперед, словно пещера была пастью дракона, которая может захлопнуться и поглотить его. Но мере приближения к черному зеву странное зловоние становилось все сильнее и беспокойство Рагнара крепло. Каким-то образом он ощущал, что во тьме пещеры таится нечто опасное. Ощущение

гнилостности здесь было гораздо сильнее,
чем в больном лесу.

Разнар со всеми
предосторожностями приблизился к входу
в пещеру и напряженно взгляделся в сумрак,
но не увидел там ничего, кроме тропинки,
которая вела в темноту, в глубь горы. У
него было чувство, будто он смотрит в
глотку огромному зверю.

-- Видишь что-нибудь? -- спросил
Хенгист по радио,

-- Только туннель, -- ответил
Разнар. -- Что дальше?

-- Мы идем туда, -- произнес Хенгист.

Разнар боялся, что сержант скажет
именно это.

15. Во мгле

Разнар настороженно осматривался по сторонам в царившем здесь сумраке. Фонарь на его плече посылал вперед яркий луч света, который пронзал адскую темноту. В это мгновение луч высвечивал только влажную стену пещеры, но у Разнара было отчетливое ощущение, что вскоре картина изменится. Стены в свете фонаря переливались перламутровым блеском. Определенно, вокруг что-то было не так. Все обостренные и натренированные чувства Разнара просто вопили об этом. В тревоге он прислушивался к эфиру, в наушнике слышался только треск статического электричества. Что-то создавало помехи радиосвязи — возможно, это было лишь фоновое излучение окружающих скал. Плохо. На всех учениях, в которых Разнар принимал участие, подчеркивалось, насколько хорошая связь необходима для эффективности действий подразделения.

-- Что это? -- спросил Свен. Он шел впереди, а теперь остановился и наклонился, чтобы рассмотреть нечто на сыром песке, покрывавшем пол пещеры. Рагнар напрягся, готовясь мгновенно кинуться в бой, если из темноты возникнет что-то неожиданное. Он осторожно подошел к Свену и занял позицию, откуда мог прикрыть товарища и держать под прицелом открывавшийся дальше узкий темный проход. Затем бросил быстрый взгляд на то, что разглядывал Свен. Отражая свет наплечной лампы, на полу ярко сверкнул кератит. Это был кусок доспехов Костицкого Десантника, наполовину засыпанный песком. Возможно, фрагмент нагрудной пластины. Рагнар тельком отметил, что на пластине видна часть знака волчьей головы.

Отложив это в памяти, он вновь сосредоточился на входе в туннель, стараясь оставаться настороже и в то же время размышляя над полученной информацией. События развивались не слишком ободряюще. Мало что способно

разломить кератитовый госпех. Скорее всего, владельца этих госпехов погубил не оползень горной породы и не животное. Если, конечно, он действительно убит, а не лежит сейчас раненый или плененный где-то в этих кажущихся бесконечными коридорах.

Это привело его к другой тревожной мысли. Разнар подумал: а известен ли ему владелец этих госпехов? Был ли он из числа Кровавых Козтей постарше, которые поступили в Орген раньше него? Многих из них он видел в Клыке. Разнар начал безмолвно читать одну из старых литаний, что были в его памяти, мысленно обкатывая каждое слово. Словно старые друзья, они напояли его о том, что нужно жить настоящим мгновением, сосредоточиться на окружающем и не позволять воспоминаниям отвлекать от дела. В этом зловещем месте хорошо заученные инструкции оказались очень кстати.

Разнар попытался прикинуть, как далеко они ушли от главного входа. Казалось, что по этим туннелям пройдены

уже многие мили, а намеки на след оставались все такими же слабыми. Вмонтированный в госпехи шагомер сообщал, что они покрыли пять целых и шесть сотых имперского километра, но это не давало никакого представления о том, насколько глубоко под землей они оказались. Коридоры извивались и переплетались, словно безумная змея. Они могли оказаться глубоко в недрах Фенриса — или же в сотне шагов от того места, где начали свой путь.

Разнар был уверен лишь в одном. Ему не нравился запах этого места. В прохладном, влажном воздухе все так же витал запах тления, к нему примешивался след непонятного запаха, от которого ему хотелось обнажить свои клыки и броситься на первое живое существо, оказавшееся в пределах досягаемости. Это ощущение было неестественным, но зверь внутри него лишь ворочался и обеспокоенно ворчал. Только присутствие рядом братьев по оружию придавало Разнару уверенности.

— Кератитовые госпехи, — произнес

Хенгист своим скрипучим голосом. --
Разлом чистый. Похоже, кто-то применил
магнитостальной клинок. Очень
интересно...

Эмоций в голосе сержанта было не
больше, чем когда он описывал
характеристики боевых управляемых
снарядов в учебных подземельях Клыка.

-- А разве у Чужих есть
магнитостальное производство? --
удивился Рагнар.

-- Может быть и нет, -- ответил
Хенгист.

-- Что же это значит?

-- Посмотрим. Давайте поспешим.
Рагнар, ты, кажется, уже понял, в чем
дело. Двигайся впереди.

-- Да, сержант.

Рагнар прибавил шаг, погружаясь во
всепоглощающую тьму.

-- Похоже на что-то вроде склада, --
сказал Рагнар, осматривая обширную
пещеру. Грубо обтесанные стены серо-
зеленого оттенка слегка изгибались над
ниги, но не стыкались, а уходили в полную
темноту. Стены были испещрены

потоками рудной ржавчины, словно кровью. Вряд ли эта пещера имела целиком естественное происхождение. Сухой красноватый песок на полу слегка хрустел под ногами. Существа с крыльями летучих мышей бросались во все стороны от света фонарей, подобно рваным клочьям тьмы. Сразу дюжина лучей металась по сторонам, отбрасывая в сумрак глиняные тени. Тишину нарушали только слабое подвывание сервомоторов в доспехах и хлопанье крыльев летающих существ.

Вдоль всех стен стояли глиняные урны. Рагнар подошел к ближайшей из них, раздумывая, стоит ли поднимать крышку. Хенгист опередил его, ударив по урне тяжелым башмаком. Затхлый запах старого зерна и плесени бросился в нос Рагнару.

— Похоже, ты был прав, — произнес Хенгист. Рагнар не ответил, еще раз взглядевшись по сторонам. Это место производило очень странное впечатление. Сама пещера явно была естественного происхождения, но некоторые ее места, очевидно, испытали на себе воздействие

человека. Разнар готов был поклесться, что заметил фрагмент сталепластового бруса, почти целиком загнанного в скалу. Он указал на него сержанту.

— Посмотри поближе, — приказал Хенгист.

Разнар оглядел стену в поисках опоры и полез вверх. Чем выше он поднимался, тем сильнее пахло экскрементами. Очевидно, здесь находилось гнездовье существ, похожих на летучих мышей. Вскоре юноша вскарабкался высоко по стене, оставив позади множество ниш, похожих на гнезда. Весь отряд был далеко под ним, и даже луч наплечного фонаря с трудом достигал пола.

Когда Разнар добрался до потолка пещеры, то уже без удивления обнаружил, что его первоначальное предположение оказалось верным. Это были сталепластовые балки, частично проронутые коррозией. Знания, помещенные в его голову обучающими устройствами Клыка, подсказывали, что эти брусья должны быть невероятно древними. Требовались тысячелетия, чтобы

сталепласт начал ржаветь.

Юноша спустился вниз и доложил Хенгисту о находке.

— Похоже, мы нашли одно из мест поселений Древних, — сказал сержант. — Но, судя по всему, не мы первые.

Разнар вопросительно посмотрел на командира.

— Человечество на Фенресе очень древнее. Люди обитали здесь задолго до Рюсса и Империи. Возможно, первые поселенцы укрывались в этих пещерах от стихий еще во времена Эпохи Краха.

Разнар кивнул. Это звучало логично. Такие пещеры — прекрасное убежище от холода, бурь, метеоритных дождей. К тому же эта часть Асахейма была достаточно стабильной, здесь редко случались землетрясения. Но тогда непонятно, почему люди покинули такое удобное место. Разнар спросил об этом Хенгиста. Сержант поторщился и покачал головой:

— Теперь остались только легенды, но в них говорится, что в скалах была какая-то древняя сила, которая вызывала

изменения в людях и делала их восприимчивыми к влиянию Хаоса. Некоторые говорят, что эта сила имела естественное происхождение, другие утверждают, что здесь проявлялись последствия использования древнего запретного оружия. Никто сейчас не знает наверняка. Известно лишь, что города в пещерах были заброшены очень давно, и сам Русс запретил здесь селиться.

— Похоже на то, что указа Русса послушались не все.

— Да, — согласился Хенгист. — Всегда находятся люди, которые делают запрещенные вещи просто потому, что они запрещены. Таково человеческое безрассудство.

Разгар с удивлением обнаружил, что по меньшей мере сочувствует тем, кто населял эти пещеры. В конце концов, они обеспечивали совершенное убежище от диких бурь Асахейма. Он знал, что насущная необходимость зачастую бывает сильнее, чем древнее табу. Однако все эти мысли он благоразумно оставил при себе. Мелькнуло подозрение, что они даже не

принадлежали ему, а были плодом какого-то коварного внешнего воздействия на его разум, но Рагнар отбросил эту гипотезу как абсурдную.

— Нам лучше поспешить, если мы хотим найти хоть какой-нибудь след наших исчезнувших братьев, — сказал Хенгист.

Откуда-то спереди до Рагнара доносился постоянный звук падающих капель: влага конденсировалась на потолке пещеры и затем падала в какой-то подземный водоем. Повернув за угол, он с удивлением увидел впереди и сверху слабое бледно-желтое свечение. Юноша притянул свой наплечный фонарь и сделал идущим позади Кровавым Котям знак рукой — оставаться на месте. Затем он присел к земле и медленно двинулся к источнику свечения.

Туннель сузился, а пол коридора стал постепенно подниматься, пока не превратился в довольно крутой склон. Поднимаясь вверх, Рагнар был вынужден одной рукой помогать себе удерживать

равновесие. В правой руке он держал наготове пистолет.

Подняв голову над уровнем нового поперечного коридора, юноша увидел странное зрелище. Он обнаружил, что смотрит вниз из бреши в стене большой пещеры — а далеко внизу под ним, в чаше, образованной полом пещеры, поблескивает и колышется огромная масса воды. Светящиеся водоросли кружились в водовороте на ее черной маслянистой поверхности. Именно они и давали это зеленовато-желтое свечение. Но поверхность водоема разбегалась рябь из тех мест, куда падала влага, словно слюна, стекавшая с гигантских сталактитовых клыков на потолке. Разнару показалось, что он и его товарищи уже съедены заживо какой-то гигантской тварью. Слово гора была живой, и их все глубже затягивало в ее желудок. Это ощущение заставило Разнара согрозниться.

К водоему круто спускалась тропа, усыпанная камнями и песком. Разнар обернулся и сделал знак Свену и

Стрибьорнү. Два товарища приблизились и обошли его. Теперь он прикрывал их со своей высокой позиции, а они быстро, по крабьи, спустились к поверхности воды. Рагнар напряженно ждал: он нитало не удивился бы, если б из воды показалась какая-нибудь чудовищная тварь и бросилась на людей. Но ничего не произошло. Слышались лишь звуки капавшей воды да шорох шагов двух Кровавых Козтей по скользкой поверхности скалы. Время от времени раздавалось шипение или жужжание компенсаторов доспехов, когда камешки выскальзывали из-под ног Космических Десантников. Несколько бесконечно долгих мгновений Свен и Стрибьорн стояли на берегу озера, склонив головы набок и принюхиваясь к воздуху, а затем подали знак, что ничего не обнаружено. Один за другим к берегу спустились остальные Кровавые Козти, к которым присоединился сержант Хенгист. Когда все оказались у озера, Рагнар тоже спустился по склону.

-- Это безнадежно, -- услышал он ворчание Свена. -- Мы никогда не найдем

их. -- Он многозначительно сплюнул в озеро. -- Если они вообще здесь когда-либо были.

Острый слух Хенгиста уловил даже эти слова, сказанные под нос.

-- Мы будем продолжать поиски, пока не выясним судьбу наших братьев, -- прорычал сержант. -- Таковы наш долг и наш путь.

-- Есть, -- сказал Свен. -- Это честно. Он рассеянно пнул ногой камешек, тот отлетел в воздух ду-ду и с громким всплеском исчез в воде. -- И все же это кошмарное место. Не удивлюсь, если мы наткнемся здесь на логово троллей или кого похуже...

Что касается Рагнара, то он готов был чуть ли не приветствовать появление каких-либо знакомых тварей. Это помогло бы снять гнетущее напряжение и забыть сверхъестественное ощущение, будто за ним постоянно наблюдает враждебный взгляд. От этого чувства по коже пробежали мурашки. Возможно, у юноши просто разыгралось воображение, но на сей

раз он в этом сильно сомневался.

— Прямо как хреново море,— произнес Свен с оттенком иронии. — Может, рыбу здесь себе на ужин отловим?

— Я не стал бы есть ничего, извлеченного из этих отерзительных вод,— заявил Ларс. — И пить отсюда не буду.

Рагнар был вынужден согласиться с ним. В этом огромном подземном озере, под его светящейся поверхностью таилось нечто тревожное. С того места, где он стоял, ему не был виден противоположный берег, но страх Рагнара перед озером от этого ни сколько не уменьшался. Не исчезло у него и опасение, что в любую минуту на его поверхности появится чудовищная голова.

А нет ли у огромных морских драконов каких-нибудь родичей, обитающих под водой в этих глубоких пещерах? Эта мысль обеспокоила Рагнара. Каждые несколько мгновений юноша ловил себя на том, что бросает быстрые нервные взгляды на поверхность воды, а затем тут же оглядывается назад, дабы убедиться, что никто не подкрадывается к нему за

спиной. Что-то в запахах и позах остальных Кровавых Козтей говорило, что они чувствуют то же самое, несмотря на все усилия скрыть свое волнение.

Никто из присутствующих ни на миг не забывал о том, что отряд их собратьев исчез в этой пещере и, возможно, погиб здесь. Время от времени Рагнару казалось, что он слышит позади себя тихое шуршание, но, оглядываясь, он не мог ничего различить в сумтной тени пещеры. Его удивило, когда сержант Хенгист двинулся назад вдоль шеренги Волков, то и дело останавливаясь и тихо отдавая указания каждому из Кровавых Козтей. Дойдя до Рагнара, он встал рядом и прошептал:

— Выключи наплечный фонарь. Мы с тобой подождем здесь и застанем врасплох тех, кто крадется по нашим следам.

Рагнар кивнул и повиновался. Теперь он знал, что инстинкты верно служат ему. Это давало некое мрачное удовлетворение.

Глаза Рагнара быстро привыкли к

сүтракү. Слабого свечения озера оказалось достаточно, чтобы разглядеть то, что необходимо. Вдалеке он видел постепенно слабеющие огни фонарей остальных членов отряда, слышал отдаленный шорох их ног по скале. В нем бурлили возбуждение и страх. Он знал, что товарищи повернутся и полчатся назад при первом же намеке на угрожающую ему опасность, но успеют ли они вовремя?

Присутствие сержанта Хенгиста, прижавшегося к земле за ближайшей скалой, здорово успокаивало. Разгар очень уважал Хенгиста — воина, многократно испытанного в боях. В такой миг, когда неминуче приближалось его первое настоящее сражение со времени битвы в родной деревне, это было очень важно.

Он сделал над собой усилие и мысленно зашептал одну из литаний, которым научился в Клыке, чтобы очистить свой разум от страха, тревоги и прочих чувств, которые могут уменьшить его шансы на выживание. Затем он вознес молитвы Рүссу и Отцу Всего Сущего, чтобы они укрепили его

платье, сделали зорким око и провели через
грядущее испытание.

В визоре шлема замечали символы
-- это оборудование доспехов дало о
готовности всех боевых систем. Разнар
был полностью готов к предстоящей
схватке.

Однако Грохочущий Кулак еще не был
полностью уверен в том, что бой
неизбежен. До сих пор его обостренное
чутье не уловило никаких признаков
преследования. Быть может, Хенгист
просто перестраховывался... В то же
время юноша понимал, что всего лишь
выдает желаемое за действительное.
Чувства Хенгиста были гораздо острее,
чем у него, сержант имел огромный боевой
опыт и гораздо лучше мог оценивать
поступающую информацию. Он не мог
допустить ошибку. Более того, гнетущее
предчувствие, терзавшее самого Разнара,
говорило о том же -- опасность уже близка.

Где-то в глубине его разума
зашевелился зверь, отзываясь на угрозу.
Внезапно Разнар обрадовался его
присутствию. Он почувствовал себя

сильным, могущественным и искусным. Он знал, что никто из простых смертных не сможет на равных противостоять ему и его могучему оружию. И тут же осторожный внутренний голос напугал юношу, что отряд его собратьев, столь же искусных и хорошо оснащенных, уже исчез здесь. И тогда ощущение опасности вернулось обратно, усилившись вдвое.

Быстрый знак рукой, который он уловил боковым зрением, сообщил о том, что Хенгист что-то заметил. Мгновением позже Рагнар услышал тихое шлепанье босых ног по мокрому песку и понял, что сержант был прав -- их преследуют.

Он крепче сжал оружие и приготовился действовать. Его тело напряглось и сжалось подобно большой пружине, юноша был готов в любой миг рвануться и нанести удар. Он почувствовал, что сержант рядом тоже изготовился к бою. Рагнар впился глазами в сумрак и увидел, что к ним движется толпа темных человекообразных фигур -- тихая волна, незаметная и непреклонная.

как прилив, накатывающийся на берег.

У него екнуло сердце, когда он увидел, насколько велика эта толпа. Должно быть, к ним приближались сотни людей. Рагнару показалось, что всех их просто невозможно одолеть разом. Он покачал головой и, вверив свою душу Руссу и Императору, приготовился умереть. Затем юноша неожиданно почувствовал, как Хенгист двинулся с места, и услышал, как рядом что-то просвистело в воздухе. Мгновением позже в пещере вспыхнул свет и раздался грохот. Что-то взорвалось в надвигающейся толпе.

У Рагнара улетела лишь секунда, чтобы осознать, что сержант бросил гранату. Весь ужас этой сцены, освещенной мгновенной вспышкой пламени, запечатлелся в его мозгу. В этот краткий ослепительный миг, в этом адском свете он впервые увидел обитателей страшных пещер, залегших глубоко под поверхностью Фенриса. Несомненно, это были ночные бродяги, рассказы о которых он слышал много раз.

Они были отвратительны. Их тела

очертаниями напоминали человеческие, но были по-обезьяньи сгорбленными. На уродливых физиономиях выделялись огромные круглые глаза, способные поймать малейший свет -- результат длительной подземной эволюции. Кожа этих существ была мертвенно-бледной и чешуйчатой, местами ее покрывали причудливые родимые пятна и рубцы -- последствия мутаций и болезней. Разнару почем-то вспомнился изуродованный лес у входа в пещеру, и он понял, что эти люди чем-то похожи на обезображенные деревья.

Но все же эти существа когда-то были людьми. Их предки принадлежали к той же расе, что и другие племена Фенриса. Сколько же времени понадобилось для подобного изменения? Сколько веков провели под землей эти существа, медленно вырождаясь, чтобы постепенно превратиться в расу монстров? Очевидно, уродливые мутации передавались из поколения в поколение, но мере того как пещерный народ становился все более отталкивающим и невежественным. Или все это произошло сразу, в результате

высвобождения в этом мрачном мире,
глубоко под горными вершинами, какой-то
чуждой магии?

Но сейчас это не имело значения. На
глазах у Рагнара ночные бродяги
оправились от потрясения, вызванного
взрывом, и закопошились, выискивая
причину происшествия. В этот момент
Хенгист швырнул вторую гранату. Снова
мощная вспышка разорвала вековой сумрак.
Опять на уродливый народец подземелья
обрушилась смерть, разрывая на части
тела, окатывая кровью уцелевших.
Ослепленные непривычным светом, уродцы
разбежались в стороны, закрывая
скрюченными руками огромные
блюдцеобразные глазницы.

Запах крови и напряженное ожидание
раздражили зверя внутри Рагнара. Юноша
выпрыгнул из своего укрытия с
пистолетом, плюющимся смертью, и
принялся косить преследователей. Толпа
врагов была столь плотной, что
большинство его выстрелов достигало
цели. Иногда пули пробивали плоть

насквозь и застревали в теле следующей
мишени. Вопли боли смешались с ревом
звериной ярости.

Но как ни уродливы были ночные
бродяги, они не испытывали недостатка в
тужестве, либо же это презрение к
смерти объяснялось глупостью и
недоразвитостью. Рагнар знал, что его
народ, скорее всего, обратился бы в бегство
перед таким потоком сверхъестественной
смерти, но эти обитатели подземного
мира не бежали. Они были более стойкими
или, может быть, более безрассудными.
Рагнар понял, что, начав стрелять, он
совершил ошибку. Вспышки выстрелов
болт-пистолета и сияющие следы зарядов
безошибочно выгнали ночным бродягам его
позицию. Они не могли не понять, где
находится враг, и с могучим ревом
бешеной ярости рванулись к нему.

Рагнар ответил на этот боевой
крик волчьим воем и с воодушевлением
услышал, как его поддержали глотки
приближающихся Кровавых Когтей. Он
снова и снова нажимал на спуск, посылая
заряды в разъяренную толпу

приближающихся мутантов, разнося в
клучья их головы и разрывая тела. У
ночных бродяг не было доспехов, способных
противостоять огню болт-пушолета.
Все, что у них имелось, -- это
подавляющий численный перевес и
исступленная неустранимость.

Хенгист из своего укрытия метал
гранаты одну за другой, и каждая из них
приносила нападвшим ужасные потери.
Разгару казалось, будто в скопление
врагов опускается исполинская рука,
расшвыривая их по сторонам, как ветер
разбрасывает листья.

Теперь ночные бродяги приблизились
настолько, что юноша мог разглядеть их
внешний вид в мельчайших деталях. Он
был поражен масштабами мутации.
Некоторые из несчастных были покрыты
техом, у других на голове торчали рога, у
отдельных существ имелись копыта,
когти или огромные акулы зубы,
торчащие из кошмарно разросшихся
челюстей. Они были подобны творениям
потраченного разума из глубин ночного
кошмара. Словно распахнулись врата ада.

выпустил в мир орду бессвязно тараторящих уродливых тварей.

Разнар продолжал стрелять, но часть его сознания, объективная и расчётливая, задавалась вопросом: так ли уж сильно эти ночные бродяги отличались от него самого? В конце концов, у него теперь тоже более чем достаточно волос на теле, имеются клыки и заметно изменились глаза. Но Трохочущий Кулак быстро отбросил эти мысли, так как они опасно граничили с ересью. Изменения его тела — свидетельство родства с Руссом, знак благоволения и благословения Императора. Это — результат древнего мистического процесса, восходившего к Темному Веку Технологии. Уродство ночных бродяг было следствием чего-то другого. Возможно, это метка Хаоса, влияние которого искаверкало их души так же, как их тела.

Тем временем ночные бродяги почти добрались до Разнара. Он вспрыгнул на скалу, за которой укрывался. Враги не имели никакого стрелкового оружия, и более не было смысла прятаться от них, а

в рукопашной схватке возвышенная позиция даст ему временное преимущество. Мысленной командой Рагнар включил наплечный фонарь, планируя ослепить любого нападающего, который подберется слишком близко. Движение пальца на рукояти запустило механизм цепного меча, и клинок злобно завибрировал в руке, когда его зубчатые лезвия набрали максимальную скорость. Рагнар захохотал, ощутив, как его охватило неистовство битвы. В его душе взревела зверь, требуя выхода наружу.

Хенгист швырнул последнюю гранату, которая разорвала еще нескольких нападающих, а затем Рагнар услышал как сержант активировал свой меч. Он посмотрел вниз, в море уродливых лиц, и испустил долгий свирепый вой — а затем нырнул вперед, словно пловец, прыгающий в бьющее море.

Еще не приземлившись, он рубанул мечом, который прошел сквозь плоть врага, как нож мясника сквозь разделываемое мясо. В ноздри Рагнара бросился запах кости, подпаленной от

трения, а в жужжании его оружия зазвучала новая высокая нота, когда оно рассекало плоть. Мгновение — и нападающий лишился конечности, из ее обрубка хлынула кровь. Разгар снес другому голову и легко разрубил позвоночник третьему, прежде чем лишить головы четвертого. Одной рукой работая мечом, он не переставал стрелять из пистолета, который держал в другой руке. Мутанты двигались столь плотной толпой, что промахнуться было невозможно. Вой жертв отдавался эхом в ушах, еще пуще разъярив зверя внутри и придав новые силы охваченному боевым безумием воину.

В считанные мгновения ночные бродяги оправились от потрясения, вызванного этой атакой, и бросились на Разгара. Они были вооружены лишь грубыми топоратами, дубинками с каменными зубьями и деревянными копьями. Однако многочисленные удары этим убогим оружием не причиняли вреда стремительнодвигающемуся телу.

оскальзывая с гладкого керамита
доспехов. Юноша воспринимал их так, как
человек, попавший под дождь, ощущает
стук капель на своем плаще. Это могли
быть неприятные, но отнюдь не
болезненные ощущения.

Разнар носился среди врагов, словно
демон смерти, оставляя за собой мертвых
и утирающих слезы. В короткий миг
ликования он почувствовал: никто не
стоит против него. Он —
непобедимый, неодолимый, повелитель
смерти, пожинающий жизни своих врагов.
В этот радостный миг он подумал о том,
что, должно быть, именно так чувствовал
себя Рүсс в минуту своей славы. Разнар
двигался, непрерывно нанося удары,
ощущая, как хрустят кости под его
клинком. Он топтал рхнувших
противников ногами, давя пальцы и
головы. Протяжный ликующий вой эхом
отдавался в боевых криках его товарищей.
Но в эти мгновения Разнару казалось, что
они не нужны ему, что он сам способен
разогнать и перебить всех ночных бродяг.
Не имело значения ни число врагов, ни их

храбрость. Ночные твари просто не могли одолеть его. Битва вечно будет такой же неравной.

Затем Рагнар ощутил боль между ребрами. Он опустил взгляд и увидел, что в закаленном керамике его доспехов застряло лезвие мопора. Оно было из черного железа и тем не менее пробилось одно из самых твердых веществ, когда-либо произведенных в мастерских Клыка. Как это могло случиться? Потом воин заметил блеснувшие на металле красноватые светящиеся руны и получил ответ. Здесь действовало колдовство!

На мгновение его охватила паника. Он представил себе, как по его телу, словно яд, разливается злая магическая сила. Рагнар знал о таком ужасном оружии, сведения о его могуществе тоже были вложены в его мозг обучающими машинами Костических Волков. Это оружие могло обладать самыми разными возможностями, которые придавали ему изготовившие его демоны. Кто знал, на что окажется способен этот мопор?

На мгновение юноша застыл на

месте, и ночные бродяги, воспользовавшись
этим замешательством, сгрудились
вокруг, колотя Костического Волка со всех
сторон. Удар каменной дубинкой выбил из
руки пистолет, отправив его на пол
пещеры. Еще один удар топором задел лоб,
полилась кровь. Сразу несколько мутантов
навалились ему на ноги, пока другие
цеплялись за руки. Враги победно завывали,
убежденные, что пленили свою жертву.

— Во имя Императора, сражайся,
мальчик! — услышал он крик Хенгиста.
Эти слова вывели его из оцепенения, и
Разнар внезапно осознал, что не имеет
никакого значения, отравлен он или
проклят. Если он немедленно не начнет
отбиваться, то в любом случае погибнет
через считанные мгновения, поскольку
ночные бродяги уже нашли сочленения и
щели в его доспехах. С могучим ревом
Костический Волк согнул свои руки и ноги,
вырывая их из многочисленных лап врагов.
Сервомоторы взвыли от напряжения, когда
он резким движением отшвырнул от себя
мутантов, разбросав их по сторонам,
словно соломенные куклы. Подхватив меч

обеими руками, Рагнар закружился на месте, снося головы и конечности всем мутантам, оказавшимся в пределах досягаемости.

Боковым зрением он заметил вождя или шамана ночных бродяг, который собирался метнуть в него еще один заговоренный топор. Зарывав от ярости, Рагнар рванулся вперед. Меч его описал могучую дугу смерти. Удар пришелся шаману по голове, рассек ее надвое и прошел вниз через шею, грудь, живот и тазовую кость. Одним ударом он разрубил шамана пополам, так что его внутренности и кровь хлынули на каменный пол пещеры. В это мгновение он заметил, что уже расчистил вокруг себя целую площадку. Наклонившись, Рагнар выдернул топор из своих доспехов и зашвырнул его как можно дальше.

Осмотревшись по сторонам, он увидел, что Хенгист, оставляя за собой широкую полосу трупов, отбивается от кучи наседающих врагов. И в этот миг в ряды ночных бродяг врезались остальные Кровавые Когти. Но толпе мутантов

прокатился вой смятения, а Рагнар и Хенгист ринулись в бой с новыми силами.

Наконец-то неустрашимые лутанты не выдержали. Они повернули и бросились в бегство, оставив пещеру, усеянную бесчисленными трупами сородичей.

16. Храм Хаоса

Разнар оглядел место бойни. Он не мог подсчитать мертвых ночных бродяг и лишь прикинул, что убито не менее сотни мутантов. Повсюду были слышны выстрелы -- это остальные Кровавые Когти стреляли вслеп безумству противнику. Он тоже с удовольствием пострелял бы, но его больше интересовало, чем занимается сержант Хенгист.

А сержант склонился над телом мертвого шамана и разглядывал его тщательный топор, не прикасаясь к нему. Разнар подошел к своему командиру.

-- Что это, сержант?

-- Этого оружия касалась сила Хаоса, -- ответил Хенгист.

-- Я тоже так подумал. Один из них пробил мои доспехи во время схватки.

-- Что? Дай-ка взглянуть. -- Хенгист наклонился вперед и посмотрел туда, где топор пробил кератит. Он тщательно осмотрел трещину, затем принялся.

-- Крови нет, -- заметил он. -- Топор не

задел тело. Тебе повезло.

-- Повезло?

-- Иногда такое оружие ядовито. Оно несет на себе заразу самого Хаоса. Одного этого достаточно, чтобы свести человека с ума.

Он охлопал пояс на талии Рагнара и хмыкнул:

-- Лучше воспользуйся специальным клеем для ремонта. Он по крайней мере не даст твоим доспехам развалиться, пока ты не вернется в Клык.

Рагнар сделал, как сказал сержант, выдавив на поврежденное место быстро твердеющую пасту и подождав несколько мгновений.

-- Что же теперь? -- спросил он.

-- Продолжать движение, -- ответил Хенгист.

Группа Кровавых Когтей опять двигалась в глубь горы. Но мере их продвижения Рагнар замечал все больше признаков обитаемости этих мест. Тут и там в проходах валялись кости, раздробленные раги костного мозга. При

ближайшем рассмотрении выяснилось, что некогда они принадлежали людям — или человекоподобным существам.

— Что они едят? — спросил Свен.

— Всегда думаешь о еде, да? — устехнулся Нильс.

— Ты имеешь в виду — чем они питаются, когда они не едят друг друга? — уточнил Стрибьорн.

Разнар хмыкнул. Как он ни старался, но так и не смог представить, чем питаются ночные бродяги. Если только они не едят огромных тараканов, которые ввремя от времени удирали от света фонарей. Возможно, они пожирали летучих мышей или жутко светящиеся грибы, тут и там встречавшиеся на стенах. Или, может быть, для охоты они совершали вылазки на поверхность. Слова Стрибьорна вызвали в воображении другую картину: воюющие кланы кошмарных тумантов, которые сражаются друг с другом во тьме и пожирают убитых врагов.

Не это ли произошло с предыдущим отрядом? Неужели их доспехи раскололи, а

тела извлекли из панциря, как это делал Рагнар в детстве с убитыми крабами? Но как такое могло случиться? Просто невероятно, что ночные бродяги смогли одолеть хорошо вооруженный и подготовленный отряд Кровавых Когтей. Во имя Рюсса, они вдвоем с сержантом Хенгистом наголову разгромили чуть ли не целое племя. Оружие местных жителей слишком примитивно, а их тактика чересчур проста, чтобы они правились с целым отрядом.

Но, прежде всего, зачем пришел сюда предыдущий отряд? В его задачу входило обычное обследование территории, на которой выпал большой метеоритный дождь. Неужто Волков каким-то образом заманили сюда навстречу страшной участи? И не это ли происходит прямо сейчас с Рагнаром и его товарищами? Ему так хотелось иметь ответы на эти вопросы, но их не было.

И тем не менее, сказал себе Рагнар, они узнают правду достаточно скоро.

— Похоже, эту пещеру покинули

только что, — заметил Ларс.

— Ты прав, — поддержал Рагнар, окинув помещение быстрым взглядом. Горшки и тиски, маленькие каменные фигурки, ожерелья из косточек человеческих пальцев, кожаные мешки, полные непонятных предметов, — все это валялось вокруг, словно брошенное второпях. Рагнар принюхался. В пещере стоял запах ночных бродяг, свежий и сильный. Некоторые запахи слегка отличались от остальных. Скорее всего, так пахли женщины и дети.

— Должно быть, узнали, что мы приближаемся, — произнес Свен, и злобная ухмылка искривила его уродливое лицо. — Возможно, те, кто выжил в последнем бою, приходили сюда предупредить их, чтобы не встречались с нами.

— Или, может быть, они просто хотели увести отсюда своих женщин, прежде чем обрушить на нас крышу, — предположил Ларс.

Свен оскалился. Ему не понравился тон Ларса. Хенгист шагнул между Клыкати, чтобы предупредить ссору.

Сейчас было крайне неподходящее время для перебранок. Свен и Ларс тут же разошлись.

— Не думаю, что это произойдет, — сказал Хенгист. — Полагаю, нас ожидает что-то другое.

— Что же? — спросил Рагнар.

— Мне самому хочется знать это. Но ясно одно — оно не будет приятным.

Рагнар не мог не согласиться с командиром. Как и сержант, все они чувствовали в воздухе присутствие чего-то еще. Вокруг собирались непонятные силы, чтобы противостоять незваному вторжению. Здесь, глубоко под этой горой, скрылась древняя мощь — могучая и злобная сила.

После некоторых колебаний Рагнар все же решил озвучить мысль, которая, очевидно, была на уме у каждого Кровавого Когтя:

— Может, нам следует повернуть назад, сержант?

— Пока нет, — ответил Хенгист. — Мы еще не нашли того, за чем пришли.

— У я сомневаюсь, что нам это

угастан, -- проворчал Свен.

«Если только ты пришли сюда не за смертью», -- подумал Рагнар, но вслух ничего не сказал.

-- Что это было? -- спросил Ларс. Рагнар взглянул на него. Не было никакой необходимости перепрашивать, что имел в виду светловолосый парень. Грохочущий Кулак тоже слышал это. Где-то далеко раздавался бой большого барабана. Этот звук ощущался сквозь стены, словно биение огромного сердца.

-- Это наши нечеловеческие приятели сообщают своим сородичам, что скоро подадут обед. Который состоит из нежных и юных Кровавых Когтей, -- угрюмо проговорил Свен.

Нильс покачал головой.

-- Еда. Ты всегда думаешь о еде, -- с наставкой сказал он.

Коридор шел наклонно вниз. Путь освещали фосфоресцирующие грибы. Они покрывали сырые стены, спускались на пол и наполняли воздух зловещим зеленоватым свечением. Рагнар, шедший последним,

ощутил на языке их споры, а запах грибов перебивал все остальные. Он был сладковатым и тошнотворным, отдавал гнилью и разложением. В нем ителось нечто, напоминавшее вонь разлагающихся трупов, кое-где между порослями грибов виднелись полосы светящейся слизи, которые вели в отверстия размером с голову человека. Образ омерзительных существ, похожих на слизней и обитающих в таких норах, застрял в сознании Рагнара, и юноша никак не мог от него избавиться. Возможно, такими существами и питались ночные бродяги.

Он знал, что параллельно тоннелю, по которому они двигались, имеются и другие проходы. И скорее всего, сейчас они кишат ордами ночных бродяг. Время от времени их даже можно было увидеть мелькающими в боковые туннелях. Но мутанты соблюдали дистанцию и не появлялись в пределах досягаемости. Либо они хорошо усвоили преподанный им урок, либо ожидали какой-то могущественной подмоги.

Рагнар подозревал, что более

вероятно второе. Но Хенгист размахистыми шагами двигался вперед, не обращая внимания ни на что. Казалось, что взятый им след очевиден только ему. Рагнар не был уверен, происходит ли это потому, что сержант облагает более острыми чувствами и имеет больший опыт выслеживания врага, или же он просто чувствует тяготеющий рок и идет по тропе своей смерти. На своем острове Рагнар слышал о том, как это случалось с другими. Заслышав зов судьбы, мужчины поднимались из-за стола, чтобы отправиться навстречу своей смерти в логове тролля. С Костицеским Волком такое тоже могло произойти — но такие мысли Рагнар предпочитал держать при себе.

Юноша рискнул бросить взгляд через плечо. Далеко позади ему почудилось мерцание светящихся глаз, и Трохочущий Кулак пропустил вперед, чтобы догнать остальных.

Внезапно тропа закончилась. Перед ними лежал глинный каменный мост через огромную расселину. Рагнар подошел к

краю пропасти. Где-то глубоко внизу ему слышался шум воды. Свен подобрал камень и бросил его в бездну. Они стояли втроем и считали, но так и не услышали, как камень достиг дна.

На дальнем крае расщелины в стене имелся свогчатый проход. Он был облицован камнем, и даже на таком расстоянии Разнар видел, что на каждой плите вырезана омерзительная голова демона. Очевидно, следопытское мастерство не повело Хенгиста и они действительно нашли то, что искали.

Сержант повернулся и посмотрел на Кровавых Когтей. Его суровое, изборожденное морщинами лицо в свете их наплечных фонарей выглядело бледным и вытянувшимся. Глаза Хенгиста лихорадочно сверкали.

— Как я и думал, — изрек он. — Храм Хаоса.

— Может быть, нам следует отправиться назад доложить об этом? — сказал Ларс.

Хенгист не ответил. Он развернулся на каблуках, взял оружие на изготовку и

шагнул к мосту. У самого края он остановился, зная, что это не дело командира -- подвергать себя риску без необходимости. Помедлив минуту, сержант приказал:

-- Разнар, пройди вперед и проводи разведку прохода. Будь осторожен. Мост может оказаться ненадежен.

«Да не нужнаюсь я в этих напостинаниях», -- подумал Разнар, выходя вперед. Он был уверен, что слышит далеко позади ропот огромной толпы.

Мост был нешироким -- два Костодесантника не могли бы пройти по нему рядом. Длина его составляла несколько сотен шагов. Камень под ногой Разнара казался прочным, но Кровавый Коготь не хотел рисковать. Он продвигался осторожно, медленно ставя одну ногу перед другой и лишь постепенно перенося свой вес на переднюю. Не стоило забывать о том, насколько тяжел он в своих доспехах, даже несмотря на все проворство и скорость. Разнар знал, что там, где дело касается дьявольских козней агентов Хаоса, возможно все. Камни выглядели

надежными, но если была хоть незначительная возможность того, что они вдруг исчезнут, раскрыв перед ним бездну, Рагнару хотелось быть к тому готовым. Если ему суждено погибнуть здесь, он хотел умереть с ранами спереди. Это единственный путь для воина.

Внезапно Рагнар ощутил, как зверь внутри него осторожно зашевелился. Из прохода, темнеющего перед ним, как будто повеяло ветром. Там что-то было — Рагнар чувствовал это так же явственно, как если бы ему в лицо дышал торской дракон. Это нечто посылало сквозь трак свои сигналы, подобно невидимому маяку. Юноша вознес молитву о спасении души Рүссу и Императору и пошел вперед, ступая по пыльным камням моста.

Сводчатый проход впереди рос на глазах. Рагнар только сейчас осознал, насколько он огромен. Как мост оказался длиннее, чем это виделось на первый взгляд, так и проход в действительности имел гораздо большие размеры. Теперь Рагнар понимал, каких невероятных трудов потребовало создание этого

непристойного капища. Все сооружение было очень старым. Плиты, по которым он шагнул, истерло множество ног, а возраст их насчитывал века, если не тысячелетия.

В сумраке и на большом расстоянии зрение обмануло его. Теперь Рагнар понял, что арка была раз в десять выше его роста, а каждый слагавший ее камень — по меньшей мере высотой с него. Омерзительные оскаленные морды, вытесанные на поверхности плит, были столь велики, что, казалось, могли проглотить взрослого человека. Их создали искусные мастера, и теперь чудилось, будто настоящие живые чудовища вот-вот появятся из камня во всем своем кошмарном величии. Рагнар не удивился бы, если б их зияющие пасти разверзлись еще шире и твари бросились на него, когда он приблизится.

Юноше казалось, что из черного прохода доносится негромкое бормотание или речитатив, но он не был в этом уверен. Он пошел по каменным плитам вплотную к арке. Остановившись на мгновение, Кровавый Коготь заглянул

внутри, и от увиденного у него перехватило дыхание.

Он смотрел на большую трапезную лестницу, ведущую в огромный зал, высеченный в самом сердце горы. В дальнем конце зала стояла исполинская статуя демона. Казалось, статуя сделана из хрусталя и инкрустирована кожей. Каждая чешуйка сверкающей кожи чудовища была драгоценностью. Краски волнами переливались по ее поверхности, постоянно стекаясь и изменяясь. Изваяние было раз в пять выше человеческого роста, но его окружала такая мощная аура силы, что оно казалось еще выше, глаза демона сверкали огнем. Из-за мерцания чешуи взгляду было трудно сосредоточиться на статуе, казалось, она вот-вот изменит свою форму и оживет — страшной колдовской жизнью.

За плечами у демона были сложены огромные металлические крылья, намотанная плащ или мантию. Голова его необычайно спахивала на птичью, чудовищные когтистые руки простирались вперед в угрожающем жесте. В статуе

одновременно было что-то от животного и от божества, она была величественной, и в то же время вызывала отвращение. И от нее, казалось, исходили волны темной силы, будто внутри пульсировало злобное сердце. Разнар понял, что это было изваяние одного из воплощений Тзинча, Меняющего Пути — демонического божества Хаоса, покровителя мерзкого колдовства. Теперь в этом не было никаких сомнений. Юноша почувствовал, как его кожу начинает покалывать колдовское излучение статуи.

Впечатление от статуи было столь велико и она так приковала к себе взгляд Разнара, что прошло несколько мгновений, прежде чем юноша обратил внимание на остальную часть зала. Она была настолько же отвратительной, насколько и величественной. Тут и там из стен били многоцветные языки пламени, озаряя своим адским светом самые дальние углы. Но тому, как они плясали, и по их едкому запаху Разнар сделал вывод, что здесь использовался природный газ.

Свет газовых факелов являл взгляду устрашающую картину. Но всему полу

были набросаны горы кошмарно
видоизмененных трупов — раздутых и
искривленных, но, несомненно, некогда
бывших человеческими. Казалось, тела
нагревали, пока они не стали плавиться и
не перетекли в новые причудливые формы.
Головы раздулись, как шары, пальцы
сплавились вместе, сформировав плавники.
Внутренности выползли из животов,
превратившись в переплетенные
щупальца, которые, казалось, душили своих
владельцев. У некоторых тел маленькие
клыки во рту превратились в огромные
бивни, а из кожи лез мех. У других кожа
стала прозрачной, открывая взгляду
внутренние органы. Один несчастный
сбросил свою кожу вообще, подобно змее,
обнажив розовую массу мышц и сосудов.
Это был кошмарный пример истинной
силы Тзинча.

Внезапно Разнар понял, какая судьба
постигла предыдущий отряд. Их доспехи и
оружие кучей грохотнулись в дальнем углу
зала. Осознав произошедшее здесь,
Кровавый Коготь взвыл от ужаса и ярости.

В мерцающем свете горящего газа огромная статуя Тзинча, казалось, издевательски ухмыляется.

Разнар шагнул назад, повернулся и сделал отряду знак следовать за ним. Товарищи перебрались через мост гораздо быстрее, чем он, прыгая с плиты на плиту.

-- О Русс! -- услышал Разнар восклицание Свена. -- Что за отвратительное место!

-- Храм Тзинча, -- произнес Хенгист. -- Капище Меняющего Пути, одного из четырех заклятых врагов Отца Всего Сущего.

-- Мы должны уничтожить его, -- заявил Стрибьорн.

-- Блестящая мысль, -- одобрил Лаос. -- Но как?

-- Используем гранаты, -- подхватил Нильс.

-- Это не сработает, -- заметил Хенгист. -- Если не ошибаюсь, это злое место заклято грязным колдовством. Для того чтобы его уничтожить, потребуется более мощное оружие, чем то, которым располагаем мы.

Мы должны сообщить Оргену о том, что
нашли здесь.

— Думаю, у тебя будут другие поводы
для беспокойства, фальшивый вояка, —
произнес холодный издевательский голос.

Рагнар поднял взгляд. Из-за алтаря
Тзинча появилась темная фигура. Было
совершенно непонятно, как она туда
попала, Рагнар не видел, чтобы кто-нибудь
появлялся в храме, кроме как через арку.
Взгляды всех присутствующих
обратились к говорившему. Желание
смотреть на него было почти
неодолимым.

Облачение пришельца являло собой
странную пародию на доспехи
Костию Костяного Десантника. Его оснащение
было громоздким, устаревшего образца.
Казалось, что некоторые элементы
защиты удалены, заменены либо залатаны
полосами золота или черного железа. Из-
под массивного шлема, украшенного
затянутыми рожками, сверкали красные
глаза. В обеих руках неизвестный держал
по болтеру столь же древнего дизайна.

Рагнар увидел, что доспехи

пришельца невероятно изукрашены. Вся их поверхность была инкрустирована сверкающими драгоценными камнями и головами демонов, и все это мерцало в свете газовых факелов. Возможно, это было игрой света, но некоторые из демонических голов двигались, бросали злобные взгляды, зевали и подмигивали. Металл будто бы шевелился и растягивался самым невозможным образом.

Благодаря знаниям, помещенным в его мозг обучающими машинами, Разнар понял, что смотрит сейчас на одного из самых беспощадных врагов человечества -- Десантника Хаоса.

-- Это ты -- фальшивый десантник, -- ответил Хенгист. -- Такие как ты нарушили свои клятвы Императору и человечеству.

-- Нет, это ваш грехлый бог разрушил нашу веру. Он был слишком слаб. А человечество проявило себя неблагодарным и недостойным нашего владычества. -- В голосе незнакомца звучала надменность, усвоенная долей скуки.

— Владычества демонов и почитателей демонов. Владычества тех, кто преклонил колени перед нашими самыми древними врагами. Ты — ничтожество. Нет, хуже, чем ничтожество.

— У тебя будет достаточно времени, чтобы раскаяться в этих словах и, рыдая, вознести молитву о милосердии тому, кто вскоре поглотит твою душу. Но, поверь мне, эти молитвы останутся без ответа.

— Ты перестанешь говорить столь горделиво, когда я снесу твою голову и швырну твой мерзкий груп в бездну.

Десантник Хаоса застегнулся. Этот стех показался Рагнару крайне неприятным — чересчур издевательским и слишком самоуверенным. Ни один воин, которому противостоит целый отряд Костических Волков, не должен так стегаться.

Незнакомец в сине-золотом облачении словно прочел его мысли.

— Тебе и твоим таявкующим щенкам со мной не справиться.

— Неужели? Самый младший из этих Кровавых Когтей — лучший и более верный воин, чем ты, клятвопреступник. — Хенгист плюнул на блестящий пол храма Хаоса.

— Да, могу признать, что они оказались хороши против невежественных и суеверных недочеловеков. Но, как видишь, я вооружен и оснащен не хуже тебя. — Колдун-десантник театральным жестом указал на свои доспехи. — Может, мне стоит убрать свое оружие и сразиться с тобой на копьях? Тогда у тебя, по крайней мере, появится шанс. Нет, это было бы слишком легко для меня. Я готов сразиться голыми руками.

— Стоит ли вести речь о бесстрашном бое, скрываясь во тьме под землей? — вмешался Рагнар, в котором закипал гнев.

— Что я должен тебе доказывать, раб фальшивого божества? Десять тысяч лет имля Мэдокса заставляет врагов дрожать!

— Только безвольных гурней, запуганных пустой похвалой.

— Юнец, твой лепет утомил меня. Но

поскольку ты оказался так хорош, что дал
моим братьям время подтянуться сюда, я
думаю, нам следует продолжить бойню.

Как только Мэдокс произнес эти
слова, в боковой стене храма распахнулись
двери и оттуда появились другие воины,
одетые так же, как он. Хенгист поднял
свой пистолет, но Мэдокс оказался
быстрее. Оба его ствола подпрыгнули и
изрыгнули пламя. Но огненные пули лишь
скользнули по доспехам сержанта, когда он
нырнул в укрытие за аркой. Двое Кровавых
Когтей оказались не столь удачливыми и
были сражены болтерным огнем воинов
Хаоса.

Разнар последовал примеру
Хенгиста и убрался с линии огня.
Стрибьорн, Свен и несколько других
Когтей остались на местах и открыли
ответную стрельбу. Снаряды засверкали в
воздухе, но какая-то злая сила, казалось,
сбивала их с траектории, и они взрывались
на каменных плитах вокруг воинов Хаоса,
не причиняя последним вреда. Разнар
бросил взгляд на Хенгиста. Сержант
перескочил через проход и занял позицию

рядом с Рагнаром.

-- Должно быть, здесь целое отделение Десантников Хаоса, если не больше. Это слишком много для нас. Нужно сообщить об этом Оргену. Возьми Свена, Стрибьорна, Нильса и Ларса и отправляйся на поверхность. Остальные будут сдерживать их здесь, сколько смогут.

Рагнару хотелось возмутиться. Зверь внутри него был силен, запах крови заставлял его ощетиниться, наполняя жаждой убийства. Более того, юноша находил несправедливым, что его лишают возможности пасть смертью героя.

Хенгист словно бы понял, какие чувства обуревают Рагнара.

-- Иногда жизнь Космического Десантника бывает нелегка, -- сказал он. -- А теперь бери остальных и иди.

Рагнар был вынужден подчиниться приказу. Он дал знак своим товарищам отступить и собраться рядом. На его глазах Крака и Волгард пали под огнем воинов Хаоса. Юноша успел заметить, что враги все же несут потери, но,

Несмотря на это, продвигаются вперед,
медленно и неумолимо, как автоматы.
Воины Хаоса приближались, и теперь
Разнар слышал их замогильный стех,
лишающий присутствия духа. Как будто
врагов защищала какая-то злая сила.

В это мгновение юноша вспомнил,
что ему пора уходить.

17. Отступление с боем

-- Уходим! -- крикнул Рагнар и потчался по каменному мосту. Ему не нужно было оглядываться, дабы убедиться, что остальные следуют за ним. Он ощущал их присутствие позади, чувствовал запах их страха и гнева. Рагнар понимал, что товарищи так же разочарованы и разъярены тем, что их заставили покинуть поле боя. А еще он был возмущен богохульством, совершенным на священной земле Фенриса. Сколько же времени эти нечестивцы Хаоса таились под поверхностью Асахейма? Скорее всего, они проникли сюда под прикрытием последнего метеоритного дождя, но разум Рагнара негодовал при мысли о том, что враги могли находиться здесь месяцы, годы или даже десятилетия. Нет, такое просто невозможно! Рагнар отбросил эту мысль. А теперь, обнаружив это змеиное гнездо, они должны бежать!

При этом юноша понимал, что без схватки пробиться наверх не получится.

Он видел, что впереди путь уже
преградила орда ночных бродяг под
водительством шамана, вооруженного
руническим оружием. Это существо
направило на Разнара глинный жезл,
увенчанный черепом. Юноша увидел, как
над верхушкой жезла вспыхнул и затрепал
ореол зловещего красноватого света.
Затем струя обжигающей магической
энергии метнулась к нему, чертя в
темноте полосу дуги. Кровавый Коготь
вовремя отпрыгнул в сторону, и она ударила
в камни там, где он только что стоял.

Без излишних раздумий Разнар
выхватил болтер и выстрелил. И понял,
что долгие часы тренировок на стрельбище
стоили затраченных усилий. Он почти не
целился, но заряд попал точно в цель,
голова шамана разлетелась, как ракушка
под кузнечным молотом.

Ночные бродяги взревели и толпой
бросились на мост. Они яростно
размахивали своими дубинками и
топорами, выкрикивая имя Тзинча.
Разнар был обеспокоен не столько их
численностью, сколько тем, что эта

Чудовищная масса тел может замедлить их продвижение и не дать уйти, прежде чем воины Хаоса появятся сзади. А юноша был полон решимости доставить Оргену сообщение Хенгиста.

— Гранаты! — приказал он.

Кровавые Когти все как один выхватили из раздатчиков гранаты и принялись метать их в накатывающуюся орду. В толпе прогремела серия разрывов. Во все стороны полетели ошметки плоти и потоки крови. Чудовищное неистовство этой бешеной атаки остановило продвижение мутантов. Толпа на мгновение застыла в нерешительности.

— Давай дальше! — завопил Рагнар, и Кровавые Когти стали метать новые гранаты с удвоенной злостью. Все больше и больше ночных бродяг валилось наземь. Воздух наполнился запахом крови и паленого мяса. В последнюю секунду Рагнар понял свою ошибку. Чудовищная сила нескольких взрывов, сосредоточенная в одном месте, начала разрушать мост. Над его глазами огромные куски камня отламывались и падали в бездну. Юноша

осознал, что, если его группа не уберется
отсюда достаточно быстро, мост рухнет
и они полетят туда же.

Вдобавок ко всему рядом с Разнаром
ударил молния, отколол большой кусок от
парапета моста. Кровавый Клык
оглянулся, чтобы посмотреть, не
стреляют ли в него от входа в храм, но
увидел там лишь остатки отряда
Хенгиста, с трудом удерживавшие свои
прежние позиции. Тогда он бросил взгляд
на ночных бродяг и острыми глазами
увидел то, что искал. Несколько
мунтантов размахивали болтерами --
точно такими же, как тот, что юноша
держал в руке. Несомненно, их успели
снять с трупов Космических Волков, что
сейчас лежали в храме. Хотя часть
пистолетов была старого образца -- такие
же, как у воинов Хаоса. Должно быть, они
попали на планету с еретиками. Впрочем,
это не будет иметь никакого значения,
если Кровавые Когти немедленно не
уберутся с проклятого моста.

Разнар остотрелся по сторонам и
увидел, что все остальные тоже заметили

новую опасность. Ему не пришлось
отдавать приказ перестать бросать
гранаты — с инициативностью, присущей
истинным Костическим Волкам,
Кровавые Когти приняли это решение
самостоятельно. Вместо этого они
начали стрелять из болтеров, каждым
залпом уничтожая несколько врагов.

— Вперед! — воскликнул Рагнар. —
Быстрее!

Он прибавил скорость, чувствуя, как
мост начал дрожать от каждого его шага.
До полного разрушения конструкции
оставались считанные мгновения. Все
больше и больше плит падало в бездну.
Висящая брешь между частями моста, еще
сохраняющей устойчивость, и уступом на
другой стороне становилась все шире. На
бегу юноша успел подумать: а сможет ли
он перепрыгнуть на ту сторону, даже со
своей усиленной мускулатурой? Что ж,
решил он, стискивая зубы в жестокой
улыбке, есть только один способ это
выяснить.

С каждым шагом Рагнар
приближался к краю. В ушах у него стоял

стук сердца, он чувал запах своего возбуждения и беспокойства, понимал, что должен рассчитать все очень точно. Одно неверное движение -- и он ухнет в бездну навстречу своему року. Слишком ранний прыжок может оказаться негачным, для верного -- не остается времени. Крепко сжав болтер в одной руке и меч в другой, он мысленно определил на мосту точку, откуда надо прыгать. И прыгнул.

Лишь в этот момент Рагнар воочию узрел чудовищную бездну под своими ногами. Ветер трепал его волосы. Ему казалось, что он летит очень медленно. Юноша различал каждую деталь в лицах мутантов, столпившихся впереди, видел каждый нарыв на их уродливых лицах, мог сосчитать все поры на их коже. За всю свою жизнь он никогда еще не признавал реальность в таких подробностях. Его сверхчеловеческие возможности поднялись на новый уровень, который просто ошеломлял. Рагнар был сейчас совсем близко к смерти -- и в то же время он никогда не чувствовал себя более живым.

Уздав протяжный боевой клич, Рагнар еще в воздухе поднял пистолет и выстрелил в ночного бродягу, который стоял впереди на самом краю пропасти. Мутант схватился за живот, сполз вперёд и ухнул в сумрак. Юноша выстрелил еще раз, уложив другого мутанта, и в этот момент с облегчением почувствовал ударившую по ногам твердую землю. Он жив, и теперь эти твари заплатят за все! Сейчас они на своей шкуре узнают, что такое истинная ярость Костицкого Волка! Грохочущий Кулак рванулся вперед, размахивая цепным мечом, стреляясь расчистить пространство от плотной толпы мутантов, пока его собратья не приземлились следом за ним. Он понимал, что иначе Кровавые Когти могут сцепиться с бродягами на самом краю, потерять равновесие и рухнуть в бездну.

Удары его меча рассекали плоть и крошили кости. Другой рукой он безостановочно жал на спуск, зная, что каждый заряд найдет свою мишень в этой плотной массе тел.

Рагнар прокладывал себе путь через

ночных бродяг, как корабль, идущий по штормовому морю. Он стал живой машиной разрушения, ураганом смерти, сдвигим ревом пробивавшим себе дорогу через многочисленные ряды мутантов. Юноша слышал, как за спиной его товарищи занимаются тем же. Вскоре перед его глазами повис густой красный туман из кровавых капель, летящих от рассекаемой мечом плоти и рвущихся кровеносных сосудов. Крики умирающих почти оглушили Рагнара, несмотря на звукоизолирующую шлема. В глубине его души зверь, подстегиваемый запахом побоища, ярился все сильнее.

Теперь Рагнар сражался почти автоматически. Ему не нужно было думать, за него думал зверь, пребывавший в полной гармонии с рефлексами, нервами и мускулами человека. Он со скоростью мысли реагировал на любую угрозу, воспринятую сверхобостренными чувствами. В это мгновение боевые способности Костицкого Волка намного превосходили возможности любого

смертного. Ничто не могло устоять на его пути. А зади остальные Кровавые Козми прорубались через толпу мутантов, как хороший острый топор сквозь гнилую древесину.

Со всех сторон злобно скалились кошмарные рожи с искаженными в крике лицами, и Рагнар сносил головы врагов одну за другой. Ускореженные тела разлетались на куски под его мечом, а каменные наконечники дубинок раз за разом отскакивали от доспехов. В следующее мгновение Рагнар уклонился от свистящего камня, выпущенного из пращи. Его чувства были столь острыми, что казалось — камень приближается так медленно, что есть еще бесконечный запас времени, чтобы убраться с его траектории. Он наклонил голову — и был вознагражден воплем мутанта позади, которому камень попал прямо в лоб. Выстрелом навскидку Рагнар разнес череп пращника и продолжал прорубать себе путь к свободе.

Внезапно воздух пещеры рассекла волна колдовской энергии. Извиваясь,

словно змея, луч сине-фиолетового света метнулся к нему. Разнар почувствовал запах озона и какой-то горечи. Он попытался резко уйти в сторону, перепрыгнув через ближайшего ночного бродягу, но потрескивающий шнур света изменил направление, свернув вслеп за ним. Юноша поднял свой меч, чтобы отразить удар, но острое луча вильнуло, обогнув клинок, и ударило Разнара в грудь.

Всем своим телом он ощутил такую боль, какой ранее никогда не испытывал и даже не догадывался, что такое возможно. Его доспехи стали покрываться пузырями, а затем начали плавиться. Какие-то системы замкнуло, посыпались искры. В визоре шлема теперь вспыхивали безумные диаграммы, сигнализирующие о помехах, в ушах грохотал треск статического электричества. Волосы Разнара встали дыбом, а тело начало вибрировать и конвульсивно подергиваться под воздействием непонятной энергии. Юноше казалось, что его глаза вот-вот закипят в глазницах. Он почувствовал запах собственных горящих волос. Объятый

сиреневым огнем, он затер на месте, шатаясь, словно пьяный.

Огромным усилием воли Разнар заставил себя сосредоточиться и оглядеться в поисках врага. Сжав зубы, он ощутил во рту медный привкус собственной крови. Подняв взгляд, юноша увидел хихикающего шамана, безумно скачущего на плывущем высоко над толпой, почти под самым потолком пещеры, сияющем диске. Опять проклятое колдовство! Луч света исходил из увенчанного черепом жезла, который колдун держал в руке, похожей на клешню. Разнар в отчаянье попытался поднять пистолет, но выжатые невыносимой болью слезы заливали его глаза, мешая прицелиться. Сосредоточиться не удавалось — перед глазами плясали черные и лиловые искры, язык прилип к нёбу. Разнар не сомневался, что ему оставалось жить считанные мгновения.

И тут внезапно заряд болтера поразил шамана в самое сердце, сбросив того с бледнеющего на глазах светового диска. Падая, колдун широко

распростер руки, исходящий из жезла луч
света затерцал и погас. В полете шамана
достала еще одна пуля, войдя ему прямо в
глаз и выйдя через затылок вместе с
фонтаном крови и мозгов. Рагнар
оглянулся по сторонам, чтобы узнать, кто
же подстрелил его врага, и увидел, что
это был ненавистный Стрибьорн. Его
старый противник отсалютовал ценным
мечом, а затем продолжил крошить
мүтантов.

Рагнар боролся с охватившим его
головокружением. Его доспехи уже начали
автоматическую проверку систем, и на
периметру поля зрения вспыхивали и
терцали бесконечные ряды символов.
Боковым зрением Рагнар увидел летящую
к нему гранату. Судя по направлению
полета, ее не мог бросить ни один из его
товарищей. Должно быть, и это был один
из трофеев ночных бродяг. Но кто бы ее ни
метнул, он отнюдь не заботился о жизнях
подземных мүтантов. Рагнара со всех
сторон окружали завывающие уродцы, и все
они погибнут, если граната взорвется где-
то рядом.

Даже находясь в полуголущенном состоянии, Разнар понимал, что его изрядно пострадавшие доспехи не выдержат взрыва крак-гранаты. Он слышал жалобное подвывание сервотомоторов, огненно-красные символы индикаторов наперебой сообщали ему свои печальные истории. Оставался только один шанс, и он зависел от того, насколько велика задержка у взрывателя этой фанаты. Когда она полетела поближе, Разнар вытянул руку с мечом и отбил гранату плоскостью клинка, очень надеясь, что сотрясение от удара не приведет в действие взрыватель. На один короткий миг у него затерло сердце — он ждал, что сейчас ему оторвет взрывом руку. Но граната отлетела назад, в плотную массу ночных бродяг. Мгновением позже прогремел взрыв, взметнувший в воздух куски тел мутантов.

Разнар пошатываясь двинулся вперед. Ночные бродяги, почувствовав его слабость, снова бросились в атаку. Каменные топоры и дубинки колотили по трещинам его поврежденных доспехов.

некоторые куски керамики уже падали на каменный пол. Ударом рукоятки болт-пистолета Рагнара расколол чей-то череп, затем вонзил острое мече в грудь ближайшему мутанту и потом рассек его тело нагвое быстрыми движениями вверх и вниз. Толпившиеся вокруг бродяги, увидев на его лице непреклонную решимость, стали понемногу расступаться. Это дало Рагнару возможность размахнуться мечом, рассекая нагвое головы и тела. Теперь он вращался в толпе мутантов, словно стерч, и через несколько мгновений осознал, что вокруг него уже никого не осталось.

Тяжело дыша, Грохочущий Кулак оглянулся назад и увидел Свена, Нильса, Ларса и Стрибьорна, прорубающих себе дорогу в толпе мутантов. Казалось, толстые Волки плыли по морю кровоточащей плоти и бурно плещущей крови. Мутанты падали вокруг них, как пшеница под косой жнеца. Кровавые Когти казались бесчувственными, непобедимыми, неодолимыми. Но тут Рагнар увидел, как к Стрибьорну и Свену летит граната. Он

крикнул ил об опасности -- но инстинктивно понял, что предупреждение прозвучало слишком поздно.

Свену удалось броситься в сторону вовремя. Он нырнул головой вперед в толпу ночных бродяг; кроша мутантов на лету. Стрибьорн опоздал на какую-то долю мгновения. Его схватили несколько ночных бродяг, стремясь повалить на пол, чтобы расколотить шлем своими глубинами. В последний миг Беспощадный Череп могучим рывком расшвырял их по сторонам и попытался уйти от гранаты. Это ему почти удалось, но взрыв грянул как раз во время прыжка. Осколки ударили по доспехам Стрибьорна, и он, кувыркаясь, отлетел в сторону -- подобно тряпичной кукле, отброшенной жестоким ребенком.

Разгар на мгновение застыл на месте, переполненный смешанными чувствами. Казалось, ненавистный враг погиб, лишив Разгара возможности отомстить. Но не это поразило юношу. Внезапно он понял, насколько незначительной была его жажда мести по сравнению с угрозой, которую являли собой

воины Хаоса и злобное божество, которому они поклонялись. Это была угроза всему человечеству, и Стрибьорн пал, сражаясь против нее. Более того, он спас жизнь Рагнара от злого колдовства шамана, и теперь Грохочущему Кулаку уже никогда не вернуть этот долг. Юноша застонал от ярости и разочарования, внезапно осознав, что он вовсе не хотел убивать Стрибьорна; возможно, он вообще не хотел смерти Беспощадного Черена. Но сравнению с той угрозой, которая открылась в этих подземных глубинах, их старая племенная вражда казалась мелкой и глупой.

Он заметил, что Свен повернулся и прокладывает путь через толпу туда, где рухнул Стрибьорн. На глазах у Рагнара Стрибьорн внезапно вынырнул из моря зловонных тел и шатаясь поднялся на ноги. Его доспехи треснули, под расколотой оболочкой стали видны внутренние механизмы. С половины лица сошла кожа, обнажив зубы и челюстную кость. Одна рука повисла окровавленной плетью, но тем не менее воин продолжал сражаться.

Его ценной меч так и сверкал в воздухе, неся смерть мутантам. Во имя Рюсса, это действительно был могучий воин!

В этот момент оцепенение наконец-то оставило Рагнара, и юноша бросился в сечу, мечом прокладывая себе дорогу туда, где бились Свен и Стрибьорн.

В несколько мгновений Трохочущий Кулак расчистил себе путь, подхватил шатающегося Стрибьорна под руку и потащил его вперед. Обернувшись к Свену и Нильсу, он крикнул:

— Гранаты!

Свен злобеще улыбнулся и принялся бросать гранаты в толпу ночных бродяг. Через несколько мгновений к нему присоединился Нильс, Трохот взрывов эхом покатился по пещерам, вспышки засверкали в сутраке, будто в толпе. И снова ночные бродяги оказались не в состоянии вынести этого. Оставшись после гибели шамана без вождя, их передние ряды поплыли в направлении расщелины. Но огромная толпа ночных бродяг напирала сзади, и под этим давлением мутанты десятками начали

спрыгивать в вечную тьму бездонной пропасти, издавая пронзительные вопли.

Разнар опустился на колени и достал аптечку, висевшую на поясе. Он понимал, что должен действовать очень быстро, чтобы спасти жизнь Стрибьорна. У него оставались считанные минуты, пока воины Хаоса не бросились за ними в погоню. Юноша поднял взгляд и увидел стоящего над ним Свена. Его доспехи были залеплены запекшейся кровью и засыхающими мозгами.

— Хороший бой, — пробурчал Свен.

Разнар согласно кивнул, думая о том, сколько еще времени у них осталось до появления воинов Хаоса. Он знал, что главная его задача — выбраться отсюда и предупредить Орген о том, что обнаружил в пещере их отряд. Но юноша также понимал, что не сможет бросить здесь раненого Стрибьорна. Он вспомнил, что сказали ему старые чародеи за Вратами Моркаи: его ненависть — это слабость, которая позволит злу проникнуть в его душу. Он понимал теперь, что они были правы, что ему оставался лишь один способ

избавиться от этой ненависти. Разнар быстро принял решение, молясь о том, чтобы оно оказалось верным.

— Свен, бери Ларса и Нильса и сваливай отсюда. Возвращайтесь на поверхность. Отойдите подальше от этого проклятого места, чтобы восстановилась связь, и вызывайте Орген.

Вместо ответа Свен поднял руку и расстегнул застежки шлема. Тот с глухим стуком упал на влажный песок, открыв взгляду мрачное, искаженное яростью лицо Костицкого Волка.

— И оставить здесь тебя со Стрибьорном, чтобы тебе достался этот бой и вся слава? — Свен яростно затапал головой. — Ты с ума сошел или же думаешь, что я безумец?

Несмотря на их жуткое положение, Разнар не смог удержаться от улыбки. Он положил руку на плечо Свену.

— Надень-ка шлем и отправляйся немедленно, идиот, или я разорву зубами твое горло. Неужели ты не понимаешь, насколько важнее, чтобы Костицкие Волки узнали, что здесь происходит. Или

тебе важнее пасть смертью героя?

-- Кто бы говорил! Ты-то остаешься! --

Глаза Свена превратились в узкие щелочки, а голос прозвучал угрожающим шепотом.

-- Стрибьорн спас мне жизнь, и я не намерен бросить его здесь.

-- Ты уходишь! Я остаюсь! -- Глаза Свена сверкали лихорадочной битвы, и он взволнованно перебирал пальцами зубья своего ценного меча.

Упрямство Свена вывело Рагнара из себя.

-- Я не собираюсь повторять! -- взревел он. -- Убирайся, или я сам убью тебя!

Их глаза встретились. Оба воина злобно оскалились. Запахло яростью и ненавистью. Рагнар почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом. Мгновением позже Свен явно почувствовал решимость Рагнара -- и отступил, подобно волку, уступающему вожаку стаи.

-- Хорошо, -- проговорил он, подбрав шлем и стирая с керамического забрала кровавленные песчинки. -- Я уйду. Но в следующий раз наступит мой черед

остаться с раненым.

Разнар үстехнүлсә:

-- Это честно.

Свен отвернулся и равкнул Нильсү и Парсү:

-- Вы, двое, вы слышали этого героя. Отправляется. И никаких споров, или я вырву вам сердца и сожру у вас на глазах.

-- Ты всегда думаешь о еде, -- пробормотал Нильс.

Проходя мимо Разнара, он показал ему поднятый вверх большой палец.

-- Мы встретимся снова, -- бросил Парс. -- Я знаю это.

-- Молю Рүсса, чтобы ты оказался прав, -- ответил Разнар, глядя, как троица исчезла в темноте.

Разнар вытащил баллончик синтеплоти и распылил ее на лицо Стрибьорна. Гибкий органопластик тут же отвердел, закрыв обнаженные кости и зубы. Вышло не очень красиво, но, по крайней мере, рана останется чистой и стерильной. Достав ремкомплект, Разнар так же быстро законопатил трещины в доспехах Стрибьорна, предварительно

соединив и срастив силовые волокна. Наконец убедившись, что все в порядке, он ввел раненому Черепу инъекцию сильного стимулятора. Стрибьорн открыл глаза и испустил стон боли и ярости.

— Ты все еще здесь, Грохочущий Кулак. Я удивлен. — Его усталый голос был окрашен болью, терзающей израненное тело.

— Ты спас мне жизнь, я возвращаю свой долг.

— Мне не нужна твоя помощь, — прошипел Стрибьорн сквозь стиснутые зубы и попытался подняться. Ему удалось встать на колени, но затем он снова повалился на бок. Разгар подхватил товарища под левую руку. Меч он убрал в ножны, а пистолет держал в левой руке. Из трещин в доспехах Стрибьорна струилась кровь.

— Давай-ка лучше поднимайся и пойдем. Уроды скоро очухаются — это лишь вопрос времени. И хаоситы подоспеют с минуты на минуту.

Превозмогая боль, Стрибьорн произнес:

— Как там Хенгист и остальные?

Разнар напряг слух, но ему не удалось расслышать никаких отзвуков боя. Похоже, отряд Хенгиста погиб — или, что еще хуже, пленен. Разнар надеялся, что рухнувший мост задержит воинов Хаоса, но понимал, что это лишь ненадолго приостановит погоню.

Стрибьорн оперся на Разнара, и они двинулись в сумрак.

Разнар хотел отыскать тот путь, которым они пришли в храм. Это было нелегко. Он улавливал следы Космических Волков, но резкое зловоние ночных бродяг почти заглушало их. Теперь Разнар осознал, что их заманили в ловушку, позволив забираться под гору все глубже и глубже, в то время как вокруг них собирались огромные толпы мутантов. Им дали возможность добраться до храма, но они вошли туда как жертвы Меняющего Пути. Эта мысль отнюдь не ободрила юношу.

Наплечный фонарь Разнара рассеивал сумрак впереди. Он наклонился и увидел свежие следы, недавно оставленные Свеном

и его товарищами. Это несколько
утешало. Стон, донесшийся из-за спины,
дал Рагнару знать, что Стрибьорн
находится не в лучшей форме. Юноша
обернулся и увидел, что лицо
Беспощадного Черепы побледнело, а его
кожа приобретала тот желтоватый
оттенок, который во время своей прежней
жизни на островах Трохочущий Кулак
привык связывать со смертью. Он надеялся
лишь на то, что Стрибьорну поможет
выжить его сверхчеловеческая сила.

Но какую же помощь ему можно
оказать? У Беспощадного Черепы явно
были внутренние повреждения, для лечения
которых у Рагнара не имелось ни навыков,
ни специального оснащения. Часто
несерьезные на первый взгляд,
поверхностные раны становились причиной
гибели воинов. Мальчишкой Рагнар
слышал истории о тужчинах, которым
доставались лишь легкие удары по черепу,
и они продолжали сражаться — а потом
неожиданно падали замертво в момент
своего триумфа. Может, именно так и
случится со Стрибьорном.

— Уди без меня, Трохочущий Кулак, — невнятно пробормотал Череп, с трудом выворачивая искалеченной челюстью. — Я подожду здесь. Если кто-нибудь погонится за тобой, я задержу их.

— Ты пойдешь со мной, Беспощадный Череп, даже если мне придется тащить тебя на плечах. Ты дошел сюда. Будь мужчиной и пройди весь путь обратно.

Их глаза встретились. Как и в случае со Свенот, Рагнар ощутил яростное сопротивление — но, как и со Свенот, он преодолел его. Наверное, если бы Стрибьорн был в полной силе, он не стал бы повиноваться, но сейчас Беспощадный Череп ослаб и просто не мог противостоять Рагнару.

— Убедил. Пошли. — Сервомоторы доспехов Стрибьорна астматически хрипели, прорванные на спине трубки дышали, но Беспощадный Череп зашагал по туннелю, прихрамывая и пошатываясь.

Трохочущий Кулак видел, что он с трудом держится на ногах.

Рагнар облегченно вздохнул. Он узнал это место. Это было огромное подземное

озеро. Юноша и представить себе не мог, до чего будет рад увидеть его терзительные воды. В этом миг даже воды, окружающие его родной остров, не сделали бы Грохочущего Кулака более счастливым. Каким бы безрадостным и отталкивающим ни было это место, оно являлось ориентиром, и теперь Рагнар узнал, что находится на верном пути.

За последние несколько часов ему, не единожды казалось, что он сбился с маршрута. На обратном пути к выходу на поверхность все выглядело совершенно по-другому, и Рагнар прекрасно понимал почему. Ведь теперь он двигался в противоположном направлении, видя туннели и пещеры с другой стороны. Вдобавок ко всему он еще и устал. Другой маршрут, другие ощущения — все это меняло восприятие этого места, делая его незнакомым, угрожающим и враждебным... Юноша тряхнул головой и наотманил себе, что оно и в самом деле такое.

— Это озеро мертвых? — спросил Стрибьорн булькающим шепотом. Рагнар понял, что Беспощадный Череп бредит. —

Мы уже пришли?

— Нет, — ответил Рагнар. — Это не оно. Это всего лишь тот мерзкий, загаженный Хаосом прыг, в который Свен плюнул по пути вниз. — Он попытался улыбнуться, но ему удалось изобразить лишь вымученную гримасу.

— А, это ты, Грохочущий Кулак. Когда-то я убил тебя, а ты убил меня, и мы вместе попали в ад.

Рагнар вздрогнул. На мгновение это показалось ему вполне возможным. От этой мысли у него закружилась голова. Возможно, Стрибьорн прав. Может быть, их трупы так и лежат в развалинах деревни Грохочущих Кулаков, а путешествие в Рүссвик и процесс превращения в Волка были всего лишь видением, последней фантазией, подобной сну, возникшему в его разрушенном болью мозгу в тот момент, когда Рагнар отправился навстречу смерти. Может быть, они и в самом деле мертвы, убив друг друга, они вошли в ад вместе.

Рагнар отчаянно боролся, стараясь сохранить рассудок. Он глубоко вдохнул

отвратительный воздых, втянув в себя запахи затхлой воды, плесени и грибов. Он увидел следы крови там, где накануне лежали трупы убитых ночных бродяг, -- наверное, сородичи уволокли их, чтобы сожрать. Юноша ощутил на пальцах прохладные керамитовые перчатки, а в руке -- рукоять болт-пистолета. Он напряг все свои чувства, гораздо более острые, чем у любого мертвого, пытаясь вобрать в себя окружающее во всей его полноте.

«Нет, -- сказал он себе. -- Я не мертв. И Стрибьорн тоже. Во всяком случае, пока еще нет. Мы -- Космические Волки, избранные Руссом, и мы не сдадимся!»

Он достал еще одну капсулу обезболивающего и прижал ее к инъекционному клапану госпехов Стрибьорна. Капсула с шипением опустела, а ее содержимое вошло в организм Кровавого Котя. Стрибьорн испустил долгий стон, встряхнул головой, огляделся по сторонам зажавшими глазами, полными боли, но, пожалуй, уже не такими лихорадочными.

-- Идем дальше, -- сказал он. Разгар

живнул в знак согласия. Ему показалось, что издалека доносятся звуки погони.

-- Что это было? -- спросил Стрибьорн. Рагнар был поражен тем, что Беспощадный Череп что-то расслышал. За последний час у него усилилась лихорадка, и он едва держался на ногах.

-- Ничего, -- ответил Рагнар.

Он лгал. Это был грохот подкованных ботинок, доносившийся из коридора позади и отдававшийся резким эхом в здешних лабиринтах. Было трудно определить расстояние, отделявшее их от источника шума, но Рагнар считал, что он уже недалеко. Кто бы ни следовал за ними, Кровавые Когти и не пытались таиться. Они бежали по туннелю со всей возможной скоростью.

Рагнар выругался. Он понял, что они сейчас находятся в том глинном коридоре, где на пути к храму он рассматривал наверху древние балки. Это было сегодня, но казалось, что с тех пор прошло несколько дней или даже недель. Насколько Рагнар помнил, отсюда оставалось не так далеко до выхода на поверхность. Ум

почти удалось выбраться. Почти.

Его утешала мысль о том, что Свен и остальные, наверное, уже ушли далеко. Ничто не указывало, что с ними случилась какая-то беда. Должно быть, Кровавые Когти уже выбрались на поверхность или даже вышли из зоны помех и вызвали помощь. Ведь они двигались гораздо быстрее -- с ними не было раненого Стрибьорна.

-- Надо поднажать, -- сказал Рагнар. -- Осталось уже недалеко.

Стрибьорн кивнул и захромал вперед.

Они почти уже миновали этот коридор, когда Рагнар услышал позади знакомый голос -- глубокий, красивый, но при этом злобный:

-- Куда бежишь, щенок? Повернись ко мне. Я хочу взглянуть на тебя, ибо не люблю стрелять в спину.

Рагнар узнал этот голос. Он принадлежал воину Хаоса, который настухал на сержантом Хенгистом. Юноша медленно повернулся и обнажил свой меч, дав Стрибьорну возможность

сползти на землю.

Он был поражен, когда узрел своего врага. Разгар ожидал увидеть целый отряд ужасных Десантников Хаоса в сопровождении орды ночных бродяг, но разглядел лишь одинокую фигуру.

-- Мэддокс! -- с ненавистью вывалил Кровавый Коготь. Он увидел, что некоторые символы на доспехах воина Хаоса светились, несомненно излучая зловредную энергию. Волосы на затылке юноши встали дыбом. Что происходит? Здесь действует проклятье?

В промозглom воздухе пещеры раздался стех:

-- Ты запомнил меня. Я польщен. Это хорошо. Когда твоя душа попадет в ад, ты сможешь рассказать, кто тебя убил.

-- Я еще не мертв.

-- Поверь мне, исправить это упущение -- для меня дело лишь нескольких мгновений.

-- Где твои собратья? Все они мертвы?

-- Нет. Они охотятся на нескольких уцелевших из твоей маленькой группы. На

тех, кто сбежал с поля боя, как трусы, -- да
они и есть трусы.

-- Я не верю тебе. -- Рагнар ощутил,
как зверь внутри него зарычал в ответ на
оскорбление и начал выдвигаться вперед.

-- Веришь ты или нет -- к делу это не
относится. -- Снова Рагнару показалось,
что в голосе последователя Хаоса
прозвучала нотка скуки.

-- Тогда зачем ты мне говоришь это,
тразь?

Колдун в доспехах вздохнул, словно
изумляясь крайней невежливости щенка,
стоявшего перед ним.

-- Потому что я давно уже не
испытывал удовольствия подразнить
одного из вас, находясь так близко. И мне
хочется этим насладиться. Это
ничтожно малая мстсть за то, что вы
сожгли Просперо, но я сейчас наслаждаюсь,
где могу.

-- Значит, ты -- один из Тысячи
Сынов...

Теперь Рагнар понял, что Мэдокс --
один из самых древних и опасных врагов
Ордена, дьявольский колдун и грозный воин.

Тысячи лет назад, после мятежа Хоруса, Космические Волки очистили родину Тысячи Сынов -- планету Просперо. Но предатели-Десантники не простили и этого деяния. Несколько раз с тех пор ренегаты атаковали Фенрис, пытаясь отплатить за гибель Просперо. Не означает ли присутствие здесь Мэдокса очередной подобной акции? Конечно, так оно и есть. Вот почему было столь необходимо, чтобы кто-нибудь выбрался отсюда и предупредил Космических Волков! Мысль о том, что Свен передал сообщение и возмездие последует уже скоро, несколько утешила Рагнара, придав ему толику уверенности.

-- Bravo! Значит, эти идиоты в Клыкe все еще учат новобранцев древним истинам, -- устехнулся Мэдокс.

-- Они рассказали мне достаточно о вашем предательстве, чтобы я мог распознать гнусного и неисправитого врага человечества, когда увижу его.

К удивлению Рагнара, Мэдокс не расхохотался. Напротив, его насмешливый голос принял ученый тон:

— Они так ничего тебе и не рассказали. Это не мы атаковали ваш Орген. Это вы предательски напали на нашу родину.

— После того, как вы отреклесь от вашего долга перед человечеством и Императором.

Мэдокс покачал головой:

— Такая уверенность, и так мало знаний! Мы не отреклись от Императора. Это он отверг нас. Он направил своих Волков, потому что ему не понравился путь, который открыл наш примарх, почтенный Магнус: путь к знанию и безграничной власти.

— Точнее, к безграничному злу...

Мэдокс печально покачал головой:

— Правду говорят, что глупо спорить с теми, чей разум закрыт. А ни в одном Оргене нет более скрытых и варварских утов, чем у Костиических Волков. Не знаю, зачем я трачу свое время в попытках просветить тебя.

Разнар тоже подумал об этом. Неужели воин Хаоса чего-то ждет? Возможно, он надеется, что подоспеют его

товарищи и помогут ему пленить Рагнара. Сейчас юноше было все равно. Каждое мгновение, которое он отнимал у Мэдокса, означало один лишний шанс для Свена, дающий возможность доставить сообщение их братьям в Клык.

— Может быть, ты и варвары, но верны своим клятвам, — прорычал Рагнар.

— Ты весьма настойчив в своей негальновидности.

Рагнар терялся в догадках, не понимая, что же имеет в виду Мэдокс. Только сейчас он начал замечать какое-то колдовство, которое воздействовало на его чувства и заставляло внимательно слушать то, о чем говорил воин Хаоса. Наверное, это было некое коварное заклинание, делавшее человека уязвимым для ереси.

Юноша решил что-нибудь предпринять, но понял, что находится под воздействием странной силы, мешающей ему действовать. Его разум словно оказался заперт в силки. А тем временем драгоценные камни на доспехах Мэдокса засияли еще ярче. Не в них ли все дело?

Встряхнув головой, чтобы
прочистить мозги, Рагнар спросил
колдуну Хаоса:

– Как вы сюда попали?

– Мы явились в ответ на молитвы
тех, кто поклоняется Меняющему Пути.
Мы прибыли под прикрытием того самого
метеоритного дождя, на разведку которого
явились эти тлаженцы – твои собратья.
Мы пришли по зову тех, кто почитает
нас. Храм, что находится внизу, был
освящен одним из моих боевых братьев,
оставленных в этом мире после нашей
последней атаки на Клык. Мой брат учил
мудантов истинному пути. Он вывел их
из заблуждения к свободе.

Рагнар кивнул. Последний фрагмент
загадочной мозаики встал на свое место.
Юноша заставил свою руку двигаться, с
трусом противостоя колдовству воина
Хаоса. Он медленно начал поднимать свой
безумно потяжелевший болт-пистолет,
нацеливая его на Мэдокса. Драгоценности
на доспехах ренегата внезапно потухли,
будто Рагнар разрушил их магию.

– Твоя воля сильнее, чем я думал.

ценюк, -- произнес Мэдокс голосом, полным презрения и ненависти. -- Полагаю, теперь мне придется убить тебя. А жаль. Ведь так было бы приятно, если б ты добровольно пришел к алтарю Тзинча и предложил себя Меняющему Пути. Но что поделаешь, все сразу получить невозможно...

Мэдокс молниеносным движением поднял свое оружие и выстрелил. Юноша не успел ничего сделать -- его пистолет выбило из руки. Это был необычайно меткий выстрел. Понимая, что теперь у него остался единственный шанс, Рагнар поднял меч и рванулся вперед. Ствол вражеского болтера смотрел ему в глаза, подобно зияющему жерлу пещеры. Рагнар отстраненно заметил, что это оружие похоже на голову демона, изрыгающего огонь из пасти. В этот миг он понял: ему конец. Мэдокс не из тех, кто промахивается с такого расстояния. Трохнул выстрел, Рагнар вздрогнул, но тут же удивленно понял, что пуля его не задела. Вместо этого он увидел, как от доспехов воина Хаоса откололся большой

күсок, а сам он отшатнулся. Конечно, устехнулся Рагнар, у Стрибьорна тоже имелось оружие. Должно быть, Беспощадный Череп пришел в сознание и открыл огонь.

Мэдокс пошатнулся, но мгновенно восстановил равновесие и как бы походя выстрелил мимо Рагнара. Услышав пронзительный треск ломающихся доспехов и стон боли, юноша понял, что заряд поразил Стрибьорна.

Но все же товарищ дал ему шанс -- и Рагнар натеревался в полной мере воспользоваться им. Пока он мчался навстречу Мэдоксу, с него слетели последние остатки валоcти, вызванной злым колдовством, Рагнар вновь стал самим собой -- неистовым Костическим Волком. С громким боевым кличем он описал мечом широкую дугу. Мэдокс развернулся ему навстречу, поднимая пистолет, но выстрелить не успел. Ему удалось лишь подставить свое оружие под меч Рагнара.

Раздался лязг металла, брызнули искры. Затем цепной меч рассек пистолет

воина Хаоса. Колдун отбросил изуродованное оружие, отступил на шаг и сделал неуловимый жест. Его меч вылетел из ножен и оказался в руке. Черный клинок по всей длине был покрыт красными рубинами, которые светились колдовской энергией. Его прикосновение будет смертельным, понял Рагнар. Он сделал глубокий выпад, держа свой меч обеими руками. Мэдокс парировал удар. Соприкоснувшись, клинки зазвенели, словно молот и наковальня.

Мэдокс атаковал Рагнара, но Кровавый Коготь прыжком ушел от воина Хаоса и сделал выпад. Противник легко отбил его. Теперь они ходили кругами друг вокруг друга, держа оружие наготове. У Рагнара волосы встали дыбом, когда меч Мэдокса издал злобный низкий стон. Юноша почувствовал, что этот клинок живет колдовской жизнью.

— Это верно, — пробурчал Мэдокс, угадав ход мыслей юноши. — Это демоническое оружие, выпив твою кровь, поглотит душу. Ты же видишь, как оно жаждет.

-- Сперва ему придется поразить
меня, -- ответил Рагнар и с рычанием
бросился на воина Хаоса.

Мэдокс, пригнувшись, уклонился и
тут же молниеносно контратаковал.

-- Не думаю, чтоб это было слишком
сложно.

Сказав это, он обрушил на юношу
шквал ударов. Рагнар отчаянно отбивался,
парируя, уклоняясь, едва успевая
отпрыгивать. Воин Хаоса
демонстрировал невероятную силу и
скорость. Рагнар понял, что, при всей
своей силе, против Мэдокса он просто
ребенок.

Юноша с трудом отбил очередной
оглушительный удар. Рука его онемела. По
сравнению с Десантником Хаоса он
действительно был ребенком. Мэдокс
обладал опытом тысячелетий и владел
всеми дарами, которыми осыпали его силы
Хаоса. Сражаться против такого воина
было безумием. Этого свирепого врага ему
ни за что не одолеть. Рагнар
почувствовал, что мог бы просто сдаться -
и тогда конец оказался бы не таким

болезненным.

И опять он осознал, что эти мысли пришли откуда-то извне, что его мозг подвергается воздействию внешней враждебной силы. Наверное, подрывающие дух размышления возникли под влиянием скорбной мелодии, которая звучала из покрытого руната колдовского меча. Эти ужасающие звуки лишали юношу мужества, отнимали силы. И вновь он собрал всю свою решимость, дабы избавиться от злых чар, парировал удар Мэдокса и ринулся в яростную атаку. Этот напор заставил воина Хаоса отступить шаг за шагом, утрачивая все полученное преимущество.

Разгар почувствовал досаду Мэдокса, ошеломленного этим неожиданным сопротивлением. Он обрушил на противника очередной могучий удар, и его губы изогнулись в волчьей устешке. На сей раз ему удалось преодолеть защиту врага и поразить одну из злобных демонических голов на его доспехах. На мгновение юноше показалось, что он всадил меч в тело колдуна, но тут он увидел, что на броне

противника проступил докрасна
раскаленный жидкий металл. Он
пузырился, словно вулканическая лава, а
затем испарился, превратившись в
серебристое ядовитое облако. Разнар
поспешно отступил, заподозрив, что
может погибнуть, вдохнув эту отраву.
Магия, окружающая воина Хаоса, была
настолько сильна, что даже возмозночтеей
организма юноши сопротивляться ядам
могло оказаться недостаточно.

— Хороший удар, — язвительно
заметил Мэдокс и внезапно ударил
Разнара ногой в пах. Это было словно удар
кувалды — Кровавый Коготь ощутил, как
промялись его доспехи. Юношу подбросило в
воздух, и, пролетев несколько метров, он
растянулся на каменном полу рядом с
лежащим Стрибьорном.

Разнар тут же перекатился через
голову и вскочил на ноги. Его тело
пронзила дикая боль. Он встряхнул головой
в отчаянной попытке обрести ясность
чувств. Мэдокс мчался к нему, высоко
подняв свой забывающий меч для
последнего удара.

В этот миг Разнар ощутил, как его захватывает оцепенение. Он понял, что у него не хватит сил, чтобы отразить смертельный удар, и осознал: с его жизнью покончено уже наверняка. Он мог лишь смотреть, как приближается к нему воин Хаоса. Юноша был заморожен светящимися рунатами и стоном беспощадного меча, зная, что через считанные мгновения почувствует его холодное жало. И если еретик сказал правду, то Трохочущий Кулак ощутит, как колдовской клинок забирает душу из еще живого тела.

Когда Мэдокс едва не наступил на изувеченное тело Стрибьорна, Беспощадный Череп внезапно открыл глаза. Собрав всю волю в кулак, он протянул свою неповрежденную руку и из последних сил ухватил воина Хаоса за лодыжку. Не ожидавший этого нападения, Мэдокс потерял равновесие и рухнул вперед. Разнар инстинктивно поднял свой меч, защищаясь от падающего врага. Раздался жуткий скрежет, посыпались искры, когда вращающиеся зубья цепного меча вгрызлись в адский металл доспехов.

воина Хаоса. Разнар едва успел откатиться в сторону, когда из облачения Мэдокса вырвался ядовитый газ. Тело врага рухнуло на землю, загоняя жужжащие лезвия еще глубже в грудь, пока они не вышли со спины. Оттуда вырвался вверх огромный фонтан омерзительного дыма, который поднялся к потолку пещеры и медленно рассеялся. А на Разнара обрушился долгий вопль бесконечного отчаяния.

Шлем Мэдокса откатился в сторону, и Разнар увидел, что доспехи врага пусты — словно в них никого и не было. Быть может, так оно и есть, подумал он. Возможно, Мэдокс физически прекратил свое существование гавным-гавно, и лишь его злобная душа осталась действовать в древних доспехах.

Разнар тяжело дышал. Его тело скрутила боль. В этот миг он не ощущал никакого торжества, хотя и понимал, что это было бы естественно. Он и Стрибьорн одолели одного из самых могущественных врагов, с какими только мог столкнуться

Костический Десантник. Вопреки всему, они победили -- более с помощью удачи, нежели мастерства. И еще -- благодаря чрезмерной уверенности противника. Но в сложившихся обстоятельствах Рагнар был рад этой победе, как бы она ни была достигнута. Это лучшее, на что он мог надеяться.

Юноша протянул руку и вытащил свой меч из доспехов врага. Затем он подобрал упавший пистолет Стрибьорна и сунул его в свою кобуру. Наклонившись, Трохочущий Кулак взвалил на плечи тело Беспощадного Черепи и медленно побрел к выходу на поверхность. Его поврежденные доспехи скрипели и стонали под невыносимой тяжестью, и Рагнар подумал, что надо будет лично поблагодарить техножрецов за столь тщательное обслуживание этого боевого оснащения, которому исполнился не один век. Оно хорошо послужило ему во время первого настоящего боевого задания.

Ощущая на своих плечах тяжелый груз, Рагнар улыбался. Трижды за сегодняшний день он был обязан

Стрибьорну жизнью. И он вернет этот долг, если туша старого врага не раздавит его прямо сейчас.

Впрочем, он сможет вернуть Стрибьорну долг только в том случае, если они оба живьем доберутся до поверхности. С застывшим на лице решительным выражением Рагнар зашагал по туннелю. Он надеялся, что выход недалеко.

Прохладный ночной воздух бросился в лицо Рагнару, когда он вынырнул из пещеры, а с ним явился и странный химический запах, отдававший маслом и керосином. Не сразу окутанный болью мозгов юноши отметил, что они наконец-то выбрались на поверхность. Через секунду Кровавый Клык заметил, что все пространство перед входом в пещеру лишено растительности. И только в следующее мгновение он осознал, что на него смотрят полсотни стволы.

Ноздри его раздулись, и Рагнар уловил запахи братьев по Оргену. Их было много.

— Это я, Рагнар, — сказал он просто

для того, чтобы что-то сказать. Он был уверен, что они уже узнали его, но в этих обстоятельствах ни в чем нельзя было быть слишком уверенным. Да, это могло стать самой глупой смертью — от рук своих товарищей после бесконечно долгих и опасных блужданий в недрах этой дьявольской горы.

На Рагнара упали лучи фонарей, залив его ярким светом. Зрачки Волка тут же сузились, но на мгновение он все же оказался ослепленным. Затем юноша почувствовал, как могучий разум проник в его сознание, тщательно анализируя все мысли Кровавого Когтя. Юноша был уверен, что чувствует в этом разуме присутствие тех трех старцев, что когда-то встретили его за Вратами Моркаи. На этот раз Рагнар сам открыл для них свой разум, стремясь во что бы то ни стало избежать непонимания.

Призрачные пальцы перелистывали его мысли, но он почувствовал, что его узнали и признали.

— Это брат Рагнар и брат Стрибьорн, — произнес туманный голос. — У

на них нет никаких следов Хаоса. Хвала
Руссу!

— Уди сюда, парень, а брата
Стрибьорна передай на попечение жрецов,
— прозвучал голос из сумрака. Разнар узнал
Ранека. Лучи фонарей исчезли, и юноша
смог различить над головой ходовые огни и
призрачные очертания нескольких боевых
кораблей — «Громоных Ястребов». Очевидно,
Орген получил предупреждение и
реагировал на него мгновенно и
решиительно. Разнар понимал, что это
говорит лишь о масштабах угрозы,
поджигавшей в недрах горы.

Собрав последние силы, он зашагал
навстречу боевым товарищам, заставив
себя двигаться гордо и прямо — несмотря
на мучительную боль, поврежденные
госпехи и ошеломляющий вес
Беспощадного Черена на плечах. Несколько
человек поспешили вперед, чтобы принять
у него Стрибьорна, — он увидел знаки
целителей. Один из них взглянул на юношу
и жестом пригласил следовать за собой
вниз по склону.

Через несколько десятков шагов

Рагнар оказался перед входом в палатку полевого госпиталя. Целители уже присоединили свои странные устройства к госпехам Стрибьорна и начинали загадочные ритуалы. Один из медиков стал присоединять аппаратуру и к Рагнару.

— Как Стрибьорн? — спросил юноша — Он будет жить? Он ведь спас мне жизнь. — Эти слова прозвучали как-то глупо, но целитель только улыбнулся, показав свои клыки.

— А ты наверняка спас его жизнь, вовремя доставив сюда. Но теперь помолчи. Я должен заняться тобой.

Это был приказ, но высказан он был мягко, и Рагнар повиновался. Он услышал свист воздуха, когда лекарственные препараты вводились в инъекционные отверстия его госпехов, затем щелчок, когда распахнулись створки грудной пластины. Через мгновение юноша почувствовал, как расслабляются мышцы. Он встряхнул головой, чтобы вернуть четкость восприятию, и тут заметил Свена, стоявшего у входа.

– Утак, ты сделал это, брат, –
сказал Свен. – Я рад.

– Ты, очевидно, тоже выполнил свою
задачу, и наше послание достигло цели.

– Да, но повозились же мы у этой
пещеры. Я думал, мы никогда не выберемся
из зоны помех. Должно быть, мы отмахали
добрых шесть миль, прежде чем я смог
связаться с Клыком.

– А что случилось потом?

– А потом началось такое...
Буквально через пять минут после
отправки сообщения я увидел в небе
огненные хвосты «Грозовых Ястребов».
Они встретились внизу и стали пускать в
лес химические ракеты. В течение двух
минут корабли очистили пространство
вокруг входа в пещеру на тысячу шагов.
После того как завершилось действие
ракет, «Грозовые Ястребы» сели, и из них
вывалились едва ли не все Волки Клыка.
Сут и Ранек, и Библиари, и Железные
Жрецы... Здесь даже один гредноут,
которого зовут Бьорн Разящая Рука.
Говорят, что это один из Древних,
что был еще рядом с Руссом. Все старшие

братья, что были в комнатах для медитаций, тоже явились сюда и приволокли кучу оборудования. Похоже, мы откопали настоящее осиное гнездо, и теперь Волки намерены очистить его, быстро и качественно.

Свен перевел дыхание.

— Мы с Нильсом и Ларсом только что вернулись с места, откуда отправляли сообщение. Я понимал, что зайду взглянуть на тебя, прежде чем мы отправимся в глубь горы.

— Ты возвращаешься туда?

— А попробуй останови меня! Первые отряды уже отправились. Они прокладывают линии связи, ищут ловушки, чтобы на нас не рухнул потолок, когда все мы спустится туда. «Грозовые Ястребы» сканируют гору в поисках других выходов. Как только станет ясна ее топография, мы спустится туда и вычистим эту тень Хаоса.

— Мы убили одного из них, — сказал Рагнар. — Стрибьорн и я. Мы убили их командира, Мэдокса.

— Я уже слышал. Библиари

сообщили. Весь Орден только и говорит об этом. Давненько Кровавому Когтю не удавалось победить в бою могучего воина, равного Мэдоксу. Вы совершили великий подвиг.

— Нам повезло.

— Выбирая между командиром удачливым и командиром мудрым, я предпочитаю того, кому чаще везет, — заметил Свен. — Как бы то ни было, не говори об этом слишком громко, а то все испортишь. Впервые с тех пор, как я попал в Руссвик, с нами обращаются так, словно мы что-то собой представляем.

— Это тебе только кажется. На самом деле с нами всегда обращались так, будто мы что-то значим. Именно поэтому старшие Волки держались так сурово.

— Ладно. Когда с твоими ранами закончат, спускайся и присоединяйся к нам. Нильс нашел кое-что поесть.

— Меня это несколько не удивляет, — сказал Рагнар и улыбнулся. Наконец-то он почувствовал радость. Молодой

Костицкий Волк прошел крещение огнем, не опозорившись. Он знал, что вскоре его

товарищи очистят это змеиное гнездо и
отомстят за павших братьев. И Разнар с
нетерпением ожидал возможности
присоединиться к другим Волкам в их
грядущей жестокой мести.

Эпилог

-- Брат Рагнар, -- произнес холодный, ясный, внушительный голос. -- Брат Рагнар, очнись.

Глаза Рагнара открылись. Он внезапно осознал, где находится, ощутил прохладный лютый запах лечебных препаратов, холодный ламповый хирургического стола под своим телом. Костический Волк увидел, как его дыхание превращается в облачко пара на стуженом воздухе. Он поднял глаза и увидел изборожденное морщинами и шрамами лицо, с улыбкой глядящее на него. Два слова, что открыла взгляду эта улыбка, говорили о том, что Волк находится среди своих боевых братьев, а боль в груди свидетельствовала о том, что он вновь оказался среди живых.

-- Нет, это не может быть ад, брат Сигард. Ты слишком уродлив, чтобы тебя пропустили через его врата.

-- Да и ты слишком нагл, чтобы так легко умереть, брат Рагнар. Хотя, по

правде говоря, ты был на волосок от смерти. Оба твоих сердца остановились, и дух уже воспарил над телом. Мы уже думали, что потеряли тебя, но все-таки что-то вернуло тебя назад. Даже и не знаю, как это вышло.

— У меня еще остались дела среди живых, брат. У меня есть враги, с которыми надо покончить, и битвы, которые надо выиграть. Я еще не готов умереть. Как идет война?

— Хорошо. Мы очистили территорию, а тем временем остальные силы Императора подтягиваются сюда, чтобы закрыть периметр. Мы обеспечили хорошее начало, но битва еще только начинается. Здешние еретики — крепкие ребята, и говорят, что от сил

Хаоса им пришло подкрепление. Может быть, Тысяча Сыновей тоже здесь. Ходят слухи, что во главе их войск видели Мэдокса.

— Это и есть мое неоконченное дело, брат. Дважды я думал, что убил его. Жду, не дождусь третьего раза.

— Успехов тебе в твоих поисках, брат.

И быть может, твое желание скоро осуществится, поскольку враги готовят мощную контратаку...

-- Как скоро я смогу выйти отсюда? -- спросил Рагнар.

-- Через несколько дней, брат.

-- Это нехорошо, -- сказал Рагнар, не обращая внимания на боль и поднимаясь со стола. Трубки систем жизнеобеспечения автоматически удалились из отверстий на его доспехах. -- Оргену понадобится каждый человек в этой сражении.

-- Как пожелаешь, брат Рагнар, -- сказал Сизарг.

Рагнар кивнул и медленно пошел к двери. Снаружи слышался вожделенный грохот боя.